

ISSN0868-698X

СТОЛИЦА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

№ 40 (202) 1994 г.

ФСК

№ 46878

-старому

АКЦИОНЕРНЫЙ БАНК

БАНК

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ

НОМЕР БАНКОВСКОЙ ЛИЦЕНЗИИ — 2371 от 8 июня 1993 года
УСТАВНОЙ КАПИТАЛ — 10 000 000 000 РУБЛЕЙ.

ПРОИЗВОДИТ

бесплатное расчетное и льготное кассовое обслуживание клиентов без ограничений, открытие и ведение корреспондентских счетов.

Операционный день с 10 до 16 часов.

ПРИНИМАЕТ

денежные средства от юридических и физических лиц.

ПОКУПАЕТ И ПРОДАЕТ

межбанковские кредиты.

ПРЕДОСТАВЛЯЕТ

кредиты организациям и частным лицам под залог недвижимости, товара, ценных бумаг;
под банковские гарантии.

ОСУЩЕСТВЛЯЕТ

депозитарную деятельность —
предоставление услуг по хранению ценных бумаг или учету прав на эти ценные бумаги.

ПЕРСОНАЛЬНАЯ РАБОТА С КЛИЕНТАМИ

Москва, ул. Орджоникидзе, д. 12. Проезд: ст. м. "Ленинский проспект"
Тел.: (095) 955-21-47, 955-20-80, 955-21-58

В НОМЕРЕ

Пока бастует «Скорая помощь», жалуется на нехватку «специальных средств тушения» пожарная служба, а милиция и вовсе не знает, куда выезжать — на труп с ограблением или на труп с изнасилованием, Военная комендатура города Москвы принимает вызовы или, если позволительно употребить такое чисто гражданское выражение, заказы на разминирование.

17

Резо Габриадзе:

Россия вернется в свой Серебряный век, в свой баснословный 1913 год... Она уже туда идет, в порванной одежде и в сияниях.

47

Эпопея бассейна «Москва», преисполненная магии и тайн, сотканная из множества легенд, историй, событий, эта эпопея оборвалась, ушла в бездну, более глубокую, чем Атлантида.

27

Сожгите наши мосты
Валерия Новодворская 4
Пункт приема поношенных суверенитетов
Борис Жуков 5

Политика

Служба
Александр Крушельницкий,
Владимир Воронов 6
Суд над «Терминатором»
Владимир Воронов 10
Революция, предсказанная Лениным
Александр Морозов 11
Провинции наплевать на политику
Интервью с мэром г.Самары
Олегом Сысуевым 13
Первые леди поднимают бунт
Анатолий Медведенко 14
Мальчик в песочнице бомбу нашел
Эдуард Дорожкин,
Эдуард Кудрявицкий (фото) 17

Экономика

Игра в акции
Елена Эрикссен 20
Вашим соседом будет Майкл Джексон 25

Жизнь

Сказание о чаше
Алексей Дидуров 27
Не верь ушам своим
Владимир Сокольников 34
Ищите и обряцете
Максим Грайнов 36
Среди своих
Владимир Грибанов 38
Между нами, Дерибасами...
Алла Боссарт 41
Семейный парк
Алексей Митрофанов 45

Культура

Весна нашей осени
Резо Габриадзе 47
Ворчалки, вопилки, манилки и прочие двигатели прогресса
Александр Соколянский 52
Замысел
Владимир Войнович 60
Дикие животные сказки
Людмила Петрушевская 63
Собрание сочинений
Игорь Иртеньев 63
Русский авангард в Америке
Инесса Левкова-Ламм 64

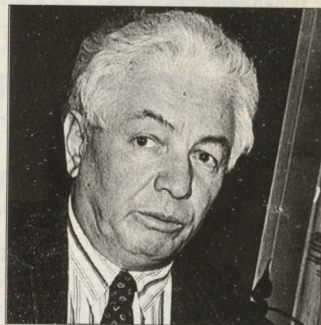
Письма 2
Цитатник 16
С миру по нитке 33
Дневник И. 50
Антресоли 56

На первой странице обложки дизайн С.Стыриковича

Второго сентября, в утро двухсотлетия, молоденький бронзовый адмирал среднего европейского роста высоко над морем, в изюмной Дерибасовской, явился, опираясь на лопату, потопкам...

43

Владимир Войнович:

— Ты что, сам? — горячо возразил провожатый. — Куда же сам? Разве можно тут самому, приедем, одинокому, имея в кармане тугрики? Это ж, бля, Москва, столица нашей родины. Тут народ живет такой, что приезжего человека встретят, обнимут, разунут, разденут и спать под стенкой положат голого.

60

Общественно-политический иллюстрированный еженедельник

Москва, 101425, ГСП-4, Петровка, 16

Телефоны: 200-43-43, 200-45-05
Телефакс: 200-11-11

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г. Зарегистрирован Комитетом Российской Федерации по печати 25 октября 1993 г. (№ 0110344). Учредитель: редакция журнала «Столица».

Главный редактор:

Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Консуэло Сегура, Петр Смирнов, Владислав Старчевский

Директор издательства:

Борис Рабкин

Ответственный секретарь:

Юрий Бугельский

Главный художник:

Владимир Васин

Отдел политики:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки:

Елена Эрикссен

Отдел права:

Николай Бахрошин

Отдел искусства:

Татьяна Савицкая

Отдел литературы:

Дмитрий Быков

Отдел репортажа:

Владимир Грибанов

Отдел писем: Наталья Туровская

Над номером работали:

К.Сегура, А.Пружинина, Р.Катеева

Номер подписан

в печать 29.09.1994 г.

Тираж 100 000

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 200-38-45

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 200-33-43

© «Столица», 1994

Отпечатано

в Финляндии в типографии «UPC Consulting Ltd.»

с диалозитивов, изготовленных в фотонаборном центре еженедельника «Столица»

У «Столицы» — все в ажуре

Ваш журнал покупаю не всегда, хотя достаточно часто: увижу на прилавке — беру. А тут вдруг удивился: что за необычный вышел номер 34? Привлек прежде всего своей яркостью, удивительной для нашей полиграфии бумагой. Впрочем, думаю, она не наша. И угадал: теперь журнал печатается в Финляндии. В сущности, мне, как читателю, какая разница где! Мне главное: взять эту радующую глаза глянецовую обложку, эти приятные гладкие страницы в руки. Мне нужна радость общения не только с содержанием (здесь и раньше всегда все было в норме), но и внешним видом.

В последние годы с оформлением практически у всех журналов — полный провал. Если и раньше-то не блистали, то теперь просто тошно стало видеть серую в полном смысле слова «Крестьянку» и отпечатанную на газетной бумаге «Работницу». Но наконец эти времена хоть для «Столицы» миновали! Сейчас можно говорить о настоящей конкурентоспособности журнала с зарубежными образцами. Впрочем, по уровню содержания наша «Столица», думаю, их превосходит даже раньше. Ныне — все в ажуре, так держать, ребята!

Н.ГРОМОВ

Калуга

За Рубцова обидно...

Относясь с постоянной симпатией к «Столице», я был неожиданно покорен публикацией В.Новикова «Три стакана терцовки» о Рубцове («Столица», № 33).

Текст статьи не убедил меня в том, что Рубцов, которого я люблю, в отличие от автора, с подачи Кожина, — не поэт (при полном согласии с оценкой Новиковым личности Куняева и т.п.). Найти проходные строки можно у кого угодно.

Что касается В.Кожина, которого автор сам признает высоким литературным профессионалом, то по части анализа творчества Рубцова Но-

виков не одолел его. Другое дело, почему Кожин избрал себе такую неприглядную политическую компанию...

А за Рубцова, скорее всего, ждите дружного отпора. Кстати, «Столица» уже позволяла на своих страницах подобный эпатаж по отношению к О.Мандельштаму (статья Ю.Влодова). Не лаврам ли «МК» завидуете?

А.НИКОЛЬСКИЙ

Москва

Фокус не удался...

Прошедший День города стал довольно знаменательным событием в столице. Отчасти потому, что было немало интересных сюрпризов, но скорее потому, что некоторые сюрпризы были, мало сказать, не слишком приятны.

Я имею в виду, конечно, несостоявшееся лазерное видение храма Христа Спасителя над бассейном «Москва». Здесь собралось чуть ли не полгорода, люди пришли заранее, с детьми, занимали места: кто сидячие, на земле, подстелив газеты, кто стоячие, поближе к бассейну, а мальчишки забрались на стелы с афишами и деревья. Все ждали, несмотря на холод, ветер и начинающийся мелкий осенний дождь.

Двое подвыпивших юношей крикнули: «Вы чего, чуда, что ли, ждете? Чуда не будет!» Как в воду смотрели. В воду бассейна «Москва». Огромный воздушный шар поднять над его поверхностью так и не удалось. Было сделано пять или шесть попыток, но шарик упрямо взлетать не желал.

Народ кричал, свистел, хлопал — но все тщетно. Никаких вам храмов, господа. И вообще организацию этого «действия» можно назвать отвратительной: обращения и объявления в рупор, которые по замыслу должны были быть хорошо слышны всем собравшимся, звучали столь негромко и невнятно, что никто ничего не понимал: почему, отчего, стоит ли расходиться... Наконец сами осознали: больше нам здесь уже ничего не покажут. Толпа хлынула к метро, но оказалось, что, опасаясь давки, «Кропоткинскую» распорядились закрыть. Тогда давка началась

на улице, вся площадь и Пречистенка были забиты машинами и людьми, пробирающимися к станции метро «Парк культуры». Брели намокшие, замерзшие, грустные, обманутые, чувствуя себя попросту доверчивыми дураками.

«Нет, не умеют у нас сделать праздник», — сказал мужчина впереди меня.

Не умеют. Или не хотят. А может, это действительно такое проклятое место, где храму уже никогда больше не стоять? Взорванный когда-то, он не появился и во второй раз даже в простом изображении. Не знаю, стоит ли его опять воздвигать — не предупредение ли это нам свыше? Или обычная наша российская расхлябанность?

М.ДОРОФЕЕВА

Москва

«Все слова, слова, слова...»

С большим удовольствием прочитала в «Столице», № 33 подборку материалов о печати. Давно пора обратить серьезное внимание на обилие неточной, извращенной, а иногда и просто ложной информации в газетах, теле- и радиопередачах.

Откуда что берется — не знает никто.

В программе «Сегодня» по НТВ Михаил Осокин передает информацию «Эха Москвы» о смене руководства Большого театра: директором будет Родион Щедрин, главным балетмейстером — Майя Плисецкая, главным дирижером — Мстислав Ростропович. Представляю, как они все удивились. А мы — обрадовались. На следующий день Осокин сообщает, что «Эхо Москвы» передало непроверенную информацию — директор Большого театра ее опроверг. Теперь удивились мы.

В начале августа в передаче «Графоман» по телевидению вдруг слышу о покушении на ректора Литинститута, поджоге его квартиры и подложенной бомбе в столовой Литинститута.

Забеспокоилась, так как в Литинституте у меня учится сын. Стала узнавать, правда ли это. Знакомые, располагающие информацией, очень удивились.

«Утка», говорят, никто не слышал, а поджог квартиры был уже довольно давно. Ничего не поняв, замороченная нашим телевидением, села писать письмо в редакцию. Продолжайте начатую тему об информации в печати, это крайне важно и необходимо. Пока каждый журналист, каждый репортер не поймет такой простой истины — передавать нужно только проверенную информацию, выверенную досконально.

И.ЛАЗАРЕВА

Москва

Я стала воином уже в 16 лет

В номере 25 «Столицы» я прочитала статью «Бронжилет для прекрасной дамы». Дело в том, что данный очерк фигурирует под моим портретом, портретом казачки на улице Тира-

ла, в феврале 1993 г. вышла замуж за своего боевого товарища, а вот детей пока нет. Считаю, что времена не те, тем более желаю «законтрактоваться» снова в «горячую точку» — таджикско-афганскую границу. Поэтому требую реабилитации, опровержения, возмещения морального ущерба.

Что же касается описанной вами Ирины, воевавшей в Абхазии, то, с моей точки зрения, она совершенно аморальная женщина, если это действительно подлинный человек. Бросила рожденного ею сыночка! Судить за это надо! А кто это ей присвоил офицерское звание? Не верится, что Ирина воевала в спецназе — по словам действительно воевавших там ребят, в такие подразделения девочек не берут даже в санитарки. Не верю, что она была в состоянии прожить 30 километров в бронжилете.

Каждое слово Ирины дышит тем, что они не столько воевали, сколько вели беспорядочную половую жизнь, для чего Ира и убежала от законного мужа и сыночка.

Конечно, я могла над всем этим просто посмеяться, так как я стала воином уже в 16 лет! 12 лет я являюсь воином-патриотом и знаю, как девушка-военнослужащая в такой ситуации должна себя вести.

Т.АБАКУМОВА

Кимры, Тверская обл.

споля. Вроде как героиня очерка об Абхазии и я — одно лицо. Сама я военнотруженица — Абакумова Т.В. — летом 1992 г., в то время еще девушка, была на защите Приднестровской Молдавской республики. Когда я возвращалась с поста, то на улице Тирасполя меня кто-то «щелкнул» фотоаппаратом.

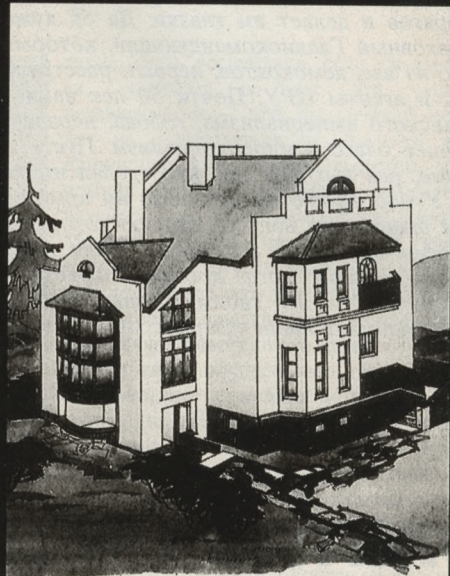
В патриотическом движении я человек довольно известный, и люди, пришедшие туда позже, не знакомые со мной, теперь благодаря этой статье с моим портретом поговаривают, что это-де я ребенка бросила.

Поясняю, что летом 1992 г. я была девушкой, ничего такого никому не позволя-

От редакции

Помещенные в № 25 «Столицы» фотографии всего-навсего иллюстрируют статью «Бронжилет для прекрасной дамы» и показывают женщину на войне. Никакого прямого отношения к героине очерка они не имеют — Ирина вполне реальное лицо, фотографироваться отказалась и запретила упоминать в печати ее настоящую фамилию. Редакция заявляет, что никакого отношения к персонажу статьи фотоснимки не имеют, в том числе и тот, на котором Т.В.Абакумова узнала себя.

ИНТЕКС

Двухэтажный 6-комнатный жилой дом

Если Вы хотите построить загородный дом или реконструировать квартиру,

Вам поможет объединение «Интекс» — крупнейшая московская строительная фирма.

«Интекс» располагает собственной строительной базой, современной строительной техникой. В состав объединения входит завод стройматериалов, проектно-конструкторское бюро, фирменный магазин строительных материалов.

Группа недвижимости «Интекса» поможет Вам приобрести земельные участки в наиболее престижных местах Подмосквы, квартиры в Москве. Высокая квалификация персонала и устойчивая репутация фирмы определяют контингент заказчиков, в числе которых самые известные люди России.

**Лучшие традиции
Российского строительства**

Объединение ИНТЕКС

Телефоны (095) 180-40-31, 180-92-80.

Магазин строительных материалов: ул. Кольская, д.7 (метро «Свиблово»). Работает с 10.00 до 18.00 (кроме понедельника). Телефон: 180-42-91.

Мы еще вернемся!

Пишу в ваш журнал, хотя неизвестно, столица какого государства подразумевается в вашем названии: патриотизма у вас что-то незаметно. Уму непостижимо, что отступление нашей некогда победоносной армии из нацистской Германии (немцы фашистами были и остались) подается продажной прессой как праздник. Верховный Главнокомандующий хлопает по плечу врагов и делает им глазки. Да он хуже Власова! Если бы воскрес наш Верховный Главнокомандующий, который выиграл войну, он не знал бы, кого из вас, демократов, первым расстреливать: всюду одни предатели, шпионы и агенты ЦРУ. Почти 50 лет наши войска охраняли Европу от американского империализма, голода, неравенства и нищеты. Мы дали ей величайшее благо в мире: социализм. Пусть теперь они пропадут при капитализме, раз выгнали тех, кто сделал им добро. Нам, старикам, нечего терять. У нас ничего не осталось: ни армии, ни порядка, ни родных нам красных флагов, ни могучей партии, которая вела нас к победам, ни органа госбезопасности. А ведь ваш журнал пишет, что мы еще не построили капитализм. Значит, когда достроим, будет еще хуже. Нам нечего терять, и нас много. Скажите своим друзьям в Германии, Чехии и Прибалтике, чтобы не занимали наши казармы: мы еще вернемся.

**Ветеран войны,
Герой Советского Союза**

Сожгите наши мосты

Валерия НОВОДВОРСКАЯ

В Германии большая стирка. Подметаю оставленные советскими воинами-освободителями авгиевы конюшни казарм, куда когда-то вселились идейные и звонкие воины Жукова и откуда только что выкарабкались траченные молью, меняющие гранатометы на шнапс и шмотки барахольщики Грачева. В свете этого ухода, этой запоздавшей ретирады, очень актуально выглядит подаренный мне в 1990 году братскими антисоветчиками-венграми значок. На нем изображен обескураженный розовый российский затылок, над ним военная фуражка, а по кромке надпись: «Товарищи, конец». На память о ЗГВ мы оставили только мафию... В Германии взорван мост, на котором когда-то произошла доисторическая встреча несчастных, едва не перемолотых жерновами двух встречных фашизмов — красного и коричневого — союзников и наших родных коммунаров, которые спешили освободить Европу от своих сообщников, поделщиков и учеников, предлагая в порядке здоровой рыночной конкуренции вместо нацистских трибуналов свои политические процессы, а вместо Бухенвальда и Освенцима — Колыму и Дубровлаг. Нашлись еще любители исторических парадоксов, которые требовали сохранить этот мост для грядущих поколений. Не вняли. Пусть горит и рушится в бездну па-

мять о том, как два бронированных монстра, как вымершие обитатели юрского периода по очереди осваивали друг от друга хрупкую, как богемский хрусталь, западную цивилизацию, чтобы, осушив последний бокал, разбить его вдребезги — на свое тоталитарное счастье. Покаившаяся Германия, преклонившая колени у стены Плача в Иерусалиме, носящая на руках уцелевших евреев, собирающая даже наших, воспаряет прямо в рай, вкушая по дороге земное капиталистическое счастье. Она сама сожгла мосты между своим адским прошлым и человеческим настоящим. Мы так не умеем. Нам нужны судьи, которые сожгут за нас эти мосты. Нас не пустили на торжественные проводы спасителей Германии — войск западных держав. Спасители и поработители не могут шагать в едином строю. И если вы не понимаете за что, читайте Льва Копелева, который получил 10 лет за то, что пытался защитить от «освободителей» мирное население Германии, насилуемое, убиваемое — от младенцев до стариков. «Око за око и зуб за зуб» — это вековая идеология погромщиков. Кажется, российские черносотенцы тоже руководствовались идеей отмщения за «распятого христианского Бога, умученного от жидов». А подавление Берлинского антисоветского восстания? А стена и расстрелянные беглецы у ее подножия? А Штази? Нам никто ничего не должен. 75 лет вины, 75 лет одино-

чества за «железным занавесом» списали все германские и прочие долги. Мы давно уже не кредиторы, а неисправные должники. Нас не пригласили и в Нормандию. Спасибо за этот щелчок по носу. Но пока интеллигенция плачет от стыда и раскаяния, советские манкурты, полные злобы, вместо искупления грехов готовятся отгрохать отдельное пятидесятилетие своей отдельной Победы, пряча под кумачом баркашовские свастики и заглушая славословиями бред Жириновского о Четвертом рейхе и клич черносотенцев: «Бей жидов, спасай Россию». Так что спасибо каждому, кто бросит в нас камень.

На Родине тоже нашлись добрые самаритяне, готовые сжечь свою часть моста гражданского согласия между жертвами и палачами. И самый добрый самаритянин из всех — Владимир Вольфович Жириновский. Он наконец-то довел рафинированного и рожденного в Брюсселе Андрея Козырева до того, что министр справедливо обозвал ЛДПРовцев ублюдками. Учтивый Сергей Филатов, правда, попенял Андрею Владимировичу на такое обращение с мягкой, собирающимся подавать обед реформаторам исключительно в «Лефортове». Надеюсь, если г-н Козырев будет извиняться, то он уточнит, что хотел сказать «подонки», да бес попутал. Вдохновленный похождениями В.В., министр даже предложил вполне сносный способ упрятать нового Александра Македонского за решетку. Оказывается, он собирается отдать Германии (братским неонацистам) Выборг и Калининград. Налицо государственная измена! Ст. 64. И ведь сам, каналья, об этом в своем манускрипте написал. Есть смысл посадить его за намерение отдать Германии города, пока он не посадил нас за намерение отдать Японии острова. Надеюсь, что больше В.В. не будет захватывать губернаторских кабинетов, как в Нижнем. Лучше ему сразу попытаться в знак протеста занять Кремль и апартаменты Бориса Николаевича. Может быть, хотя бы оттуда его выведут в наручниках. Ведь мы начинаем обороняться только тогда, когда нас загноют на дерево и некуда спрыгнуть.

Итак, сожгите наши мосты, отметите наши парады, снесите наших идолов и истуканов со спасенными якобы девочками на руках.

В Европе не останется наших командоров: из бронзы, из мрамора, из жести, из кирпича.

А в России надо убрать их воскресшие модели в сталинских шинелях, гитлеровских френчах и в вечных, омытых во всех океанах сапогах, жаждущих наступить на лицо человечества. ■

Пункт приема поношенных суверенитетов

Не знаю, многие ли помнят сейчас, как два — два с половиной года назад обозреватели всех направлений наперебой обсуждали два вопроса: а) что такое СНГ — механизм для более-менее мирного раздела имущества или последняя иллюзия правителей, не желающих даже самим себе признаться в убийстве великой державы, и б) когда Российскую Федерацию постигнет участь СССР, откуда этот процесс начнется и на каком уровне сможет остановиться. Попытка подумать о том, что будет, если ни Россия, ни СНГ не развалится, воспринималась как публичное признание в получении денег от российского правительства.

Сейчас это настроение, бывшее тогда всеобщим, кажется невероятным. «Мертворожденная» организация уже охватывает все республики, оставшиеся в Союзе к моменту его упразднения. Сторонники «независимости во что бы то ни стало» безнадежно проигрывают как демократические выборы, так и гражданские войны.

Может, не стоило бы поминать старое, если бы на обломках туповатого сценария «бесконечного распада» не распустилась парочка новых умозрительных «прогнозов». Согласно одному из них, Москва решительно взяла курс на полное восстановление своей былой власти над отделившимися территориями и чересчур суверенными автономиями — подобно тому, как большевики, распустив в 1917-м Российскую Империю, за четыре года загнали почти все ее обломки в еще более централизованное и унитарное государство. Согласно другому — у бывших советских людей проходит кратковременное помешательство на национальной почве, они жаждут восстановления неосмотрительно утраченного единого государства и в ходе него неизбежно сбросят «пророков суверенитета»: за Шусткевичем и Кравчуком вскоре последует и Ельцин.

Обе эти схемки имеют некоторое отношение к действительности — примерно такое же, как рассказы слепых мудрецов из индийской притчи к реальному облику слона. Для того чтобы правильно оценить их, нужно вспомнить еще как минимум два обстоятельства.

Первое. Любой, кто даст себе труд просмотреть самые радикальные демократические издания 1990—1992 годов, может убедиться, что никто из теоретиков и лидеров российского демократического движения никогда не ратовал за обязательную ликвидацию СССР и не ставил ее себе целью. (Единственное известное мне исключение — Илья Константинов, включивший это требование в свою избирательную программу 1990 года, когда он числился крутым демократом.) Другое дело, что они, признавая потенциальную полезность единого государства, отказывались добиваться его сохранения **любой ценой**. Их подход к этому вопросу был примерно

Борис ЖУКОВ

В пост-советских странах потерпела крах не идея независимости, а жлобское «понаехали тут!».

таков: пусть республики, если уж им так хочется, поиграют во все эти суверенитеты-независимости — это, по крайней мере, позволит не оглядываться на них при проведении принципиальных реформ, а потом логика экономики все равно неизбежно заставит их вырабатывать какие-то механизмы координации... Можно, конечно, называть это национально-государственным нигилизмом, но кто сейчас рискнет сказать, что этот расчет не оправдался?

И второе. Там, где идея независимости была не модным поветрием, а твердым, выношенным несколькими поколениями убеждением, — там она никакого поражения не потерпела. Три крохотные, не имеющие никаких экспортных ресурсов страны уже убедились, что их надежды вернуть себе былое место на европейских рынках не оправдались и им придется еще долго ориентировать свои экономики на СНГ. Тем не менее они продолжают строить свою новую историю, не бедствуют и помощи у России не просят.

А это позволяет сделать вывод, что и в остальных постсоветских странах потерпела крах не идея независимости, а жлобское «понаехали тут!». Если страны Балтии начали свое движение к независимости именно с реальных экономических реформ, то во всех прочих республиках, где победили сторонники «национального возрождения», они поддались соблазну списать все экономические беды на «грабительскую политику Центра». А из этого однозначно следовало: не нужно никаких реформ (или, как предпочитали выражаться сами «национально мыслящие» политики, «реформы должны проходить без шока и с учетом национальной специфики»), нужно только перестать платить дань Москве. Что из этого блестящего рассуждения вышло, мы как раз и наблюдаем.

Я не хочу, чтобы все вышесказанное поняли в том смысле, что это Россия всех кормила. Кто кого кормил в Советском Союзе, сказать невозможно и до сих пор, но, если бы Россия тоже истратила три «постбеловежских» года на игры с государственным языком, гражданством и «реформами без шока», она бы действительно не смогла ни создать столь мощное притяжение для коллег по СНГ, ни даже удержать собственную целостность. К счастью, она провела это время гораздо полезнее. Обидно, конечно, что первые же плоды российской рыночной экономики тратятся на поддержку абсолютно антирыночных режимов советского типа в ближнем зарубежье. Но и то неплохо, что поддерживают их уже не на любых условиях. Как бы ни хотела Москва сохранить в Минске команду Кебича, жертвовать ради этого долгожданной финансовой стабилизацией она все-таки не стала.

Таким образом, речь идет не о том, быть или не быть «новому единству». Речь о том, чтобы не пускать в это единство кого попало. ■

Служба

Александр КРУШЕЛЬНИЦКИЙ
Владимир ВОРОНОВ

Вначале было слово.

Дело завели позднее...

Из воспоминаний ветерана Службы

Вообще Служба была всегда. Притом сразу со всеми атрибутами: негласность, незамедлительность, неуклонность. Бдела она уже в незапамятные времена, когда Первая Провокация, учиненная Врагом рода человеческого, привела к первому посягательству на Устои. Подразделения наружного наблюдения умело отследили контакт Врага с Евой и Адамом и четко зафиксировали факт грехопадения. Затем оперативная информация была доведена до Всевышней Инстанции и, согласно санкции, осуществлены: а) задержание и изоляция священных рубежей Эдема. Операция не оставила никаких явных следов участия Службы, кроме недвусмысленного результата.

Как видим, изначальное предназначение Службы состояло в противодействии Злу, охране Устоев и священных рубежей. Что и подтвердит вам всякий сотрудник Центра общественных связей. По мере расселения рода человеческого повсеместно распространилась и Служба. Что же до теории, будто она возникла там, тогда и поскользку, где, когда и поскользку классово расслоилось общество и явилось государство, — это мы решительно отвергаем как учение неверное и потому бессильное. Бессильное, прежде всего, изъяснить феномен Службы отечественной, кровной.

**История... есть... завет предков
к потомству...**

Из Н.М.Карамзина

Отечественная служба издревле дело свое знала. Во всяком случае, врагами внутренними в священных рубежах поначалу и не пахло. Слабовато была поставлена внешняя разведка. Из-за чего и приключился досадный эпизод с битвой при Калке и последующим временным пребыванием ограниченного контингента монголо-татарских войск в пределах наших священных рубежей. Впрочем, благодаря коллегам из этого контингента существенно обогатилась терминология Службы и пополнился

арсенал средств активного ведения следствия.

Развивалось все в рамках феодальной законности. Когда, к примеру, агент давал на кого-либо компромат, его, дабы не оплошать на недостовой оперативной информации (извете), вместе с обвиняемым самого привлекали к активному (на дыбе) расспросу. Агентура поэтому была отменно крепка. Но росла неспешно: каждый дошкольник знал, кому и за что уплатили некогда 30 сребреников. Провокацию же в любом обличе вовсе равняли с ересью. Ибо и служба, и сменявшиеся Инстанции хорошо помнили, кто был автором-исполнителем Первой Провокации.

Последнее обстоятельство — фундаментальное. Благодаря ему веками обновлялся состав сотрудников, вывески («Приказ великого государя тайных дел», «Преображенский приказ», «Тайная розыскных дел канцелярия», «Тайная при Правительствующем Сенате экспедиция»), но суть оставалась неизменной. Приемы, признаем, были своеобразны. Зато простые и достояны: не устояли ни С.Разин, ни Е.Пугачев. Притом — главное — к появлению на политической арене ни того, ни другого Служба касательства действительно не имела. Короче, от дела не бегали, но и дел себе не приискивали.

Сдвиг наметился, когда инстанция в лице Петра I (он же Великий, он же Отец Отечества) отечески учредила великий штат фискалов и общедержавную «Табель о рангах». Узаконив тем наущничество вкупе с карьеризмом. Впрочем, для Службы поначалу предусматривалось некое противоядие. Ежели кто, штатный сотрудник или благодетель, заявлял «Слово и дело государево!» (принятая форма «стука») ложно и корыстно, то по вскрышемуся факту дезинформации полагалось его «батагами бить нещадно», «ноздри рвать нарочно зделанными клещами» и уже в этаким виде посылать «в Сибирь, в дальние города, в государеву работу вечно». Это угроза чересчур ретивым ловцам чинов и наград — потенциальным провокаторам, или другое что, но еще век Служба крепилась от соблазна. Однако Враг не дремал...

Юный Александр I, мучимый раскаянием, что его батюшка скоростижно скончался от апоплексического удара табакеркой, проявил несвойственную Инстанции мягкость: указал упразднить пытку. Но указания, кои Служба признавала непрофессиональными, она уже исполняла лишь настолько, чтобы обратиться себе же на пользу. И вопрос «бить или не бить» ею решился

однозначно: своих, безусловно, не бить. Так для внутреннего потребления вместо понятия «служебное преступление» явился термин «служебная ошибка». А не ошибается, как известно, тот, кто ничего не делает.

«Делать» приспело вскорости. Перед лицом надвигающейся французской агрессии в видах укрепления стратегического тыла учредили особое Министерство полиции. Инстанция поставила задачу чрезвычайную: максимальные результаты в минимальный срок. «Вот это — по нашему!» — раздалось, верно, в кабинетах и иных помещениях Службы. Ведь всякая чрезвычайность — сроков, мер, прав — всегда мутит воду. А из мутной водички извлекают самые «великия и богатыя милости». Что вышло, живописал граф В.Кочубей, ревизуя это, как он выразился, «министерство шпионажа»: Петербург «закипел шпионами всякого рода», которые «не ограничивались тем, что собирали известия и доставляли правительству возможность предупреждения, — они старались возбуждать преступления...». (Здесь и далее разрядка наша. — **А.К., В.В.**)

Итак, Враг мог удовлетворенно потирать лапы: семя провокации дало всходы! На Службу же пролился дождь чинов и орденов. В итоге она так увлеклась обретенной возможностью без особого труда повседневно показывать свою незаменимость, что проморгала подготовку настоящего военного переворота. Который, как известно, едва не увенчался успехом в декабре 1825-го...

Новая Инстанция в лице Николая I решительно заключила, что за Службою отныне нужен глаз да глаз. Но в самодержавных (никакого общественного контроля — Боже упаси!) традициях ограничилась переподчинением ее лично себе. Так в Собственной Его Императорского Величества канцелярии развернулось знаменитое впоследствии III Отделение с приданным Корпусом жандармов.

Из затей такого чрезвычайного контроля вышло обратное: Служба на деле сама обратилась высшим контролем за контролем всякого предыдущего контроля. Под покровом уничтожения зла... и преследования злоупотреблений, резюмировал позднее либеральный юрист Н.Рейнгардт, III Отделение присвоило себе множество функций, действуя при этом без всяких установленных законом правил, что придавало его действиям произвольный характер, наводивший ужас не только на частных лиц, но и на должностных.

Кадры решают все!

Из самых остроумных утверждений
Инстанции

...Настали вольнодумные времена.
Установочный циркуляр шефа

Службы на 1875 год предписывал: главное внимание обратить «на раскрытие и преследование попыток к распространению вредных учений, клонящихся к колебанию основ государственной жизни. Всякое явление в этом смысле должно быть строго наблюдаемо и немедленно доводимо до сведения Начальства, **если бы даже и не заключало в себе... ничего подозрительного**». Завершалось все неслабым указанием «вообще наблюдать за духом всего населения». Разумеется, при таковой задаче некоторое значение приобретали нравственные и интеллектуальные свойства того, кому вменялось «вообще наблюдать за духом». Каков же он был — труженик Службы тех лет?

Заглянем для начала в квалификационные требования младших оперативных сотрудников — «унтер-офицеров наблюдательного состава». Они должны были быть «во всех отношениях благонадежные, не бывшие в штрафах, не польского происхождения или католического вероисповедания, не женатые на католичках, не евреи или перекрещенцы, вполне здоровые, росту не менее 2-х аршин и 4-х вершков (т.е. 160 см) и непременно настолько грамотные, чтобы... написать краткое донесение». Как видим, требования трудно назвать высокими.

От офицеров тоже не ждали чрезмерного. Послужной список кандидата помимо неизбежных «благонадежен, вероисповедания православного» ограничивался, как правило, указанием о дворянском происхождении, окончании военного училища, 6-летнем стаже строевой службы и отсутствии долгов. Последнее особо проверялось — слову офицера и дворянина почему-то не верили. А остатки образования подвергали экзаменам — устному и письменному. Таким образом, набор анкетных данных не обременял. Более существенным представлялся именно моральный порог.

Дело в том, что в приличном обществе носители голубых (этот цвет был присвоен Службе) мундиров, мягко говоря, не жаловали. Как деликатно признавался впоследствии один из «голубых», А.Спиридович, — их «бранили и говорили... что все они доносчики». Он же обижался: «...почтенный... русский человек, сын генерала — севастопольского героя» (т.е. в порочащих связях не замеченный), к дочери которого Спиридович сватался, «не хотел и слышать, чтобы его зять был жандармом». Так что желание поступить в Службу явно предполагало некую небрезгливость и нравственную глухоту.

Что же побуждало некоторых армейских офицеров, не смущаясь презрением общества, возделывать голубого мундира? Допускаем идейность части кандидатов: кипел их разум, возмущенный злодействами бунтовщиков. Хотя поначалу особливых бунтов-

ОЛЕГ ГРАЧЕВ

щиков не было, кроме тех, кто уже сидел «во глубине сибирских руд». Да и не в стиле Службы подбирать себе особ экзальтированных. Подозреваем, дело все же в преимуществах, что давал сей мундир. Облачась в него, вчерашний незаметный офицерик приобретал вес, непропорциональный масштабу, и возможности почти безграничные. Ведь пропорции и границы отныне определялись для него единственно секретными инструкциями Службы, кои писаны были ею самой и трактовали права ее предельно широко. Если же пределом полагать Закон, то и вовсе — за пределами. Ибо законность и Служба были столь несовместны, что, когда в 1874 году учредили при ней юрисконсульта, все согласились, что это «равнозначно должности протоиерея при доме терпимости».

В разгар Великих реформ Александра II — в 1867 году — свежая инструкция Службы попала в глаза некоему барону А.Николаи — начальнику Главного Управления Наместника на Кавказе (т.е. руководителю аппарата главы региональной администрации. — **А.К., В.В.**). И этот благонамеренный верноподданный однозначно заявил, что документ представляет собой «верх наглости», делая жандармских офицеров «судьями всех, распорядителями всем, давая права вмешательства во все и ставя... в полную от них зависимость все, без исключения, существующие и военные, и гражданские власти». «Такого управления государством (со стороны) тайной полиции, — заключал ошарашенный барон, — я думаю, нигде и никогда не бывало». И хотя в действительности это были еще цветочки, согласимся,

что при поддержке Инстанции прогресс отечественной Службы уже достиг тогда определенного градуса.

«Но при чем здесь Инстанция?!» — спросит иной читатель. Как при чем? А кто указывал Службе цель и утверждал инструкции? Только результат сих целеуказаний оказался прискорбен.

Вседозволенность Службы умножала число врагов Инстанции — униженных и оскорбленных — в геометрической прогрессии. И, глядишь, либерала с кукишем в кармане сменил противник посерьезнее — с бомбами. Тут-то с докладами о блестящих результатах бдений стало напряженно. Дело могло обернуться касательно чинов и орденов совсем скверно, кабы не универсальная отмычка — **провокация**. Ан, вела-то она напрямик в объятия Врага — того, кто, как известно, всегда берет неизмеримо больше, чем дает...

Организаторы, исполнители, жертвы провокаций сплелись в кровавый клубок. До сего дня не распутать, кому больше услужил один только Азеф — Инстанции или революции...

Всякое государство лишь тогда чего-нибудь стоит, если оно умеет защищаться от собственного народа.

Из заповедей Службы

Доигравшись с провокацией до того, что чуть было не упразднила в марте 1917-го самое себя (а попутно посодерживав упразднению прежних Устоев и Инстанции), Служба быстро

оправилась. Некоторые, впрочем, полагают, что в результате народилась **НОВАЯ Служба**. Это, разумеется, не так. Хотя в 1917-м в ее деятельности и впрямь наблюдалась 9-месячная пауза — с марта по декабрь, это еще не говорит о рождении младенца. Ибо сводилось все даже не к ложной беременности, но лишь к отпуску без сохранения содержания. Другое дело, что к декабрю 1917 года Служба собралась с **НОВЫМИ СИЛАМИ**. Эти силы согласно лозунгу: «До основания, а затем...» — основание, т.е. **провокацию**, затем принялись приумножать с революционным энтузиазмом. Тем более пылким, что тогдашняя Инстанция прямо указала: «Надо расширить применение расстрела». Неоднократно потом требуя «новых способов, новой жестокости кар» и напоминая: «усилить быстроту и силу... репрессий».

Инстанция эта и сама могла кого угодно поучить по части провокации. Например, излюбленный ее способ отхватить то, что поближе лежит, был такой: затеять в некотором царстве, приграничном государстве «восстание» ужасно там «угнетенных масс» (пусть самое микроскопическое!), а потом оказать «восставшим» братскую помощь всей силой своих армий. Которые совершенно случайно прогуливались по соседству. Или еще хорошая штука. Пообещать замордованному подданному новую политику, т.е. послабление от всяческой чрезвычайщины «всерьез и надолго». А втихую — оповестить соратников: «Величайшая ошибка думать, что нэп положил конец террору». В общем, все последующие Инстанции благодарно называли эту: «Великий Учитель».

При таких Инстанциях Служба вконец расцвела. «Но при чем тут Служба?» — спросит читатель. Как при чем? А кто же был лучшим учеником и выполнял самые delicate «предначертания»?

Уже за первый год охраны новых Устоев Служба так преуспела, что обеспокоились некоторые правоверные ревнители этих Устоев. Небезызвестный «железный прокурор» Н.Крыленко даже поставил вопрос о последствиях: «Для революции опасно оставлять... органы в таком положении, в каком они существовали до сих пор... Чрезвычайные комиссии не... ограничены никаким законом». И что бы вы думали? Правильно! Ничего не изменилось. Вот только Служба, оскорбленная до глубины того, что заменяет ей душу, не забыла неосторожного оратора. И срок его пришел... А законы Службе не были писаны еще 72 года. Лишь когда очередная Инстанция, затеяв строить в священных рубежах правовое государство, попеняла, что впредь неприлично гулять без макияжа, Служба покряхтела, но в 1991 году родила-таки закон о самой себе. И отныне стала перлюстрировать, подслушивать, подсматривать, за-

лезать в чужие дома, наконец, провоцировать — совершенно законно! Хотя, как и раньше, без санкции прокуратуры, т.е. по собственному усмотрению.

Но не будем забегать вперед и сделаем пару необходимых замечаний. Во-первых, вообще все то, что развернулось в наших священных рубежах с 1917-го, мы уверены, невозможно объяснить рационально. Точнее всех определил молодой поэт: «Сатана гулял». (Только, полагая, будто тот «гулять устал, гаснут свечи, кончен бал», поторопился поэт. Земля ему духом...) Понятно, что измышленная врагом рода человеческого **ПРОВОКАЦИЯ** стала воистину всеобъемлющей. А для Службы — главным стержнем. Во-вторых, при всем том **внешне** бесовщина оказалась не очень явна: излишний колорит облика службиста образца 1917 г. уже вскоре сменился характерным и привычным для Службы лоском чиновника. Разглядеть, что это чиновник-от-провокации, зачастую было не просто.

Приодевшюся Службу оч-чень устроила та Инстанция, которую еще называли «Хозяин». Тот, как известно, предпочитал особо острые специи. При нем и Служба обзавелась **СПЕ**циями, доселе неслыханными и в невиданных размерах. **СПЕ**цтюрьмы и **СПЕ**цлагеря — оттуда клиенты Службы уже не выходили; **СПЕ**цучастки — там убивали и закапывали; **СПЕ**цпоручения и **СПЕ**цоперации — те даже земной суд называл «тягчайшими и бесчеловечными преступлениями, выражавшимися в производстве опытов над живыми людьми, похищениях и умерщвлении людей» и т.п. Но основным (для Службы!) были **СПЕ**цоклады, **СПЕ**цпайки, **СПЕ**цнаграждения — боевыми орденами за спецоперации и даже **СПЕ**цзвание: «спецайор» формально соответствовал целому армейскому полковнику, а фактически уже от «спецлейтенанта» зависело, когда и как замучить генерала. А ко всему — спецпропаганда («Славных Дел Наших Славных Службистов!»). Службе уже мало было, чтобы ее боялись больше смерти. Она требовала любви. И непременно — всенародной. Именно «всенародная любовь» к Службе и должна была обосновать спецзарплаты, спецнаграды и — главное — **СПЕ**Ц**В**ЛАСТЬ над огромным народом гигантской страны.

Служба взяла важную роль: определять, кто Хозяина, а значит, и ее, всенародно любить согласен, а кто — не готов, и тогда — на спецучасток... Так и укладывала пластами «буржуев» с женами и детишками, рабочих-«вредителей», крестьян-«кулаков», врачей-«отравителей»... Когда с материальном случались перебои, чтобы не останавливать процесс и рисковать местом, годились и «не твердые большевики», и собственные сотрудники.

Добиваться любви приходилось

старательным трудом. Один из наиболее славных старателей, Н.Ежов, даже возмущался: «Меня обвиняют в морально-бытовом разложении. Я не отрицаю, что я пьянствовал, но я работал как вол». Задача, как видим, была тяжела. Как обойтись без апробированного способа — провокации! Учили, к примеру, операцию «ЛЗ» («Ложный закордон»): понастроили вдоль священных рубежей ложных погранзастав — своих и якобы чужих. И обставили — в полном секрете — все так, будто засылают тебя на «ту сторону» с наиважнейшим заданием. А на якобы «той стороне» попадал ты в руки «врага»... Если оставался жив, подлежал расстрелу за измену Родине.

Понятие вины в таких условиях уже вовсе не заботило: не виновен, так будешь... Очередной шеф Службы Ю.Андропов, выступая перед питомцами ее Высшей школы в 1967 году, разъяснял: «Противник ставит своей целью... не переступить наших советских законов, действовать в их рамках...» Вот ведь какой неудобный противник: не хочет он нарушать законы, не желает быть виноватым! Ну да службистам не привыкать: не умеет — научим, не хочет — заставим! Примечательно, что поучения Андропова озглавлены «Каким должен быть чекист» и опубликованы в его книге «Ленинизм — неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс».

Так и «творили». Неисчерпаемо...

Политический сыск будет всегда.

Из постулатов Центра общественных связей

И вот очередная смена Инстанции. И вывесок. Нашлись и новые Устои для охраны. Все изменилось? Ну, натурально! «Для успокоения народных волнений... принято решение объявить», что Служба «будет спешно» разделена «на какие-то самостоятельные ведомства», утешил попригихших было коллег Центр общественных связей. Окончательно успокоил промежуточный шеф — г-н В.Баранников: «Я не склонен в угоду какой-либо конъюнктуре отметить колоссальный опыт... накопленный российскими спецслужбами. Лучше и не скажешь! Правда, непосвященным осталось гадать, в какой пропорции сохраняется драгоценный опыт применения батога, дыбы и т.п. А главное, краеугольного метода — **провокации**».

Зато какие кадры стали пополнять ныне штат! Официоз Службы («Служба безопасности») с восторгом извещает, что та-де привлекает «к сотрудничеству проверенных, честных, интеллектуально развитых... граждан, желающих добровольно, в соответствии с обязанностями, определяемыми Конституцией (!), оказывать содействие в обеспечении интересов госу-

дарства... предотвращать экологические катастрофы...» Во! Ну как тут вслед за Центром общественных связей «СБ» не прийти «к мысли, что интеллектуальный потенциал в органах... поистине огромен».

Впрочем, куда интереснее — в связи с подчеркнутой верностью «колоссальному опыту» — потенциал морально-нравственный.

Об этом «СБ» молчит. Но, оказывается, недавний (1991 года) опрос слушателей Высшей школы Службы, т.е. ее нынешних функционеров, засвидетельствовал: 35,5% из них убеждены, что цель оправдывает средства, а 50% — что мораль для своих одна, а для остальных — другая. Такой вот потенциал... Как не вспомнить благоразмысленное руководство начала века: «для тайных розысков должны, сколь возможно, быть употреблены люди умные и хорошей нравственности». И что реально получилось?..

Объяснимся. Суть, по нашему скромному разумению, не в том, чтобы людей, не соответствующих явно демагогическим декларациям их шефов и трубадуров, поувольнять. Тем более, что можно ручаться, «сократят» — в духе «колоссального опыта» — не самых худших. Важно, чтобы система «Инстанция — Служба» перестала воспроизводить чиновника-от-провокации. Чтобы вытравлены были самые претензии на несравненность, непогрешимость, неподконтрольность. Чтобы спускаемые целеуказания обставлялись реальным, а не «специальным» контролем. Чтобы горечь **неминуемой кары** многократно превосходила сладость **случайной награды** за обман, подлость, произвол. Чтобы, наконец, уяснили: логика провокации самым коротким путем ведет к дьяволу. Только тогда Служба начнет оберегать не государство (которое «...это — я!») от собственных граждан и не путем провокации по преимуществу, а защищать именно этих самых граждан (т.е. нас с вами, читатель).

В конце-то концов, не нужны покаяния, неизбежно лицемерные. Но для начала необходимо, чтобы и общество, и власти предержались, да и сотрудники Службы знали ее истинную историю. Потому что на все времена прав Александр Сергеевич Пушкин: знание истории отличает цивилизованность от дикости.

...По утрам в крепостные двери Большого Дома на одной из центральных площадей столицы вливаются потоки деловитых людей. «Люди как люди, — мог бы сказать известный персонаж. — Любят деньги, но ведь это всегда было... Обыкновенные люди... в общем напоминают прежних. Квартирный вопрос только испортил их...»

Не беда, что в Доме том еще не наступило будущее. Хуже, что отказа от прошлого не предвидится.

Наган Дзержинского

Чекисты всегда были провокаторами

В «Столице» № 33 помещена статья Владимира Воронова «Оружие Терминатора» о провокаторах из ФСК. Смело утверждать, что провокация всегда была чуть ли не основным средством господ с Лубянки. Удивительнее то, что, перелистывая старые публикации, мне удалось найти ссылки на организованное лично товарищем Дзержинским дело, как две капли воды похожее на фабрикацию образца 1994 года! Еще в апреле 1989 года об этом писал историк В.Поликарпов, опубликовавший архивный документ о попытке сотрудника ВЧК П.Я.Березина организовать провокацию в отношении командующего Московским военным округом Н.И.Муралова и члена президиума Моссовета, комиссара по гражданской части Москвы М.И.Рогова.

Вкратце суть дела. 26 апреля 1918 года под вечер к Председателю ВЧК Ф.Дзержинскому пришли на прием сотрудник отдела по борьбе со спекуляцией Березин и бухгалтер торговой фирмы Григорьев. Последний сообщил, что может приобрести подписанное Роговым разрешение на право ношения оружия на вымышленное имя. Документ уже изготовлен — нужно лишь 10 тысяч рублей для оплаты услуг. Феликс Дзержинский немедленно решил воспользоваться предоставившейся возможностью. Но для ареста и передачи дела в суд никаких улик у него не было. Поэтому председатель ВЧК дал «добро» на провокацию: приказал купить подложный документ (т.е. совершить преступление и подтолкнуть к нему человека, улик против которого не было!). Но требуемые агентом Березина Григорьевым деньги до получения бумаг выдать отказался.

Буквально через час Григорьев прибыл с разрешением на право ношения и хранения оружия. Он отдал сотрудникам ВЧК подложный документ, получил под расписку 10 тыс. рублей, но при выходе из здания ВЧК... был задержан чекистами! Его вместе с вещественными доказательствами: распиской, изъятими при обыске деньгами, подложным документом — передали в комиссариат милиции Хамовнического района Москвы. Где он и был официально арестован сотрудниками московской уголовной милиции. Ну чем не описанное в «Оружии Терминатора» событие?! Только вместо пистолетов с лазерными прицелами присутствует наган товарища Дзержинского, точнее, бумага на его ношение.

Как свидетельствуют документы, у Феликса Эдмундовича были свои виды на

АЛЕКСАНДР НИКОЛЬСКИЙ

это дело, поэтому инициатор дела чекист Березин не был поставлен в известность о деталях предстоящей операции. Как, вероятно, не был информирован и организовавший куплю-продажу оружия для ФСК экс-пограничник Б.

Самое интересное, что в июне 1918 года следственная комиссия Московского ревтрибунала прекратила дело против Григорьевых (был арестован и брат агента-провокаатора), признав, что они не совершили преступления, так как действовали по поручению сотрудника ВЧК Березина. Эта же комиссия указала и на противозаконный характер действий Березина.

Но так как дело-то организовал не кто иной, как сам Железный Феликс, то рядовым сотрудником попросту пожертвовали, дабы отвести удар от руководителя ВЧК. В одночасье выяснилось, что Березин «представляет собой довольно темную в моральном отношении личность. Такие же отзывы о нем дал сам т.Дзержинский». Дабы «засветившийся» чекист не смог разболтать кое-какие подробности о личном участии Дзержинского в этой грязной провокации, дело Березина выделили в отдельное, самостоятельное производство и выводы о провокационной и противозаконной роли чекиста, «ввиду необходимости сохранения тайны следствия», так и не вошли в окончательный текст обвинительного заключения по делу Григорьевых.

Березина, естественно, быстро арестовали, выяснив за ним целую кучу грехов: продажу конфискованного рома, кражу портсигара при обыске (ну точно как действия сотрудников ФСК при обысках сейчас!), убийство арестованного. Даже сотрудничество с царской охранкой навесили! Березин получил аж 13 лет принудительных работ. Так завершилась одна из первых провокаций, организованных чекистами. С полным правом можно утверждать, что у истоков провокации по-советски стоял отец-основатель современных органов государственной безопасности Феликс Эдмундович Дзержинский, сделавший этот метод краеугольным камнем всей системы ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-МБ-ФСК.

С уважением,
ваш постоянный читатель
Н.Петров

Суд над «Терминатором»

Процесс по делу о партии пистолетов с лазерными прицелами

Не уверен, что суд был «скорый и правый», но вот что без противозага в нем можно было выдергать не больше десяти минут — точно! Вы будто попали в приют для клошаров или камеру, набитую десятком-другим бомжей. Но выдавшие еще и не то заседатели и судья Мещанского межрайонного суда г.Москвы спокойно прошли на свое место. Без манты — здесь это смотрелось бы очень смешно.

Но мертвенно-бледному парню-подсудимому со скованными за спиной руками явно было не до смеха. Знакомьтесь, «Столица» писала об этом деле — Николай Яковлев, исполнительный директор коммерческой фирмы, занимающейся поставками продовольствия из Европы в Россию. В статье «Оружие Терминатора» (№33) он назван лишь по первой букве фамилии — «Я». Но теперь открытый суд, ваш корреспондент присутствовал на нем и вправе предать огласке те имена, которые не фигурировали ранее.

Напомним суть дела. 28 апреля 1994 года Николай Яковлев был арестован по обвинению в незаконной покупке партии огнестрельного оружия — «восемь пистолетов ТТ с лазерными прицелами и двух револьверов бразильского производства. Согласно версии защиты, которая документально подтверждена материалами дела, все это не что иное, как умышленно организованная провокация. А ее главные инициаторы и исполнители — на Лубянке — Федеральная служба контрразведки. Именно по просьбе сотрудника (или агента) ФСК, в полной уверенности, что он выполняет задание правительственной службы, подсудимый и пошел на организацию сделки по купле-продаже оружия. Самое ужасное для него — спровоцировавший его человек, убедивший сотрудничать с Лубянкой и провести данную операцию, — лучший друг, одноклассник!

Итак, второй главный герой дела — «Б.» — Юрий Баландин, 1962 года рождения, коренной москвич, кадровый сотрудник органов государственной безопасности с 14-летним стажем. После окончания училища КГБ служил в погранвойсках в Средней Азии. Осенью 1993 года вернулся из Таджикистана в Москву. По его словам, перешел в Министерство безопасности (ныне ФСК) в подразделение, занимавшееся борьбой с организованной преступностью. Баландин попросил своего друга вывести на криминальные структуры. Почему именно Яковлева? Во-первых, коммерсант, а где у нас бизнес обходится без «крутых» людей? А во-вторых, с точно такими же просьбами Баландин, оказывается, обращался чуть ли не ко всем своим одноклассникам!

В общем, сначала были просьбы познать чекиста с людьми, занимающимися переводом крупных финансовых средств из России в ближнее зарубежье и обратно, потом — с торговцами нарко-

тиками, в конце концов с торговцами оружием. Финал вам известен.

По словам Яковлева, Баландиным двигало одно, но страстное желание — получить свою квартиру, чтобы не жить с родителями: жена, ребенок... И вот 28 апреля этого года Баландину вроде бы выпал шанс — «реализовать этот контакт». Тогда двухкомнатная квартира близ метро «Университет» в кармане — экспограничник уже видел ее!

Но это версия подсудимого. Суд должен был рассмотреть дело и решить, кто прав: обвинение или защита. Сидя в зале суда и внимая поочередно подсудимому, адвокату, прокурору, судье, свидетелям, вслушиваясь в цитируемые сторонами материалы дела, все больше и больше убеждаюсь в том, что все было именно так, как описано в предыдущей статье. Перед нами чистой воды провокация сотрудников ФСК, а сидящий на скамье подсудимых Яковлев — не только участник, но и жертва ее. У стороннего слушателя вряд ли могли остаться сомнения в том, что именно по просьбе чекистов и была организована акция по купле-продаже оружия. Об этом свидетельствует целая масса прямых и косвенных улик. Главная из которых — исчезновение бывших в наличии при задержании тысячи шести сот американских долларов и отказ найти и предстать перед судом провокатора Баландина. А разыскать его для милиции и ФСК — раз плюнуть. Известно, где он живет, известны его друзья, родители, жена. Но не сделано ничего. Ведь если Яковлев все врет, наговаривает на одноклассника, клеветает на КГБ... извините, на ФСК, то разоблачить это проще простого — предъявить Баландина.

Нет, достопочтенная Служба и пальцем не пошевелила в поисках своего сотрудника. Ах, скажете вы, но, может, он БЫВШИЙ, а не действующий кадр? Вполне возможно. Как возможно и то, что Баландин слишком много на себя взял, действуя от имени ФСК (хотя ряд людей утверждает, что тот демонстративно свое удостоверение сотрудника ФСК!). Но Лубянка должна нести ответственность даже за бывшего — все они состоят в ДЕЙСТВУЮЩЕМ РЕЗЕРВЕ.

Риторика? Но вот документы и показания свидетелей — сотрудников милиции — говорят, что акция проводилась по заказу ФСК. Однако чекисты наотрез отказались появиться на суде в качестве свидетелей. Один из руководителей операции, офицер ФСК Сергей Агапов (работает по адресу: Мясницкая, 1, кабинет №741) мотивировал неявку соображениями секретности и конспирации. Кстати, ваш корреспондент неоднократно предпринимал попытки встретиться с ним и переговорить по данному делу. Увы, Лубянка от контакта бегала как черт от ладана.

В показаниях же пришедшего в суд старшего оперуполномоченного 98-го

отделения милиции Калошина столько противоречий и неадекватностей..

Поразительно, но в природе не существует документа, убедительно доказывающего, что Яковлев был с оружием: нет ни единой бумажки, документирующей задержание с личным! По всем статьям выходит, что оружие было выдано... сотрудником милиции! Как оно оказалось в руках милиционеров? — Туман. Почему? — Не потому ли, что чемоданчик-то с пистолетами был передан милиционерам УЖЕ ВСКРЫТЫМ без понятых сотрудниками ФСК? По крайней мере, так следует из материалов дела и показаний свидетелей.

Но самое большое впечатление произвел допрос свидетеля Лазарева, который в тот апрельский вечер был задействован в качестве понятого. Старик-инвалид совершенно четко показал, что он увидел уже вскрытый атташе-кейс, где лежало 8 пистолетов. Понятые не видели, кто и как принес дипломат, кто и как его открывал и что было в нем в момент вскрытия. Выходит, что документ об изъятии оружия и протокол вскрытия чемоданчика с юридической точки зрения не существует! Кстати, чемоданчик тоже «пропал»...

Итак, ни одного свидетеля, который смог бы доказать, что Яковлев был задержан с оружием в руках. Судя по всему, таких свидетелей просто нет в природе — хотя бы потому, что оружие сразу попало в надежные руки чекиста Баландина и его коллег. Как и исчезнувшие доллары. Кстати, я был не прав, когда в предшествующем материале утверждал, что сотрудники ФСК не вели видеосъемку операции. Удалось выяснить, что велась детальная оперативная видеосъемка. Итак, предъявите суду видеоматериалы — и все сразу станет на свои места, хотя бы по эпизоду задержания. Нет, ФСК отказывается предоставить суду видеозапись! Почему? Наивный вопрос: если бы все обстояло так, как говорится в обвинительном заключении, и все это зафиксировано, то не было бы никакой необходимости скрывать что-то от суда. Вывод однозначный: видеоматериалы ФСК работают против версии Лубянки и следствия.

Итак, то, что дело липовое, а обвинение шито белыми нитками, очевидно. Всем, кроме однозначно настроенного на вынесение обвинительного приговора состава суда. Что ж, это его право. Мое право поинтересоваться, почему достопочтенный суд не удосужился детально разобраться в деле, даже не отправил его на следствие. Он предпочел проигнорировать бросающиеся в глаза факты, наотрез отказался заниматься проверкой показаний сотрудников ФСК и МВД, и уж совсем суду не захотелось заниматься личностью Баландина. Решение было быстрым: 4,5 года лишения свободы... Естественно, возмущению адвоката Бориса Кузнецова нет предела — он подаст кассацию и будет в вышестоящем суде требовать отмены приговора. Подсудимый Яковлев признать себя виновным категорически отказался...

Владимир ВОРОНОВ

Революция, предсказанная Лениным

...Очевидно, не навоевавшись со своими соотечественниками, кабинетные деятели КГБ стремились во что бы то ни стало проявить доблесть в Афганистане. Вот только для того, чтобы кто-то из них продырявил лацкан своего пиджака для очередного ордена, солдаты и офицеры 40-й армии должны были рисковать жизнью.

Генерал-полковник Б.В.ГРОМОВ
Ограниченный контингент. М., 1994

Кладбище погибших за революцию

Александр МОРОЗОВ

Вести отчет о бесславной афганской эпопее почему-то принято с кулуарного решения «могучей кучки» из ПБ ЦК КПСС. Но начались все провалы брежневской внешней политики в Афганистане не в конце 1979 года, а даже раньше апреля 1978 года, когда в этой соседней и более полувека образцово дружественной стране произошло событие, которое в бывшем СССР назвали революцией, а теоретики окрестили, «с марксистско-ленинских позиций», неизбежной. Посол СССР в Афганистане (1973—1979) А.М.Пузанов даже после вывода отступивших советских войск в своих интервью утверждал, что афганская «революция» будто бы была предсказана еще Лениным!

А как же все было на самом деле? Что стало причиной переворота в отсталой феодальной стране, где подавляющее большинство населения было безграмотно и фанатично полагалось в своей судьбе на милость Аллаха?

Вооруженный переворот, случившийся в Афганистане 27 апреля 1978 года, стал результатом попытки президента Афганистана Мухаммеда Дауда разгромить Народно-демократическую партию Афганистана — единственную в то время достаточно хорошо организованную оппозиционную политическую силу, пытавшуюся оказывать давление на М.Дауда и его режим. Наибольшую активность проявляла та часть НДПА, которая держалась вокруг ее лидера Бабрака Кармаля, — парчамисты («парчам» по-афгански — «знамя»). Деятельность этой группировки НДПА, с санкции Москвы, поддерживалась представителями советского посольства, которые при этом выполняли лишь одно задание — не позволить режиму М.Дауда

сползать вправо, укреплять отношения с Западом за счет СССР. Никаких планов и даже мыслей о свержении афганского режима при этом у советской стороны не было.

Другая же часть НДПА — халькисты («хальк» по-афгански — «народ»), сплотившиеся вокруг Нур Мухаммеда Тараки, — серьезно готовилась к вооруженному захвату власти, и не только не шла на какое-либо сотрудничество с Даудом, но и мешала это делать парчамистам, вплоть до того, что всячески компрометировала их в глазах афганского президента.

Конечно, в Кремле были бы рады, если бы Афганистан вдруг стал еще одним членом «социалистического сотрудничества», но и Дауд вполне мог устроить кремлевских руководителей, если бы в отношениях с СССР он вел себя так же покладисто, как его предшественник король Захир-Шах.

Однако все дело как раз в том и состояло, что, стремясь не допустить поправления режима Мухаммеда Дауда, Москва своей великодержавной политикой сама подталкивала М.Дауда вправо!

Но вернемся немного назад.

М.Дауд, как известно, в июле 1973 года, то есть после десятилетнего пребывания не у дел, сверг режим своего двоюродного брата — короля Захир-Шаха. В подготовке и осуществлении почти бескровного военного переворота М.Дауд в значительной степени опирался на сторонников Б.Кармаля в армии, за что некоторым из них, на зависть халькистам, были пожалованы значительные посты в правительстве и госаппарате. Такой поворот дел вполне устраивал не только Б.Кармаля, но и Москву. Но радость, как говорится, была недолгой. К концу 1974 года М.Дауд постепенно, под разными предлогами, убрал с высоких постов всех пар-

чамистов.

Москва насторожилась, но реагировать на поведение М.Дауда она начала несколько позже, когда сочла, что М.Дауд не очень-то считается со статьями советско-афганского Договора о дружбе и добрососедстве от 1921 года, подписанного еще Лениным.

В области внешней политики правительство Дауда значительно активизировало контакты с Западом.

Приведу некоторые конкретные примеры.

Советские геологи, многие годы изучавшие месторождения полезных ископаемых в Афганистане, открыли месторождение руды, содержащей очень высокий процент меди. Разработка и освоение этого месторождения сулила Афганистану огромные прибыли.

О наличии в Афганистане перспективного месторождения меди прознали американцы и взяли инициативу в свои руки. Они сделали афганскому правительству очень заманчивое предложение: освоить это месторождение, обустроить его и через год-полтора начать выплавку меди, основная часть которой пошла бы на экспорт и приносила немалые доходы. Стоимость американского проекта, предусматривавшего его сдачу «под ключ», составляла 300 миллионов долларов.

Вскоре о готовившейся афгано-американской сделке нам стало известно: разведка получила подробнейшую информацию об этом от агента, входившего в состав правительства Дауда, и была сразу же доложена послу Пузанову. Его реакция была однозначной: Дауд нас обманывает, а американцы нахально лезут в Афганистан, подрывают советско-афганское экономическое сотрудничество и хотят прибрать к рукам открытое нами геологами месторождение меди. Этого допустить

нельзя, а Дауда надо поставить на место!

Получив одобрение Москвы, Пузанов посетил Дауда и неприятно удивил афганского президента не только тем, что нам известно о его переговорах с американцами, но и категорическим возражением против сотрудничества афганцев с американцами. Дальнейший разговор был довольно жестким, но тем не менее Дауд согласился с предложением, что СССР возьмет на себя разработку месторождения меди и в короткие сроки освоит его. Однако в Москве прекрасно знали, что у советского правительства нет ни лишних денег, ни специалистов, ни необходимого оборудования... В результате стоимость по сравнению с американской возросла более чем в два раза, а сроки отодвинулись в очередную советскую «пятилетку». Что оставалось делать афганцам? Ничего кроме как ждать, ибо американцам они уже отказали. И затаить злобу.

В конце 1977 года кабульской резидентурой внешней разведки КГБ была получена документальная информация о подготовленном США проекте строительства на территории Афганистана пятидесяти пунктов здравоохранения, в разработке которого приняло участие представительство Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) ООН в Афганистане.

«Опасность» проекта для СССР заметил руководитель резидентуры внешней разведки КГБ в Кабуле Вилиор Осадчий. Его внимание привлекла прилагавшаяся к проекту карта Афганистана, на которой были помечены все места, где американцы планировали разместить свои здравпункты. Он обратил внимание на то, что три или четыре северных здравпункта находились почти «прямо на границе» с СССР. Последнее обстоятельство, судя по всему, его и насторожило: «Это не просто! Американцы обнаглели и лезут на нашу границу, чтобы выведывать секреты наших оборонительных рубежей. Непозволительно! Надо срочно докладывать послу и в Центр».

Санкция на очередной демарш пришла из Москвы незамедлительно. Пузанов посетил Дауда и провел с ним еще одну неприятную правдоподобную беседу. И был уверен, что Дауд безропотно проглотит и эту горькую пилюлю.

Дауд, однако, как рассказывал дипломатам посол, посмел довольно резко возмутиться. Он напомнил, в каком плохом состоянии находилось афганское здравоохранение, сказал, что Афганистану очень нужна та помощь, которую бесплатно предлагают американцы, и отказываться от нее было бы неразумно. Но если уж советские друзья очень на этом на-

стаивают и действительно считают, что наличие американских здравпунктов недалеко от советской границы представляет угрозу для безопасности великого соседа, то афганское правительство, конечно же, откажется от услуг США. Однако в таком случае Афганистан хотел бы, чтобы подобный проект и на таких же условиях был осуществлен Советским Союзом.

Ответ из Москвы гласил, что советское правительство понимает трудности, испытываемые Республикой Афганистан в организации медицинского обслуживания населения, и готово, в принципе, увеличить свою помощь в области здравоохранения, однако в ближайшей перспективе не может этого сделать, поскольку выделение дополнительных средств не предусмотрено советскими народнохозяйственными планами...

Были и другие примеры, вызывавшие растущее недовольство самого Дауда, его окружения, но и этих двух достаточно для того, чтобы сделать вывод: мы хотели дружить с режимом президента Дауда, но своими действиями толкали его на ужесточение отношения и к СССР и к НДПА, о просоветских позициях которой Дауду хорошо было известно от афганских спецслужб.

Спецслужбы Афганистана (МВД и контрразведка) особенно активизировали свою работу по НДПА в середине 1977 года, когда ее фракции «Хальк» (Н.М.Тараки) и «Парчам» (Б.Кармаль), почувствовав реальную угрозу со стороны режима Дауда, приняли решение положить конец продолжавшемуся 10 лет расколу и восстановить единство партии.

Резидентуре внешней разведки КГБ было известно, что, разрабатывая НДПА, местные спецслужбы внедряют в ее ряды агентуру, используют оперативнотехнические средства подслушивания, сотрудничают со спецслужбами ФРГ и Ирана, и она неоднократно предупреждала об этом Тараки и Кармалю. Однако руководители НДПА долгое время относились к этим предупреждениям несерьезно, пока сами случайно не обнаружили сделанное в ФРГ подслушивающее устройство в квартире одного из членов ЦК партии, где обсуждали свои планы борьбы с режимом Дауда.

16—18 апреля 1978 года в Кабуле произошли события, которые, с одной стороны, подтолкнули Дауда на принятие решительных мер по разгрому НДПА, а с другой — привели к тому, что Х.Амин решился на «авантюру», завершившуюся успешным вооруженным переворотом НДПА, в осуществимость которого в Москве не хотели верить.

Вечером 16 апреля в Кабуле неизвестными тогда лицами был убит

член ЦК НДПА Мир Акбар Хайбар — личность весьма популярная среди молодежи, студенчества и левой интеллигенции. В связи с тем, что Даудом только что был издан закон, запрещающий все митинги и демонстрации, руководителям НДПА пришлось обратиться к властям за разрешением на проведение траурного митинга и дать заверения, что он пройдет спокойно, без каких-либо нарушений общественного порядка. Такое разрешение было получено.

Шествие началось очень организованно, однако не все требования властей были выполнены. Над колонной, растянувшейся более чем на пару километров, появились многочисленные, заранее подготовленные транспаранты и плакаты с крамольными призывами: «Смерть убийцам Хайбара — слугам реакции!», «Смерть убийцам Хайбара — прислужникам американского империализма!», «Смерть американскому империализму!» и т.п. Сделано это было явно умышленно, так как маршрут шествия проходил мимо посольства США, недалеко от которого и произошло убийство Хайбара.

Через неделю, 25 и 26 апреля, когда шум вокруг траурных собраний, казалось бы, начал стихать, по указанию Дауда были арестованы и заключены в тюрьму почти все члены Политбюро и ЦК НДПА. Вечером 26 апреля радио Кабула сообщило об аресте «заговорщиков» и «уголовных элементов», у которых обнаружены и изъяты подтверждающие их вину документы. Эти документы, говорилось в сообщении радио, в ближайшее время будут обнародованы и переданы суду в качестве неопровержимых доказательств подрывной деятельности «заговорщиков».

Хафизулла Амин был арестован и препровожден в тюрьму рано утром 26 апреля, но к тому времени он успел отдать приказ своим людям в афганской армии о незамедлительном вооруженном выступлении против режима Дауда утром 27 апреля 1978 года.

А президент Дауд тем временем, ничего почему-то не зная и не подозревая, решил утром 27 апреля собрать за завтраком у себя во дворце почти всех своих многочисленных родственников. Очевидно, это было предварительное празднование победы над «заговорщиками». Здесь его и застали преданные НДПА восставшие танкисты, здесь он и был, без суда и следствия, зверски расстрелян вместе со всеми родственниками...

Так, вопреки прогнозам Москвы, и свалилась на голову тогда еще советского народа эта «апрельская революция» в Афганистане, которую «предвидел» еще Владимир Ленин.

Провинции наплевать на политику

- Олег Николаевич, вы — администратор или политик, существует ли вообще в провинции политическая жизнь?

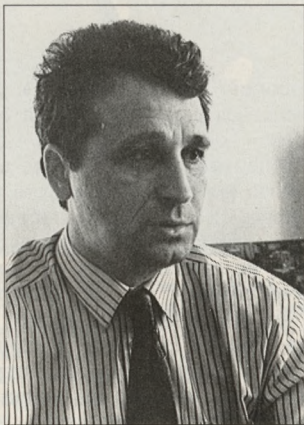
— Похоже, что политика в «чистом виде» присутствует у нас лишь в предвыборный период. Политические силы в Самаре настолько размыты и неопределенны, что порой возникает вопрос: а есть ли они вообще? У нас практически нет партий или организаций с четко выраженными взглядами, с определенной программой. Во время выборов мне лишней раз пришлось убедиться, что сплочение людей происходит вокруг конкретных личностей.

Эта размытость видна у нас невооруженным глазом — радикальные демократы смыкаются с коммунистами, более восьмидесяти процентов тех, кто ходит на митинги сторонников Жириновского, участвуют в... коммунистическом движении. Любое предвыборное объединение в городе, в области фактически создается только для того, чтобы прикрыть сбор средств на политическую кампанию. В реальности нашему избирателю безразлично, за какую из платформ отдать свой голос, хороша она или плоха.

— Получается, что в реальности горожанам наплевать на политику. Или это грубовато?

— Нет, не грубовато. Именно так и обстоит дело. Я даже думаю, что в принципе это хорошо. Опасность в том, что у нас слишком много обездоленных людей, а они не обладают иммунитетом, не защищены от проникновения любой революционной идеи, от экстремизма.

Плохо еще и то, что людей, которые были бы личностью, людей основательных, в нашей провинциальной политике практически нет. Где теперь те, кто стоял у истоков неформального, демократического движения Самары? Это были достаточно умные люди. Но они заблуждались в главном: считали, что мы скинем сейчас одного партийного босса, заменим другим — и все будет хорошо. Когда стало ясно, что предстоит тяжелая работа, они не нашли себя в ней. Часть из них стала типичными аппаратчиками, людьми новой номенклатуры, прочно интегрировавшимися в ту же систему, против ко-

Мэр Самары Олег СЫСУЕВ

В реальности нашему избирателю безразлично, за какую из платформ отдать свой голос, хороша она или плоха.

торой они некогда выступали, кто-то отошел от политических игр и стал заниматься бизнесом, но очень немногие. Другая наша сложность — совершенно нет притока новых, свежих сил, людей и идей. Походите на митинги, «партсобрания» — все те лица, что и пять-шесть лет назад. Замкнутый круг.

Так что сложно сказать, какие силы определяют дальнейшее развитие города. Хотя... Мне кажется, что реальную жизнь города определяет общество тех, кто работает в аппарате. Естественно, не без участия богатых людей. И практически все они вышли все из той же старой номенклатуры.

Вот, скажем, губернатор области создал перед выборами избирательный блок — Объединение в поддержку реформ (ОПР), чтобы попасть в Совет Федерации. Все бизнесмены, да и не только они, участвовавшие в ОПР, «бывшие», обласканные компартией люди — партийные руководители, хозяйственные руководители, комсомольские работники. У нас чуть ли не во всех местных банках сидят бывшие ком-

сомольские секретари! Бизнесмены новой волны, сделавшие себя сами, не опираясь на наработанные партийно-комсомольские связи, в ОПР не вошли.

Сейчас я вижу только одну возможность разорвать этот замкнутый круг — обратить свой взор на тех, кто достаточно поработал в бизнесе и проявил себя там. Но не получится ли так, что если раньше «школой коммунизма», власти были партия, комсомол и профсоюз, то сегодня «школой власти» станет лишь бизнес?

— Причем бизнес, тесно связанный с партийным капиталом, бизнес бывших секретарей райкомов?

— Полагаю, что городская администрация все же может кое-что сделать для обеспечения равных условий вхождения в рынок. Хотя бы при помощи местного налогового механизма и системы регистрации. Но ни в коем случае нельзя оказывать воздействие на развитие бизнеса при помощи вливаний из бюджета! А как это делает областная администрация? Дает кредиты, поблажки все тем же своим людям, «комсомольцам». Конечно, без протекционизма вряд ли обойтись, но почему он столь субъективен?

— Мэр Москвы Лужков очень активно воздействует и на столичный бизнес, на развитие банковской системы, не забывает и про политику. В состоянии ли ваша администрация столь же активно действовать?

— Не забывайте, что Лужков имеет гораздо больше возможностей влиять на эти процессы. Ведь все бизнесмены и банкиры просто-напросто зависят от него. Именно он распоряжается всей московской недвижимостью, предоставляет помещения одним росчерком пера! У нас же все мало-мальски для чего-нибудь пригодное не является муниципальной собственностью. Это собственность либо федеральная, либо областная. Причем и губернатор области не может ею распоряжаться — практически все у нас находится именно в федеральной собственности. Он должен спрашивать разрешения Москвы.

Владимир ВОРОНОВ

Первые леди поднимают бунт

Анатолий МЕДВЕДЕНКО

Вот уже месяц перуанцы являются свидетелями скандала, разразившегося в президентской семье. Причина его — не семейные дрязги, вызванные супружеской неверностью или ревностью. Напротив, Сусана Игуши де Фухимори, жена главы государства Альберто Фухимори и «инициатор» скандала, не перестает доказывать, что после 20 лет совместной жизни они «по-прежнему любят друг друга» и не думают расставаться. Наши разногласия, добавляет она, «чисто идейного и политического характера».

Действительно, первая дама Перу с завидным постоянством обвиняет своего супруга в том, что он авторитарен, проводит политику «затягивания поясов», «пренебрегает социальной сферой», «не заботится об интересах перуанцев, голосовавших за него». Но это далеко не все. Пикантность ситуации заключается в том, что она открыто заявила о своем намерении «выправить политику» сановного супруга, заменив его на посту главы государства. Сусана Игуши объявила, что готова баллотироваться в президенты на предстоящих в апреле будущего года всеобщих выборах.

Демарш супруги поверг Альберто Фухимори в шок. Он сначала не поверил в серьезность ее намерений. А когда убедился, что та не шутит, решил принять превентивные меры. С этой целью Фухимори добивается через конгресс принятия закона, запрещающего родственникам главы государства выставлять свои кандидатуры на выборные должности любого ранга, в первую очередь — президента и вице-президента. Хотя этот закон не имеет временных рамок, политические обозреватели полагают, что он все же разового действия и принят прежде всего для того, чтобы обуздать желания Сусаны Игуши.

Одобренный закон вызвал гнев первой дамы, заявившей, что он нарушает права человека в стране. «Мы живем в демократическом обществе, — отметила она на одной из пресс-

конференций, — а демократия должна начинаться с президентской семьи. Президент обязан уважать право каждого перуанца, в том числе и своей супруги, не только избирать главу государства, но и быть избранным на этот пост». Сусана Игуши дала понять, что не отказывается от намерений участвовать в предвыборной гонке, не исключая, что может сойтись «в борьбе за пост президента лоб в лоб с супругом». Она потребовала отмены закона, а когда это требование было отклонено, стала обвинять правительство собственного супруга во всех грехах.

Войдя во вкус разоблачений, Сусана Игуши решила идти, судя по всему, до конца. Собрав журналистов, она сообщает им, что правительство, возглавляемое Альберто Фухимори, коррумпировано, что располагает сведениями о двух министрах, получивших внушительные взятки за содействие принятию вышеупомянутого закона, подчеркнув, что о коррупции знает президент.

Стремясь избежать давления со стороны мужа, она покидает семейный очаг, расположенный в президентской резиденции, и укрывается в доме своей подруги. Президент, в свою очередь, забрав детей, обосновывается в помещении штаб-квартиры армии, известной как «мини-Пентагон».

Правда, спустя некоторое время она возвращается в президентский дворец и... оказывается там пленницей: супруг отдал распоряжение охране не выпускать ее. Однако Сусана Игуши не смиряется. По телефону она связывается с журналистами, и вновь льется поток обвинений. На этот раз первая дама утверждает, что ее телефонные разговоры прослушиваются, а служба информации президентского дворца фактически превратилась в «политическую полицию», установившую за ней слежку. Супруга президента «пожаловалась» журналистам, что, вероятно, ей запретят встречаться с ними и делать какие-либо заявления, что ее лишат даже телефонной связи.

Парадокс ситуации состоит в том, что Сусана Игуши не одинока в своем бунте против супруга. Несколько

Семейные лодки разбиваются не только о быт, но и о несопадающие взгляды на управление страной. Сусана Игуши и Альберто Фухимори с некоторых пор смотрят в разные стороны

раньше взбунтовалась Зулема Йома, первая дама Аргентины.

На церемонии передачи власти, проходившей в мае 1989 года в Розовом доме, резиденции главы государства, президент Карлос Менем был вместе с улыбавшейся супругой, которая не скрывала от многочисленных журналистов, тем более фоторепортеров, что весьма довольна переменею в своей судьбе. Да и первое время ничто не омрачало ни президентского, ни личного счастья Менема. Но где-то в середине 1990 года на семейном (и не только) небосклоне показались первые тучки. Зулема Йома стала комментировать те или иные решения, принимаемые ее супругом, подвергать сначала ироничной, а затем все более жесткой критике декреты и законы, подписываемые президентом. Причем не только в своем окружении, но и в заявлениях журналистам, явно в расчете на то, что ее мнение станет достоянием общественности.

Гроза грянула в июне 1991 года, когда Зулема Йома обвинила своего супруга и вице-президента страны Эдуардо Дуальде в связях с наркобизнесом. Когда в дом, в котором проживала ее сестра Амира, подозреваемая в причастности к отмыванию наркодолларов, с обыском нагрянула полиция, находившаяся там Зулема заявила стражам порядка: «Если вы хотите узнать, где находится наркодоллары, то спросите у Менема и Дуальде». Брошенная фраза тут же облетела центральные газеты, прозвучала по всем радио- и телеканалам. На срочной созванной пресс-конференции Эдуардо Дуальде выразил

свое негодование и попросил назначить специальных прокуроров, которые потребовали бы от Зулемы либо доказательств ее утверждений, либо опровержений. Правда, первая дама в преддверии вызова в суд пыталась разъяснить свое высказывание. В заявлении, распространенном ее адвокатом, говорилось, что «ее слова, которые были интерпретированы как прямое обвинение в адрес Карлоса Менема, значили лишь то, что высшие руководители Аргентины несут общую ответственность за состояние преступности в стране».

В скандал были вынуждены вмешаться политические круги, которые дали понять президенту, что супружеский конфликт выходит за рамки личных отношений и «принимает государственный характер» с соответствующими последствиями для авторитета страны. В конечном итоге состоялся бракоразводный процесс, кстати, по инициативе Зулемы Йомы.

Стремление вмешиваться в политику не обошло и первую даму Панамы, 27-летнюю Ану-Мае Диас Чен де Эндару. «Я тоже народ и имею право выражать свое мнение», — безапелляционно заявляет она. Причем делает это столь бесцеремонно и по любому поводу, что затмила своего супруга, 58-летнего добродушного толстяка Гильермо Эндару, президента небольшой центральноамериканской республики. Известная панамская журналистка Майин Корреа даже высказала беспокойство тем, что «страна находится в руках женщины, у которой очень мало политического опыта». А некоторые журналисты, не лишённые чувства юмора, предложили в честь первой дамы прибавить к названию республики еще одну букву, переименовав Панаму в Пана-Мае. На возмущение отдельных членов правительства, которых Ана-Мае обвиняет в том, что «они бездельники и ничего не делают для страны», Эндара каждый раз говорит: «Не могу же я ограничить ее деятельность кухней президентского дворца».

Утверждают, что Ана-Мае пошла по стопам одной из своих предшественниц — Мариэлы Дельвалье, супруги бывшего президента Панамы Эрика Артуро Дельвалье. Когда в 1988 году он был смещен со своего поста, то Мариэла направила в Белый дом телеграмму с просьбой, чтобы США «готовились к военному вмешательству в Панаму», если об этом попросит ее муж. Трудно сказать, насколько повлияла ее просьба, но факт остается фактом: в декабре 1989 года американские войска действительно вторглись в Панаму и свергли генерала. Все это происходит, быть может, потому, что женщина-президент не

Телефонные разговоры с бывшей супругой стоят президенту Аргентины Карлосу Менему много сотен тысяч нервных клеток в минуту. Развод несильно разрядил ситуацию в президентской семье

столь уж редкое явление на латиноамериканском континенте. Так, Аргентину в середине 1970-х годов возглавляла Мария Эстела Мартинес де Перон. Несколькими десятилетиями раньше его прежняя супруга Ева Перон была фактически «некоронованным» президентом. Во всяком случае, она пользовалась куда большим авторитетом, влиянием и любовью своих соотечественников, чем ее супруг, президент Хуан Доминго Перон, что в немалой степени способствовало его эффективному правлению. Еву Перон знали и далеко за пределами Аргентины. В недавно опубликованных в Буэнос-Айресе мемуарах первый аргентинский посол в Советском Союзе Леопольдо Браво вспоминает о своих встречах со Сталиным. «Неожиданно, — пишет дипломат, — Сталин спросил меня о супруге Хуана Доминго Перона. Его, в частности, интересовало, действительно ли Ева Перон пользуется такой любовью аргентинцев, как утверждают газеты, и если это так, то чем объясняется их любовь к ней — тем, что она супруга президента или же в силу личных качеств». Леопольдо Браво признавался, что он долго думал, чем вызван столь неожиданный интерес Сталина к Еве Перон, но так и не нашел объяснения.

В конце 1980-х годов 46-летняя писатель и член Верховного суда Эрта Паскаль в течение года была временным президентом Гаити. В 1979—1980 годах президентом Боливии, прославившейся военными переворотами, была Лидия Гейлер Теахада. И, наконец, еще один пример.

Вот уже четвертый год пост президента Никарагуа занимает Виолета Барриос де Чаморро, мать двоих сыновей и двух дочерей. Она — первая в истории этой центральноамериканской страны женщина — глава государства, причем получила на выборах поддержку абсолютного большинства избирателей. И никарагуанцы вполне довольны ею, хотя бы за то, что президенту удалось прекратить в стране братоубийственную войну и поддерживать относительный мир.

Попытку возглавить государство предпринимали и супруги Винисио Сересы и Оскара Ариаса, экс-президентов Гватемалы и Коста-Рики. Правда, неудачно: на президентских выборах они не заручились для этого необходимой поддержкой своих соотечественников.

Так что и Сусане Игуши, и Зулеме Йоме, и Ане-Мае было с кого брать пример.

Но самовыражение латиноамериканских женщин, их стремление к самостоятельности проявляется не только на президентском поприще или в качестве критиков своих мужей — глав государств. Эти нежные и хрупкие создания, оказывается, неплохо зарекомендовали себя и в качестве боевых командиров различных террористических организаций. Далеко за пределами Латинской Америки известна ультралевацкая организация «Сендеро луминосо». За 12 лет своей деятельности в Перу она уничтожила около 30 тысяч человек. В структурном отношении «Сендеро луминосо» делится на четыре боевые группы, три из которых в разное время возглавляли женщины. Более того, после того как лидер сендеристов Абимаэль Гусман был арестован, организацию возглавила «товарищ Рита», 39-летняя женщина-социолог. Как отмечает мексиканская газета «Насьональ», изучавшая эту проблему, «большинство активисток «Сендеро луминосо» имеют среднее и высшее образование, а по интеллектуальному уровню многие из них превосходят мужчин». Одна из них — 27-летняя Марица Лекка. Девушка из зажиточной семьи, известная балерина, которую не без основания прочли в примадонны Перу. Она открыла частную школу в одном из богатых кварталов Лимы. Однако вскоре Марица исчезла с тем, чтобы появиться в «Сендеро луминосо». Дамский бунт продолжается.

Фото из журнала «Камбио-16» и газеты «Эль Паис» (Испания)

Цитатник

Борис МИРОНОВ, отставной министр печати: «...Если мне предложат вернуться на свой пост, я соглашусь без сомнений. Очень многое осталось недоделанным».

(«Комсомольская правда», № 160)

Михаил ПОЛТОРАНИН, учитель и соратник Бориса Миронова по национальной печати: «...Ошибка Миронова в том, что, будучи министром, он должен был излагать свои мысли корректнее и доходчивее, чтобы не было двусмысленных толкований».

(«Вечерний клуб», № 199—200)

Например, к заявлению «Я — фашист» приложить корректное и недвусмысленное разъяснение жизненной необходимости газовых камер.

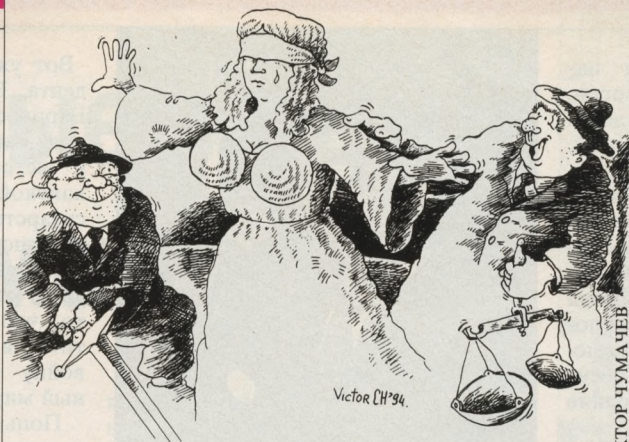
Виктор КОЛПАКОВ, глава администрации Южного района Ивановской области: «Мы не допустим социального взрыва, даже если наступит голод».

(«Комсомольская правда», № 159)

А может быть, лучше не допустить голода?

Сергей ШАХРАЙ, вице-премьер правительства РФ: «...Нам импонирует, что Временный совет (Чечни. — Ред.) провозгласил программы подготовки к учебному году и полевым работам...».

(«Независимая газета», № 170)

ВИКТОР ЧУМАЧЕВ

Константин БОРОВОЙ, предприниматель: «...Чубайс — это серьезнейшая проблема... Вы, надеюсь, понимаете, что, говоря «Чубайс», я имею в виду правительство. Оно ничего не знает и не может делать. Единственное, что правительство может делать, — это запрещать. Или регулировать. А там, где запреты и регулирование, там и коррупция. (...) И скоро мы будем говорить не только о люберецкой, солнцевской, балашихинской группировках, но и о группировках, складывающихся вокруг тех или иных чиновников. И это не фантастика. Так оно и будет».

(«Литературная газета», № 36)

Виктор ЧН'94.

«Россия явно предпочитает поддерживать войну (в Карабахе. — Ред.) в небольших масштабах. На таком уровне этот конфликт не угрожает взрывом и не закончится победой ни одной из сторон. С точки зрения Москвы... такой подход препятствует развитию Армении и Азербайджана в подлинно суверенные государства... Россия вмешивается, и на поле боя происходят ничем другим не объяснимые перемены. Затем ситуация возвращается к мертвой точке. ...Москва была более заинтересована в введении своих вооруженных сил в этот регион, чем в достижении действительного урегулирования этого конфликта».

(«Уолл-стрит джорнэл», август 1994)

Теперь ясно, чем отличаются политические программы воюющих в Чечне сторон! Естественно, что симпатии нашего правительства на стороне прощения и сельского хозяйства!..

Ицхак РАБИН, премьер-министр Израиля: «...Вы видите ли, я не люблю целоваться и обниматься с политическими деятелями».

(«Известия», № 171)

С такими комплексами у нас, в России, он бы не достиг никаких политических высот!

Ахсарбек ГАЛАЗОВ, президент Северной Осетии: «России давно пора определиться: если Чечня — республика в составе Федерации, то нужно всеми законными средствами добиваться, чтобы она стояла в общем ряду. А если Чечня — независимое государство, то и строить с ней отношения надо, как со всеми другими государствами...»

(«Сегодня», № 168)

«Государства, недавно получившие независимость... ведут сложную игру с Москвой. В Туркменистане бывший коммунистический босс Сапармурад Ниязов расточает похвалы Москве... Но помощник Ниязова конфиденциально сказал... что они ждут, пока будет построен трубопровод для транспортировки их нефти и газа через Иран к Персидскому заливу, что освободит их от зависимости от трубопровода, проходящего через Россию».

(«Крисчен сайенс мониторинг», август 1994)

Мальчик в песочнице бомбу нашел

Эдуард ДОРОЖКИН, Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

В России всегда умели уважать людей сильных и отважных. К их числу в первую очередь, безусловно, относили военных. «Армия — наша защитница», — слышали мы уже с колыбели. Позже эти слова кое-кто стал произносить с изрядной долей иронии, неуместной хотя бы потому, что не только на поле боя, но и для нашей повседневной жизни российская армия делает немало — только никто об этом не догадывается.

Пока бастует «Скорая помощь», жалуется на нехватку «специальных средств тушения» пожарная служба, а милиция и вовсе не знает, куда выезжать — на труп с ограблением или на труп с изнасилованием, военная комендатура города Москвы принимает вызовы или, если позволительно употребить такое чисто гражданское выражение, заказы на разминирование. Заказов так много, что подчас создается впечатление, будто кто-то ведет негласную подрывную войну — не на жизнь, а на смерть. На нашу с вами смерть.

Саперы комендатуры выезжают обезвреживать только армейские

взрывные устройства: мины, гранаты, снаряды, фугасы. Самодельными орудиями уничтожения ведаёт Федеральная служба контрразведки, а авиационными бомбами — штат гражданской обороны. Работы хватает на всех — у одних только армейских пиротехников бывает до пяти выездов в день. «Ложных» сообщений — типа «Моя школа горит, скорее приезжайте» — в комендатуре пока еще не зарегистрировано: то ли потому, что предварительный «отсев» делают местные отделения милиции, то ли в силу того, что народ до сих пор полагает — не без определенных на то оснований, — что с армией «шутки плохи».

О своей работе саперы особо распространяться не любят. Что увидел, то — твое. А что мимо прошло — то наше. Тем не менее есть вещи очевидные. Например, понятно, что развездная саперная машина должна быть снабжена рацией, что не должны пиротехники возвращаться, положим, из Бутова в свой «офис» на Красноказарменной улице с тем, чтобы немедленно ехать обратно. А пока дело обстоит именно так.

Также очевидно, что не могут специалисты выезжать на боевое задание в машине, которая на глазах рассыпается от старости. Тем более что едут они разминировать дом, где живут люди, никаких других автомобилей, кроме «Мерседеса-600», не признающие. По словам саперов, главная задача московских пиротехников теперь — не обезвредить мину (как раз это им под силу), а добраться до места происшествия. Их «транспортное средство» дико урчит и трясется, как бречка Чичикова, с тем лишь отличием, что если пиротехническое колесо до какого-то места не доедет, хуже будет всем — саперам, кстати, меньше всего.

Взрывные устройства теперь находят повсеместно — в окраинных московских дворах, в переходах метро, в автомобилях, в административных зданиях в центре города, в школах, в детских садах, в яслях. Чаще всего саперы обнаруживают гранаты — Ф-1, РГ-42, РГД-5, которые «в работе» совершенно непредсказуемы: чека уже выдернута, полчаса прошло, а взрыва все нет и нет — хотя по «правилам» «сработать» должно было через три с половиной секунды. В основном минируют (и разминируют) сейчас бизнесменов — еще одна «группа риска». Тем не менее помощи со стороны коммерческих структур до сих пор нет никакой, ведутся лишь абстрактные разговоры о «борьбе с терроризмом». Судя по тому, какие операции приходится выполнять подразделениям Московской комендатуры, размах у столичной мафии поистине купеческий: в последнее время все чаще приходится иметь дело с армейскими гранатометами, нацеленными на офисы различных фирм. «В настоящий момент боеприпасы, обнаруженные и вывезенные саперами в течение года, с трудом поместились бы в паре грузовиков ЗИЛ-130, — рассказал как-то заместитель военного коменданта города полковник Валерий Подобед. Только с начала года в Москве обнаружено и обезврежено 748 взрывных единиц.

Московскую комендатуру «обезвреживания» обслуживают всего две машины — крупнокалиберные снаряды перевозит специально переоборудованный ГАЗ-66, а гранаты и патроны загружаются в УАЗ-469. Впрочем, если есть возможность, снаряд обезвреживают и на месте — все лучше, чем везти через весь город в лефортовское хранилище. Раз в неделю саперы выезжают в Алабино, где расквартирована Таманская дивизия, и на специальном полигоне уничтожают опасные находки.

...На всю взрывоопасную Москву

только два профессиональных пиротехника — и именно от них зависит успех или неуспех всякой операции. лейтенант Олег Тупицын (командир взвода) и начальник инженерной службы полка майор Александр Карабельский. За одиннадцать лет непрерывной работы в Москве Карабельский обезвредил более семи с половиной тысяч боеприпасов. Именно он, будучи еще капитаном, руководил разминированием «дип-

ломата» со взрывным устройством, обнаруженного в такси на Смоленской площади, как раз напротив МИДа. Зарплата майора Карабельского — 350 тысяч рублей, живет в однокомнатной квартире, несмотря на то, что в семье уже двое детей. Конечно, Московскую комендатуру Карабельский любит, но жизнь берет свое — милиция обещает семьсот тысяч оклада и квартиру в течение месяца. «Жить или не жить?» —

вопрос все тот же. Один из коллег Карабельского, профессионал высочайшего класса, плюнул на все и уехал в Израиль — на хлеб с маслом теперь хватает.

Важный член всякого саперного экипажа — собака, «обученная на тротиле». Раньше во взводе их было две, но одну — по старости — забирает себе сторожевая служба, замену же найти трудно, практически невозможно — овчарка, умеющая выню-

хивать боеприпасы, стоит около миллиона рублей. Таких денег у саперов пока нет.

До сих пор в Москве находят снаряды, сохранившиеся с первой мировой войны, — особенно их много в Мневниках, на месте будущего Диснейленда, где до революции находился артиллерийский склад. Когда в городе начались волнения, по решению властей склад был взорван — но многое, к несчастью, уцелело. Вторая мировая тоже постаралась: частенько саперам приходится иметь дело с авиационными бомбами, противопехотными и противотанковыми минами, оставшимися со времен героической подготовки к обороне. Самая крупная находка была извлечена при строительстве нового корпуса Курчатковского института — неподалеку от работающего реактора (!), в насыпной землянке находилось две с половиной тысячи зенитных снарядов.

«Сапер ошибается лишь однажды» — эта аксиома нам известна с детства. «Привет! Ты еще не подорвался?» — спрашивают они друг друга по утрам. И снова едут на вызов. Мальчишки нашли гранату и сунули в костер. Она, к счастью, не взорвалась. Когда саперы отбирали ее у ребят, те бежали следом и слезно просили: «Дяденьки, оставьте ее нам. Мы будем в войну играть!» Дяденьки гранату увезли. Им не понять мальчишек. Для сапера война — не игра.

Игра в акции

ВЛАДИМИР ШИШОВ

Заметки для тех, кто хочет купить себе немного ценных бумаг, но не знает, какие из них действительно ценные

Елена ЭРИКСЕН

Если у вас много денег — не верьте рекламе

Чтобы приступить к выпуску акций, коммерческая фирма, промышленное предприятие или банк должны выполнить несколько условий. Прежде всего подготовить проспект эмиссии. Иначе говоря, подробно расписать — сколько

акций, когда и по какой начальной стоимости будет выпущено. И в какие проекты будут вложены деньги, полученные от продажи этих бумаг. Сотрудники Министерства финансов РФ изучат проспект вкупе с другими формальными документами и вынесут резюме: давать или не давать разрешение на выпуск акций. Если разрешение получено, можно хоть на следующий день изготавливать

бланки акций или сертификатов и на законных основаниях начинать распространение своих ценных бумаг.

Обратите внимание — никто не проверяет финансовую состоятельность эмитента, то есть того, кто задумал выпускать акции. Можно, например, с минимальным уставным фондом — в несколько миллионов рублей — выпустить акций на десятки миллиардов. И никто не предупредит простофилю-покупателя: не бери такие бумаги, пропадут деньги.

Дискуссии на тему — кто виноват в том, что опять обманули каких-то акционеров, сегодня бессмысленны. Рынок ценных бумаг в России возник совсем недавно. Пройдут годы, прежде чем он станет цивилизованным и относительно безопасным. Но для тех, кто хочет немедленно в него включиться и не прогореть, необходимо усвоить основное правило: доверять не рекламе, а специалистам.

Сто штук из одних рук

По мнению Алексея Власова, президента Российской товарно-сырьевой биржи (РТСБ), время фантастических прибылей закончилось. Двенадцать процентов дохода в месяц с ежеквартальной выплатой — это максимум, который сегодня могут обещать в качестве дивидендов или процентов по вкладам серьезные акционерные компании, работающие с разумным риском. Все выплаты свыше означают, что финансовая деятельность происходит в зоне повышенного риска. Вовсе не обязательно, что такая фирма «прогорит» через месяц или год. Но шансы для этого у нее очень высоки.

Из рассуждений Алексея Феликсовича стало ясно — научиться с выгодой вкладывать средства в ценные бумаги так же сложно, как стать высококлассным специалистом в любой другой области.

Для убедительности президент биржи привел пример из финансовой деятельности АО «Система теле-маркет». Это акционерное общество имеет в Москве три фондовых магазина. Ежедневно задолго до открытия у дверей выстраиваются огромные очереди из акционеров. Все они желают продать акции по той цене, которую установило руководство компании. И акции в этих магазинах действительно скупают, но в ограниченном количестве. По сто штук из одних рук. На РТСБ же акции «Системы теле-маркет» можно продать совершенно свободно. Правда, по цене почти в три раза меньшей, чем в фондовом магазине. Отчего так? Да оттого, что биржевая стоимость ценной бумаги — реальная, сложив-

лась в результате спроса и предложения, а в фондовом магазине она установлена способом самокотировки. Понятно, для чего большинству компаний нужны фондовые магазины и собственные пункты по продаже акций — чтобы поддерживать искусственно завышенный курс. А это, считает Алексей Власов, этическая непорядочность. Кстати, способ самокотировки изобретен не в России. На иностранных биржах поныне работают так называемые специалисты по ценным бумагам. Они тоже могут по ходу торгов установить фиксированную цену покупки-продажи акции какой-нибудь компании. Но если в этот день кто-либо захочет продать или купить хоть миллион акций, специалист обязан будет выполнить требование.

История счастливого приобретения акций возможна

Надежнее сразу прийти на биржу, минуя фондовый магазин. С одиннадцати утра до шести вечера каждый желающий за три тысячи рублей может купить входной лот и увидеть то, что привлекло видеть миллионы телезрителей, когда им показывают сюжеты про биржевые операции с ценными бумагами.

Просторный зал РТСБ. Вдоль стен буквой «П» стоят обыкновенные письменные столы с номерами. За столами — торговцы, предлагающие в основном... билеты АО «МММ» различной окраски, но с одним и тем же портретом Мавроди и свидетельством о депонировании акций АО «Системы теле-маркет», а также ценные бумаги AVVA и OLB. Оказывается, эта аукционная площадка никакого отношения к торгам самой биржи не имеет. Это — внебиржевой рынок, но внутри РТСБ. Результаты сделок высвечиваются на табло в виде бегущей строки, и каждому из зала видна стоимость ценной бумаги, определенной на основании спроса и предложения.

Впрочем, визит на биржу, как было уже сказано, нужен не для того, чтобы любоваться бегущей строкой. Пока наплыв потенциальных акционеров, осознавших, что не все ценные бумаги таковыми являются, невелик. Поэтому специалисты биржи в состоянии консультировать всех желающих.

В какие же акции выгоднее всего вложить деньги? Единого рецепта нет — у каждого вкладчика своя выгода. Все зависит от сочетания нескольких факторов. Сколько денег покупатель хочет потратить? На какие дивиденды рассчитывает? Насколько готов рисковать? Напомню — речь идет о рядовом здравомысля-

щем вкладчике, который в лучшем случае располагает несколькими свободными миллионами рублей. И желает их либо уберечь от инфляции, либо — скромно приумножить. Тогда можно рассчитывать на полезный совет. Ни о каких консультациях для леней голубковых, жаждущих без риска получать космические проценты, разговора и быть не может.

Самые ценные бумаги еще не напечатаны

По экспертным оценкам, российские граждане способны инвестировать в различные ценные бумаги от трех до семи миллиардов

долларов в год. Допустим, скандалы вокруг обанкротившихся акционерных обществ убедят россиян — остапы бендеры торгуют билетами не только у входа в подземные галереи. И прежде чем купить что-нибудь действительно ценное, поумневший рядовой инвестор захочет проконсультироваться.

Господин Власов полагает, что для этого нужны специальные фирмы. Сейчас практически составлена одна из первых компьютерных программ, которая способна учитывать многообразие показателей и нюансов рынка ценных бумаг. Клиенту достаточно будет оплатить консультацию, порядка десяти тысяч рублей, чтобы получить письменный совет от компьютера — куда вложить деньги в соответствии с возможностями и ожиданиями.

Акционерные компании, которые сегодня у всех на слуху благодаря обильной рекламе по телевизору, наполняют рынок ценных бумаг всего процента на полтора. Остальное пространство занято акциями приватизированных предприятий. И в ближайшее время именно среди этих бумаг произойдет настоящий бум. Предприятия, покончив с чековыми аукционами и поменяв через банкротства неэффективных собственников на эффективных, приступят к вторичному выпуску акций. Акции будут именными. Имя владельца должно быть не только записано на бумаге, но и внесено в реестр акционеров. Чтобы свободно покупать-продавать такие акции, пока надо ехать в тот город, где приг-

лянувшееся предприятие находится. Профессиональные маклеры так и поступают, а мелкому покупателю развезать не по карману — ему проще выбрать предприятие поближе к дому. Но если под окнами не высокоприбыльный нефтяной комплекс, а фабрика валенок, разумнее потратить средства на какие-нибудь другие ценные бумаги. Или дождаться тех дней, когда в России появятся электронные средства связи между всеми участниками фондового рынка.

Перспективными, по мнению специалистов, можно считать и муниципальные облигации. Доход по ним невысок, но зато велика надежность. За их выпуск отвечают местные власти. К тому же такие облигации обычно автоматически участвуют в муниципальных лотереях. И помимо удачного размещения денег у акционера появляется возможность в качестве приза получить, например, земельный участок.

Распространены на рынке ценных бумаг банковские векселя и акции. Но человеку с улицы опять же невоз-

можно сориентироваться — какой банк надежен, а какой вот-вот лопнет. Даже лицензия Центробанка РФ не защитит от банкротства. Скажем, Главное управление ЦБ по Москве регулярно сообщает об отзыве лицензий у банков-банкротов. В «черном» списке — перечень банкротов, фамилии руководителей и суммы долгов. Более того, ЦБ в несвойственной ему трогательной манере как бы сочувствует обманутым клиентам: «...ликвидация банка болезненна для тех, кто вложил туда деньги, и им можно только посочувствовать. Однако очищение банковского сообщества от реальных и потенциальных банкротов абсолютно необходимо, если мы хотим иметь нормальную экономику».

Но кто знает про такие списки, кроме финансовых экспертов и интересующихся журналистов? Да и те узнают с опозданием — когда у банков лишь одни долги. О какой нормальной экономике можно рассуждать, если миллионы потенциальных акционеров блуждают в информационном тумане?

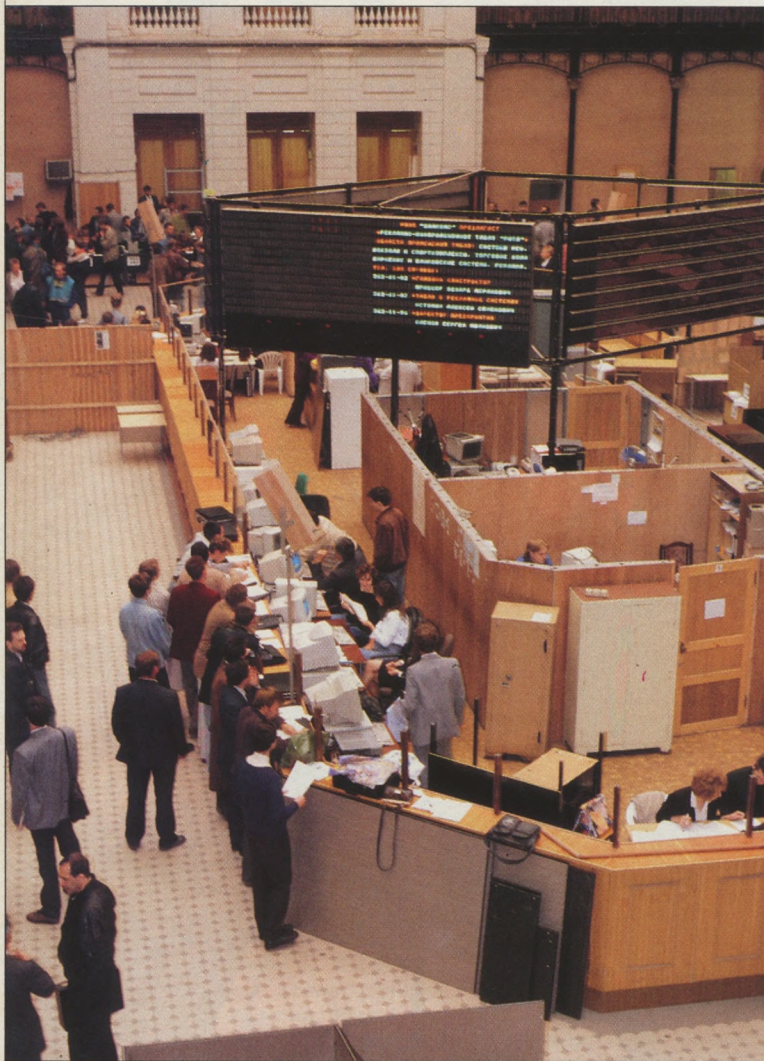
Пока нет закона

Не стоит негодовать, что фондовый рынок уже возник, а закон о нем еще не принят. Обычно так и бывает, когда события развиваются слишком быстро. А эксперты убеждены — рынок ценных бумаг продвигается вперед огромными скачками. И сегодня можно ввести лишь полумеры, способные хоть как-то обезопасить от приобретения акций сомнительного производства.

Генеральный директор финансово-инвестиционной компании «Пирс-инвест» Михаил Лукунин рассказал о процедуре листинга, которая уже давно существует для ценных бумаг, участвующих в биржевых торгах. Листинг означает своеобразную экспертизу — ее проводят биржевые эксперты. Причем не только на основе финансовых документов, представленных эмитентом. Каждые три месяца процедура листинга должна повторяться, и, если операции с конкретными ценными бумагами станут слишком рискованными, может произойти делистинг — вывод ценных бумаг из биржевого оборота.

Мечта непросвещенного в фондовых тонкостях акционера, согласно социологическому опросу, такова. Хотелось бы ему каждую неделю вместе с бесплатной рекламой акционерных обществ вынимать из почтового ящика бесплатный бюллетень о принципах работы рынка ценных бумаг. На первой странице — предупреждение Центрального банка России о банкротях. На второй — сведения биржи об акциях, успешно преодолевших процедуру листинга. Далее — перечень всех акционерных обществ, торгующих ценными бумагами. Желательно — с адресами: в каком месте и по какой цене можно эти бумаги приобрести. Хорошо бы еще от имени Министерства финансов РФ публиковать своеобразные рейтинги надежности акционерных обществ. А на последней странице — полезные советы. Что-то вроде рассуждений на тему — когда выгоднее покупать доллары, а когда — отечественные ценные бумаги.

Не стройте иллюзий — и не будете страдать от разочарований: мечта эта неосуществима. Некому, незачем и не на что претворять ее в жизнь. Со временем будут приняты необходимые законы. Появятся более надежные консультационные конторы. Наконец, информационный туман рассеется и не надо будет за прибыльной акцией летать на самолете. Все это будет, но игра в акции останется игрой — с риском, проигравшими и победителями. ■

ЭЛЕМАШ

Акционерное общество “ЭЛЕМАШ”

Утюги “Philips”
Делают приятным
утомительный труд

Фритюрница ETA 1166
Экономит ваше время

Пылесос ETA 7400
Комфортен и удобен

Производит:

- лицензионную бытовую технику
- хозяйственные товары из пластмассы
- тренажеры пневматические
- товары медицинского назначения (светильники, скарификаторы)
- промышленные товары (трубчатые электронагреватели, магниты стронциевые и феррито-бариевые различной конфигурации, твердосплавные пластины).

Выполняет:

- покрасочные работы на автоматической линии итальянской фирмы LARIUS изделий сложной конфигурации из различных материалов (металл, дерево, пластмасса) порошковыми красителями.

Наш адрес: 144001, г. Электросталь, Московская область, ул. К. Маркса, 12,
АО “Машиностроительный завод”

Тел.: Москва (095) 176-47-58, (095) 176-47-56.

Электросталь (09657) 1-68-91, (09657) 1-69-35

Факс: Электросталь (09657) 5-09-48.

Москва (095) 176-05-28.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКАЯ ФИРМА

КГК

МЕБЕЛЬ ДЛЯ ОФИСА

НАТУРАЛЬНОЕ
ДЕРЕВО

Большой выбор, доставка, сборка, скидки

РАБОЧИЕ МЕСТА

отдельные предметы
Кресла. Канцелярия.

Ул. Делегатская, дом 7

973-90-57

КАБИНЕТЫ

для

РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Ул. Делегатская, дом 3

925-12-62

Вашим соседом будет Майкл Джексон

Американская газета «Крисчен сайенс монитор» о покупке русскими собственности за рубежом

Агент по продаже недвижимости Сергей Комлев, совсем недавно приехавший с учебного семинара по торговле недвижимостью в Сан-Диего, берет брошюру и с тоской разглядывает фото на глянцево-бумажной.

Современный особняк в Калифорнии имеет собственную территорию для скачек с 98 полностью оборудованными стойлами и со скаковой дорожкой длиной 3/4 мили. На 257 акрах находится умопомрачительная сеть облицованных камнем искусственных прудов, несколько теннисных кортов, площадка для гольфа и плавательный бассейн. Есть бильярдная, винный погреб и дом для гостей с достаточным числом спален, чтобы удобно разместить орду родственников, приезжающих в гости из Сибири.

«Это дворец, просто дворец», — вздыхает Комлев в своем наглаженном костюме и безупречно завязан-

ном галстуке, приходя в крайнее возбуждение. «Посмотри, Анатолий, всего 20 млн долларов, — со смехом говорит он коллеге-агенту в тесной московской конторе своей фирмы по продаже недвижимости «Юниверсал бизнес консалтинг». — Давай купим его».

Сытые по горло вечно меняющимися законами о налогах и собственности и боясь слишком навязчиво продемонстрировать свое богатство, многие российские нувориши острегаются делать капиталовложения в своей стране. В то время как одни из них довольствуются строительством огромных дач в пригородах, многие предпочитают вместо этого вкладывать свои деньги в безопасные убежища за рубежом.

«Если вы работаете в Таджикистане и зарабатываете 100 000 долларов, что вам с ними делать?» — спрашивает Владимир Фридсон, главный редактор издающегося

на русском языке еженедельника «Недвижимость за рубежом», в котором предлагаются земельные участки повсюду в мире.

«Сначала вы купите «мерседес», потом его украдут. Потом вы решите купить виллу, но вы знаете, что мафия сожжет ее. Вы хотите положить деньги в коммерческий банк, но либо банк лопнет, либо законы изменятся и ваши счета заморозят, — говорит он. — Лучше уж покупать во Флориде».

До того как кончилась «холодная война», большинство русских не могли мечтать о том, чтобы провести лето в Ницце во Франции или в Хамптонсе на Лонг-Айленде. Но теперь многие предпочитают путешествия эмиграции, а тем временем другие пополняют свои и без того уже чрезмерные доходы, вкладывая деньги за рубежом в бензозаправочные станции, ночные клубы и рестораны, которыми они уп-

Такие виллы могут стать вашей собственностью. При желании

равляют на расстоянии.

А так как вилла в Испании стоит сейчас столько же, сколько квартира в Москве, вкладывать деньги за границей экономически целесообразно.

«Это неизбежное зло. Эти деньги лишь помогают экономике Запада, — говорит Михаил Бергер, экономический обозреватель газеты «Известия». — Я беседовал с австрийскими бизнесменами, которые были весьма взволнованы тем обстоятельством, что некоторые россияне скупают целые улицы».

«Недвижимость за рубежом», трехцветный иллюстрированный журнал с фотографиями на полстраницы, — это первый в Москве перечень недвижимости за рубежом тиражом 100 000 экземпляров. Он обслуживает новое поколение российских богачей, для которых главное — это престиж.

«Вашим соседом будет Майкл Джексон!» — вопит опубликованный недавно перечень, в котором рекламируются земельные участки стоимостью во много миллионов долларов в Южной Калифорнии.

«Ваш второй дом в Швейцарии!» — гласит другой перечень с фотографией загорелых молодых людей с теннисными ракетками перед большим современным зданием.

«Русские не ходят в поисках, чего бы купить. Мы отбираем для них лучшие предложения, они принимают решения, и все», — говорит Тару Оксман-Айсон, директор лондонской фирмы «Шик инвестментс риэлти», которая обслуживает богатых клиентов из бывшего Советского Союза.

«Известно, что они смотрят картинку в этом еженедельнике, вступа-

ют в контакт с агентом и говорят: «Я хочу это купить», — говорит она в беседе по телефону из Лондона. — Они проходят через «Харродз» (фешенебельный универмаг) со всеми своими покупками в сумке и сразу въезжают (в дом)».

Как подсказывает название ее фирмы, г-жа Оксман-Айсон продает дома только в самых фешенебельных пригородах Лондона, например в Хампстеде или Хайгейте, а также помогает найти для детей своих клиентов закрытые частные школы с пансионом. По ее словам, средняя цена, которую российский покупатель платит за дом, составляет около 400 000 долларов.

«Они всегда платят наличными, — говорит она, поясняя, что, поскольку мало кто из россиян может подтвердить свою кредитоспособность, получение закладной почти невозможно. — Их репутация заставляет банкиров осторожно относиться к клиентам из этого региона. Они им не доверяют».

«Юниверсал бизнес консалтинг» Комлева, который зарегистрирован в Лихтенштейне и работает вместе со своим партнером в Сан-Диего «Гала риэл эстейт», действует в качестве посредника в предоставлении ссуд клиентам.

Сидя в своей строго охраняемой конторе, Комлев говорит, что ему почти ничего не известно о его заказчиках, кроме того, что большинство из них приезжают из богатых ресурсами регионов за пределами Москвы и что они занимаются бизнесом, банковским делом или искусством. Известно, что некоторые из них ходят с портфелями, набитыми деньгами.

«Мы спрашиваем у клиентов номер контактного телефона, по которому с ними можно будет связаться, но, конечно, мы не спрашиваем, где они работают или о чем-то еще, — говорит он. — Нас это не интересует. Мы ничего не хотим знать».

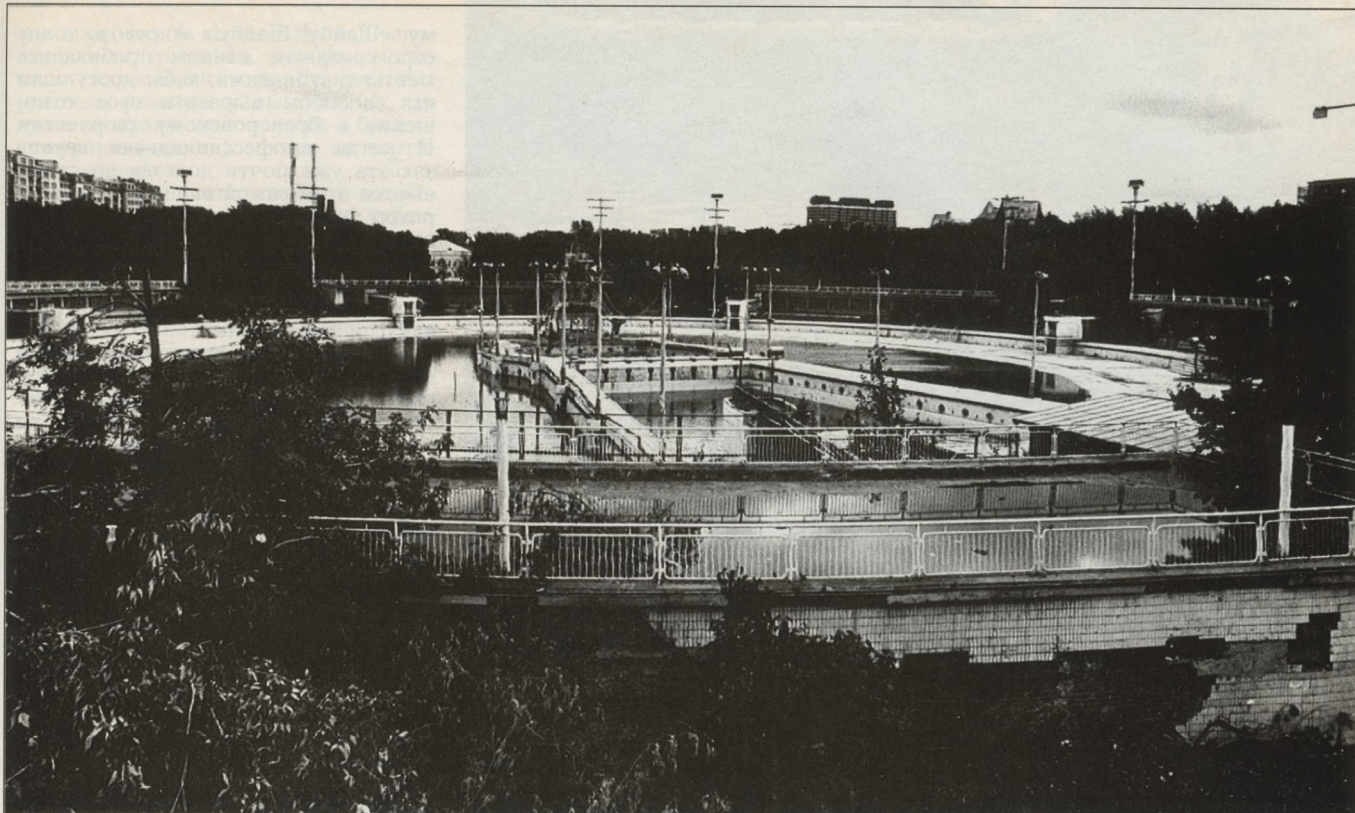
Существует множество других проблем. Возьмем в качестве примера бегство капиталов из России. Ежемесячно из страны утекает около одного миллиарда долларов США, что означает следующее: некоторые российские партнеры иностранных компаний пренебрегают потребностями предприятия и вывозят доллары из страны.

Размеры возможных потерь значительны. Арендная плата конторских помещений в Москве часто равна аналогичным показателям в Токио, а содержание сотрудника, прибывшего из-за рубежа в Россию, обходится в 300—400 тыс. долларов в год.

В этих условиях многие иностранные компании не способны получить прибыль. Однако некоторым это удается. Подчас награда бывает громадной. Фирмы, занимающиеся недвижимостью, как российские, так и иностранные, сколотили небольшие состояния, сдавая жилые помещения еще несколько лет назад за 100—200 долларов в месяц. Сейчас этот показатель достигает 3000—5000 долларов. Здесь очень популярны западные продукты, духи, напитки, сигареты, роскошные и бронированные автомобили, электроника и ЭВМ. Это же относится к фотоаппаратам. Россия занимает четвертое-пятое место среди крупнейших рынков сбыта компании «Полароид». Это идеальное место для фотоаппаратов с мгновенным изготовлением снимков, потому что фотолaborаторий мало.

Однако, несмотря на эти исключения, бизнес в России настолько труден, что западные компании, успешно работавшие в этой стране в течение многих лет, сейчас не могут получить прибыль и уходят с этого рынка. Если компания не предвидит значительной прибыли и не обладает большим мужеством, то ей лучше обходить Россию стороной. До поры.

Снимки из журнала «Камбио-16»

Сказание о чаше

Заметки бывшего спасателя

Алексей ДИДУРОВ

Недavno узнал, что мэр Лужков распорядился окончательно убрать все, что осталось от бассейна «Москва». Действительно, что хорошего могло быть на месте, где в припадке утопической эйфории взорвали храм, построенный народом в память о своей победе?..

Я не ходил туда несколько лет. Не зачем было. Знал, слышал, что бассейн закрыли, и смотреть агонию места, где провел не меньше пятнадцати лет, — не тянуло.

Раньше в тот же Музей изобразительных искусств имени Пушкина бегал раза три в неделю, а по дороге минут на двадцать заворачивал под вышку бассейна — в дежурку. Да и по бортику чаши с плещущимися трудящимися, бывало, пробежишь, — проведешь своих. И тех, кто на бортах. И тех, кто на «капитанском мостике» под вышкой. И тех, кто воду руками-ногами пашет в униформенных красных шапочках...

То же самое, если шел в Дом инженера и техника, что напротив «Пуш-

кинки», — там в те времена крутые неофициальные рок-группы Москвы имели иной раз ангажемент «без рекламы по городу» и меня, как своего, приглашали, — так обязательно заскочишь ради тонуна в вечернюю игру темноты небес, воспаленных прожекторов и голубого жидкого хрустала в чаше бассейна.

Но как только после 85-го года жизнь стала экзотичней полотен Гогена и Руссо, авантюрной экзерсисов Пикассо и круче левого рок-музона с нелитованными текстами, в эту — в недалеком прошлом «горячую точку» города — стала подзарастать народная тропа. Дом техника вообще перешел на коммерческие киносеансы западных боевиков, а бывлые подпольные музбунтари, пригретые когда-то в этом доме, сегодня на собственных четырех колесах развезжают мимо своих афиш — от стадионов до дворцов культуры и прочих храмов гос-, рос- и мосэстрады.

Короче, в бассейн «Москва» после приговора ему — как слагбаум для меня перекрыли. Не ходил, пока еще

было куда и к кому, а потом стало некуда, и не к кому. Эпопея бассейна, преисполненная магии и тайн, сотканная из множества легенд, историй, событий, — эта эпопея оборвалась, ушла в бездну более глубокую, чем Атлантида.

Я думал, что уже никогда к дну бассейна не прикоснусь подошвами — ни ступней, ни обуви. И ошибся. Нынешней весной некая культурологическая ассоциация — из тех, что мириадами рождаются и роятся вокруг искусства под солнцем свободы, прислала мне вдруг приглашение на общегородскую тусовку богемы, имеющую быть в конце мая в пустой ванне бассейна «Москва»; и махнул я знакомым путем, по наезженной многими годами ветке метро — до «Кропоткинской».

Выход к бассейну со станции был для раннего вечера отталкивающе безлюден. Человеческим духом не пахло ни в «предбаннике» станции (где когда-то встречались стайками и парами, чтоб вместе успеть на сеанс плавания), ни на аллеях сквера вокруг чаши, поразительно густо засеянных

пустыми бутылками из-под импортного алкоголя. А когда-то эти аллеи чистотой и строгостью напоминали голливудские фильмы о жизни зарубежных аристократов...

За запертыми дверями павильонов тлел слабый, экономный свет сокровенной деятельности, скорее всего, каких-нибудь пройдохских фирм, чьи невидимые труженики поставили свои «мерседесы» у мертвой хормины бывшей дирекции бассейна. Обойдя снаружи сплошную ограду, я только в одном месте обнаружил две живые души: из единственной открытой двери моего родимого (в нем был мой служебный шкафчик) павильона двое накаченных парней в «адидасе» вели огонь из пневматических пистолетов по авитаминозно заторможенным птицам на мокрых, голых деревьях сквера. Завидев меня, стрелки поспешно захлопнули дверь, мельком, но цепко зыркнув мне в душу глазами презрительно холодными, как зрачки стволов их пистолетов... Иронически до этого настроенный по отношению к арт-тусовке, помню, подумал: «Лучше уж богема, чем эти!»

Первое, что поразило на арт-тусовке: все дно бассейна было концентрическими кругами выложено плитками с именами деятелей современной русской культуры — от министра этой культуры Сидорова до звезд андерграунда, от «здешнего» Валентина Распутина до «тамшнего» Мстислава Ростроповича. На одной из этих плит, очень напоминавших могильные в миниатюре, нашел я и свое имя. Чувства при этом испытали разнообразными и противоречивыми.

Рядом с моей «могилкой» лысый мужик в кимоно, выставивший свои мобили, прижимал к себе симпатичную девочку-подростка, буддистски слабо улыбаясь. Неподалеку другой дядька, с лицом сельского учителя словесности, выстроил вави-

лонскую башню из нераспечатанных пачек со своим трехтомником истории православной церкви в СССР. В вершину книжной башни были воткнуты две буденновские сабли, а у ее подножия сам автор раздавал бесплатно свежепечатные тома всем желающим.

Еще поодаль Олег Михайлович Сумароков — почти семидесятилетний рок-певец из Питера в костюме старшего Рембрандта — крестил сборником своих песен колонну блюстителей святости места, на котором когда-то располагался храм Христа Спасителя. Блюстители пророчили Сумарокову ад, а его музыкантам — рок-группе «Преображение» — эксцессы на выходе. «Преображенцы» же, упившись до тростникового состояния и колыхания, подыгрывали и подпевали трезвым гостям — американцам, затянувшим «Очи черные»...

Далее, за ними, в пределах метров десяти, кучка «так называемых авангардистов» надула резиновую копию бассейна «Москва» и, раздевшись до купальных принадлежностей, посинев от холода пасмурного не помайски дня, героически плескалась в произведении своего искусства, требовавшего жертв от своих создателей столь наглядно, что смотреть на это было страшно. Перед ними, на бортике, группа барыг-звуковиков коммутировала аудиосистему из мощного пульта и циклопических штабелей звуковых колонок — на случай спонтанного концерта рок-звезд, приглашенных по данному случаю.

А над всем этим, на самом веру вышки для прыжков в воду, спустив брюки и выкрикивая звучные фонетические конструкции, мастурбировал демонстративно и трудолюбиво известный своей недавно наложенной кучкой под полотном Ван Гога некто Саша Бренер. Снизу, из чаши, устав ждать развязки, толпа взывала к не-

му: «Шайбу! Шайбу!» А сквозь толпу серо-красным клином пробивались им способом выразить свое отношение к бренеровскому творчеству. И когда профессиональная группа захвата уже почти долезла до самой вышки этой самой вышки, звукооператор аппаратуры, выставленной для ожидавшегося рок-бомонда, проверяя систему, врубил запись, как нельзя лучше подходившую к тому, что творилось. Громоподобно зазвучала вдруг фонограмма беснующейся громадной массы воды, давящейся в круговерти воронки, с дикой силой и скоростью утекающей в жерло водостока. Мелькнула мысль: не запись ли это последних мгновений жизни бассейна?.. И всплыли воспоминания о далеких уже годах моей здесь жизни, моей молодости на излете судьбы бассейна «Москва». Та жизнь тоже была шумной, стремительной, энергичной, а схлынула — в одночасье, считай, — дочиста, досуха, как и не была. Только-то и осталось от нее, что иссохшая до трещин чаша некогда людного бассейна да дурноприторный запах, приносимый, как и прежде, от старой кондитерской фабрики, что напротив — за Москва-рекой.

Вернувшись из армии аккуратно через два года после августа 68-го, я обнаружил, что наши танки не только в Праге кое-что поменяли, но и в Москве. К примеру, моих крестных отцов в журналистике я не обнаружил на рабочих местах: их почти всех выгнали из газет и журналов за антипартийность. А без них я предпочитаемым и выносимым не оказался и не удержался долго ни в «Комсомолке», где до армии работал, ни в журнале «Юность», куда меня по дружбе взяли. Свежее начальство мне не забыло, какого «полка» я «сын», и быстро выкинуло поочередно со всех работ.

Под статью о тунеядстве попадать не хотелось. Хорошо, что до газеты я прилежно занимался спортом — дружки, ставшие уже тренерами, боссами, обзвонили свою Москву и сказали: «Иди в бассейн дружинником, там дзюдоисты требуются!» В дирекции бассейна «Москва» я был ошарашен — дружинником надо было работать в воде, во время сеансов, но подумал: «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья». А солнце — не всегда, и плавать приходилось то и дело в непроглядную темень, да иной раз в тридцатиградусный мороз. И не просто плавать — порядок блюсти, подчас наперекор пьяным компаниям водоплавающих злобных жлобов. Зато за зимой всегда резонно ожидалась весна, а значит, лето становилось неизбежным, как временная победа добра над вечным злом.

...У бассейна «Москва» был режим работы и жизни, обратный режиму ресторанов и кафе. В тех главное, доходное время — от века и поднесь — вечер. Бассейн же, наоборот, — по вечерам запускал внутрь себя публику массовой соцкатегории и был похож, особенно в холода, на огромный

чан в аду, паром дымящийся над человеческими головами, которые казались сваренными из-за стандартных розовых резиновых шапочек. А над ними по краям чана — руки в боки — дежурные («дежи»), — чем не церти-смотрителли!..

Вот днем — тепло, светло и все по-другому. «Дежи» уже с первого утреннего сеанса начинали ту именно жизнь, которую работой называть стыдно. Днем «дежи» проводили в бассейне своих «штучных» людей — друзей, родственников, любовниц или особ, приготавливаемых к этой выгодной роли. А потому у каждого сектора (где «дежи», как правило, годами не менялись) свое неповторимое лицо, свой избранный контингент. На одном секторе, допустим, «дежем» — бывший спортсмен — и изо дня в день в теплый сезон здесь собираются бывшие звезды и бойцы спортивных арен, под водочку и пивко вспоминая битвы, где вместе рубились они. А вон там, рядом, «деж» — интеллектуал с дипломом, и там — богема. Далее по борту бабник, вокруг него гарем, жрицы свободного секса. В следующем секторе царит бывший торгаш, так под его дланью роится фарцовая микротолкучка...

Если кто из начальства с обходом нагрывает, то мгновенно, неизвестным науке способом, по всей круговой совокупности секторов пробегает сквозняком ощущение «атаса». Гости быстро инфильтруются в павильоны. Если же начальник, глупая голова, еще и по павильонам примется пинкертонить-шерлоххолмствовать, то «дорогие гости» перейдут куда-то в четвертое измерение или разматериализуются на составляющие их молекулы... Так что никого оупелый от изумления и досады начальник не обнаружит на вверенной ему, но мало-подвластной территории бассейна. Кроме, конечно, подобострастно кланяющихся подчиненных на своих святых, как их глаза, рабочих местах. Обещая всей спиной в другой раз обязательно заставить нарушения, начальник покидает руководимый объект — и в тот же миг он заполняется теми, кого только что здесь чувля, но не осалили.

Но пора уже словом воздать тем, кто держал, так сказать, на своих плечах свод традиций и порядков этого места и времени. Ибо само время избрало их из несметных когд современников, соотечественников, чтобы они среди стандартной советской жизни создали микрокосм, антимир, отдельный от всеобщей соцтягомотины. Для выполнения запредельной задачи их обнаженные, мускулистые, загорелые тела легионеров при патрицианском складе мышления (с поправкой на место рождения и издержки местного воспитания) очень подходили. При всем различии характеров эти жрецы исповедовали одну религию — полного пофигизма по отношению к ударному труду при строительстве коммунизма и сдержанно исходили насмешливым презрением к рукотворным звездам кровавого

стекла, что вспарывали небо над соседним Кремлем.

Они, эти люди бассейна, не были дружны дружкой в стиле картин киностудии имени Горького. Но однажды в майские праздники, когда на три дня вход в чашу публике был закрыт, они собрались под вышкой и под коньячок и портвешок вспомнили вдруг всякое-разное, что составляло их эпос: и первых красавиц, плескавшихся под их дланью и платящих натурой прямо в воде, и смертные бои со жлобьем в душевых, и синие трупики изнасилованных малых детей в сугробах у павильонов, и найденные на дне золотые раритеты и самоцветы в оправках, и приглашения на премьеры в театры и Дом кино от тех, кого они из любви к искусству и уважения к славе проводили бесплатно... Легионеры кутили посреди зеркала хлорированных вод, задумчиво глядя на стайку призывников с подружками, запущенных ими в чашу «за красивые глаза» и нагишом резвящихся в воде под сполохами и громами майского салюта. Им, богам многознающим, ведомо было, что этот молодежь не просто в армию повестки получил, а в Афган.

И только одного они еще не знали: южный ветер, объявленный в утреннем прогнозе, — это ветер из Чернобыля. Не знали, но какая-то тревога и грусть уже лежали патиной на их челах...

...Перед тем как покинуть общемосковскую арт-тусовку, я решил в последний раз обойти остывший кратер бассейна, чтобы повнимательнее прочитать на плитках под ногами имена своих соратников по русской культуре. Вернулся я и к бритому наголо дядьке в буддистском одеянии, обнимавшему красавицу подростковых лет, благо эта парочка находилась в нескольких шагах от плитки с моим именем. Долговязый этот автор мобилей сменил кассету в своем магнитофоне, и на смену inferнальным звукам тростниковой древней флейты и сердцебиению маленьких восточных барабанчиков грянула запись коммунальной попойки на фоне тяжелой поступи и лязга танковых колонн. Пьяный бабий мат вперемишью с тупым стеклянным стуком граненого стакана о бутылку, мужские расслабленные междометия и рыгания, затем тот же женский прокуренный голос: «Во! Во! Академия Фрунзе пошла! Я тоже на фабрике Фрунзе всю жизнь ломила — на трикотажной — на Фрунзе!.. А во — десантники! Давай, сынки! Дави Европу... в жопу!..»

Я спросил долговязого, что за военные звуки он записал вместе с попойкой коммунальной? Нежно теребя ухо прижавшейся к нему девочки, автор мобилей отвечивал, что это его соседи смотрят по телевизору последний ноябрьский парад на Красной площади. У меня закололо слева в груди: когда-то я тоже смот-

ВЛАДИМИР ШИШОВ

рел этот парад — здесь, в бассейне, в дежурке под вышкой. В тот день мужи бассейна притащили сюда переносной телеприемничек «Юность»...

А бабий хрип из динамика магнитофона выводил, заплетая слово о слово: «Нас еще помнят! Все эти Европы... А мы — тоже, кстати, Европа... Причем западная!.. И восточная — тоже!..» Девочка вывернулась из-под руки лысого — видно, застоялась, — и принялась прыгать между плит с именами, как будто играя в классику: «Андрей Дементьев» — прыг, «Догилева» — прыг, две «Долиных» — прыг, прыг... А я вдруг смекнул, что имена на всех плитках можно прочесть только с неба, и машинально взглянул вверх: читают ли?.. Но над бассейном, на вышке для прыжков, толклись менты, и было им не до чтения имен русской, современной им культуры. Менты вязали художника-мастурбатора Бренера: двое «серокрасных» зачем-то держали его за руки, а третий тщился вздеть на чресла художника спущенные ниже колен плавки. Да, плавки, именно плавки!..

Мне стало страшно и за ментов, и за Бренера. Но ему-то все это привычно, не впервые. А вот милиционеров-спецотрядовцев (судя по нашивкам) жалко. Посреди их отстрела мафией вдруг свалилась на них эта грязная работенка: художника с его высот на землю волочь. А то еще и спихнут нечаянно (или сознательно), — а воды-то внизу нет!..

Осенью нынешнего года создан Общественный наблюдательный совет по воссозданию храма Христа Спасителя. Даст Бог — храм будет восстановлен.

Гермес-Финанс: «Поверим пластиком бумагу!»

С 15 октября Акционерное общество открытого типа «Гермес-Финанс» начинает продажу простых именных акций второго выпуска.

Общий объем уставного капитала «Гермес-Финанса» составляет сорок девять миллиардов четыреста девяносто миллионов рублей.

Всего выпущено четыреста девяносто четыре тысячи девятьсот акций номиналом сто тысяч рублей каждая.

Оплата акций осуществляется как в наличной, так и безналичной форме.

Каждому человеку, пожелавшему стать акционером «Гермес-Финанса», выдается электронная пластиковая карточка, которая позволяет в любой момент купить или продать акции этой компании. Минимальная часть акции, с которой можно проводить сделки купли-продажи, — одна тысячная, то есть сто рублей. До сей поры практика использования пластиковых карточек в качестве «электронных акций» в России отсутствовала. По словам координатора программы «Гермес-Финанса» господина Шелехова, затраты на разработку и претворение в жизнь идеи электронной карточки уже составили более трех миллионов долларов. Создана мощная система, которая позволит собирать информацию о движениях акций по всей стране в режиме «реального времени». Предполагается установить также специальные банкоматы, которые будут оснащены по последнему слову техники. Таким образом, по мнению господина Шелехова, акции «Гермес-Финанса» становятся на порядок ликвиднее прочих — в условиях стихийного российского рынка это особенно важно. Вообще же деятельность «Гермес-Финанса» по внедрению «в массы» электронных акций вполне можно рассматривать как первый шаг на пути к созданию электронного фондового рынка в России.

Впрочем, это еще далекая перспектива. Ближайшая же — использование пластиковых акций в качестве платежного средства: «Гермес-Финанс» намерен создать целую сеть магазинов, в которых акционеры могли бы приобретать продукты по достаточно низким ценам, рассчитываясь посредством пластиковой карточки.

Срок действия карты неограничен — те карты, которые по какой-либо причине пришли в негодность, будут заменяться. Все карточки, как и сами акции, — именные. «Гермес-Финансу» каждая из двух миллионов карточек обошлась в пятнадцать центов — для клиентов они будут бесплатными. Что касается системы защи-

ты карточек, то здесь, наверное, следует заметить, что воспользоваться услугами банкомата сможет лишь человек, знающий так называемый «пинкод» — поэтому даже в случае утери карточки не стоит слишком волноваться.

«Гермес-Финанс» предполагает использовать два способа котировки — на вторичном рынке и самокотировку. По мнению руководства Акционерного общества, колебания в стоимости акций — по крайней мере в продолжение нескольких месяцев — не будут слишком значительными. «Мы хотим играть, но игра должна быть честной». Конечно, любой человек, который приобретает ценные бумаги, рискует — от этого никуда не денешься. Главное — видеть ту грань, где нормальная рыночная игра переходит в заранее спланированную провокацию.

Торговая марка «Гермеса» стоит сейчас чрезвычайно дорого. Получить ее хотят очень многие, получают — отнюдь не все. Руководство «Гермес-Финанса» заявляет: «Мы платежеспособны, банкротами быть не собираемся». И в самом деле — до сих пор «Гермес-Финанс» отвечал по всем своим финансовым обязательствам.

По мнению экспертов, доходность по акциям «Гермес-Финанса» должна быть выше доходности по депозитам — даже если не учитывать колебания курсовой стоимости. В настоящий момент «Гермес-Финанс» занимается разработкой целого ряда перспективных проектов — в том числе планируется участие в жилищной программе концерна «Гермес», программе реконструкции центра Москвы и совместной инвестиционной программе по строительству жилых домов в Подмосковье. В стадии внедрения находится программа создания негосударственной системы высококачественного медицинского обслуживания в Санкт-Петербурге.

Во всем этом можете поучаствовать теперь и вы — напоминаем, продажа акций «Гермес-Финанса» начинается 15 октября.

Эдуард ДОРОЖКИН

Отдых и здоровье в «Салтыковке» Санаторий «Дружба»

предоставляет возможность
НЕДОРОГО
приобрести путевки для отдыха и лечения
как отдельным отдыхающим, так и организациям
на 12 и 24 дня.

Санаторий «Дружба»

располагает большим арсеналом современного физиотерапевтического лечения: водолечение, грязелечение, ингаляций, электросветолечение, лазерная терапия, квантовая терапия, аутогемотерапия, иглорефлексотерапия, фитотерапия, массаж и др.

Лечение проводят опытные врачи и медицинский персонал, проживание в 1—2-местных номерах. В санатории «Дружба» имеются: зимний сад, кинозал, бассейн, сауны, зал эмоциональной разгрузки, библиотека, бильярдная.

По всем вопросам обращаться по адресу:

143970, пос. Салтыковка-1, Вишняковское шоссе, д.135, санаторий «Дружба».

Проезд: от станции метро «Измайловский парк» автобусами №322, 336, 337, 385

до остановки «Горсовет» и далее автобусом №22 до остановки «Профилакторий «Дружба».

С Курского вокзала: ст. Никольское Горьковской ж.д., далее авт. №22 до ост. «Профилакторий «Дружба».

Телефоны для справок: 521-76-88, 524-94-43, 521-01-94.

Открыта подписка на журнал

«СТОЛИЦА»

на I полугодие 1995 года!

Стоимость подписки,
объявленная редакцией:

на один месяц — 2600 руб.,
на три месяца — 7800 руб.,
на шесть месяцев — 15 600 руб.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку. Так, в Москве стоимость подписки с учётом доставки составляет:
на один месяц — 4781 руб.
(для организаций — 6962 руб.),
на три месяца — 11 931 руб.
(для организаций — 16 062 руб.),
на шесть месяцев — 22 656 руб.
(для организаций — 29 712 руб.).

Сведения о подписке
в каталоге АПР,
а также в Московском каталоге.

Индекс: 73746

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
"Столица" (индекс издания)

(наименование издания) Количество комплектов:

на 19 95 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому (фамилия, инициалы)

ДОСТАВочная карточка

ПВ место литер на газету журнал **73746**

"Столица" (индекс издания)
(наименование издания)

Стоимость подписки руб. коп. Количество комплектов:
переподписки руб. коп.

на 19 95 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда (почтовый индекс) (адрес)

Кому

Уважаемые подписчики журнала «Столица»!

Только для Вас Центр лазерной терапии проводит высококвалифицированное медицинское обслуживание с применением последних достижений науки и техники с 20-процентной скидкой оплаты за лечение.

ТЕРАПИЯ:

- острый инфаркт миокарда,
- ишемическая болезнь сердца,
- окклюзионные заболевания сосудов ног,
- язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки,
- неспецифические заболевания легких.

АРТРОЛОГИЯ:

- ревматоидный артрит,
- деформирующий остеоартроз и др.

НЕВРОЛОГИЯ:

- невралгия тройничного нерва,
- неврит лицевого нерва,
- дисциркуляторная энцефалопатия и др.

ОТОРИНОЛАРИНГОЛОГИЯ:

- острые и хронические воспалительные заболевания ЛОР-органов.

ДЕРМАТОЛОГИЯ:

- нейродермит,
- экзема,
- красный плоский лишай,
- трофические язвы, псориаз.

УРОЛОГИЯ:

- хронический простатит,
- импотенция и др.

ГИНЕКОЛОГИЯ:

- функциональное трубное бесплодие,
- хронический сальпингоофорит и др.

СТОМАТОЛОГИЯ:

- пародонтоз,
- афтозный стоматит,
- десквамативный глоссит,
- герпетический стоматит и др.

Адрес: Москва, 1-я Сокольническая, 8 (м. «Сокольники»). Тел. 269-43-54. Предъявите квитанцию о подписке на «Столицу» на 1994 год, и лечение Вам обойдется на 20 процентов дешевле!

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонемента должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонемента проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

38 лет за рулем без водительских прав

«Если ты не попадешь в Книгу рекордов Гиннеса, то на водительские права без экзамена вполне можешь рассчитывать» — такое необычное напутствие получил от видавшего виды представителя дорожной полиции в болгарском городе Габрово его 57-летний житель Христо С.

Без малого четыре десятилетия он водил машину, не имея шоферских прав. Габровец научился вождению у своего дяди. Затем в армии, служба на границе, усовершенствовал навыки управления машиной, возя своих начальников по пустынным дорогам на соседние заставы. Потом всю жизнь работал автомехаником и шофером. В последнее время управлял тяжелым грузовиком. И ни разу не был остановлен за нарушение правил дорожного движения. Только случайная проверка недавно «обнаружила» габровского кандидата во всемирную книгу рекордов. Но, как он сам не без юмора признался представителям прессы, его вполне устроит и водительское удостоверение. Только без экзамена. Действительно, есть ли смысл устраивать его для такого профессионала?..

С МИРУ ПО НИТКЕ

Не позорить честь мундира и партбилета...

Несколько партийных работников и двое полицейских строго наказаны за участие в азартных играх в одном из курортных городов китайской провинции Гуандун. Имена этих игроков местная пресса не называет, как не сообщаются пока имена двух задержанных гонконгцев, содержавших подпольное казино, столь полюбившееся начальству.

Азартные игры в Китае запрещены законом, однако по-прежнему остаются излюбленным времяпрепровождением для миллионов граждан. Жители процветающего юга предаются этому особенно страстно, естественно, стараясь не афишировать свое увлечение. Периодически развертываемые сверху кампании борьбы с подобными играми дают лишь временный эффект.

В ходе очередного «крестового похода» в провинции Гуандун, пишет газета «Янчэн ваньбао», «серьезные дисциплинарные взыскания со строгим предупреждением» получили по партийной линии секретарь комитета КПК города Чини Го Чжаньмин и член городского народного правительства Сунь Хайбин. Им поставлено в вину «пренебрежение служебными обязанностями и принятие эффективных мер против азартных игр в городском отеле».

Игорный притон в этом отеле полиция обнаружила и прикрыла еще в июле, но через несколько дней он стал вновь функционировать. Сознательные граждане «сигнализовали» о вопиющем нарушении закона городским властям, но те по причинам, о которых можно только догадываться, не предприняли никаких действий, за что и поплатились.

Как пограничники «вампира» ловили

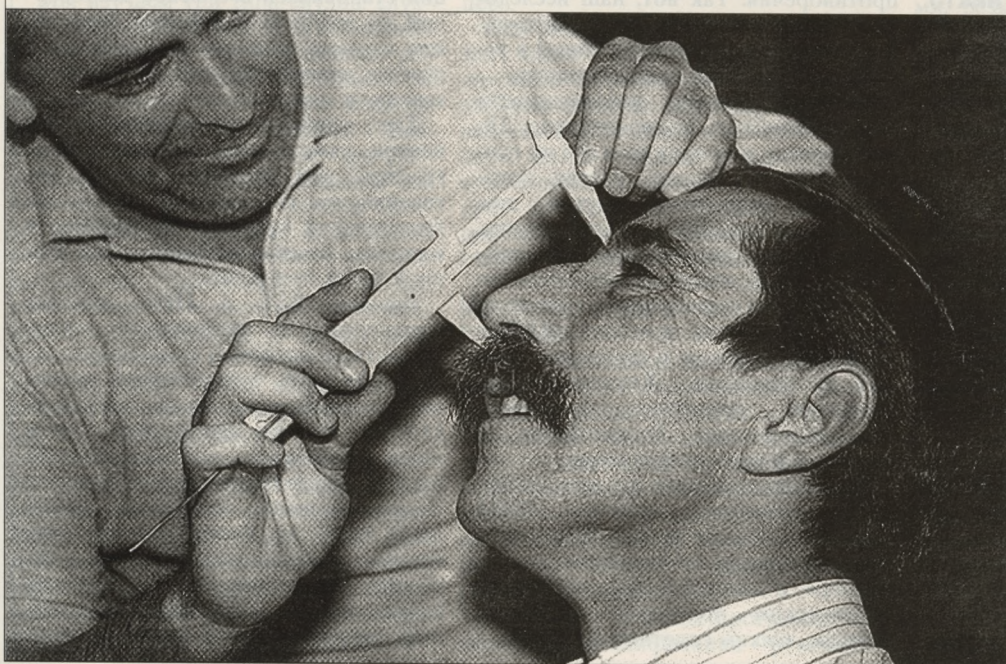
В необычной для себя роли охотников на вампиров выступили немецкие пограничники в баварской деревушке Обермайзельштайн. Как сообщил журналистам в Мюнхене официальный представитель федеральной пограничной охраны, на одну из застав позвонил явно взволнованный гражданин и заявил, что он и его жена боятся заходить в спальню, ибо там поселился «настоящий вампир».

Поскольку голос бюргера звучал весьма убедительно и не было похоже, что звонивший был пьяным или умалишенным, на место происшествия направили патрульный автомобиль.

Когда же пограничники открыли дверь «нехорошей спальни», то обнаружили... обычную летучую мышь, которая случайно залетела в открытое окно комнаты и пристроилась там спать.

Объединенными усилиями пограничников «вампир» был отловлен. Но, поскольку в уголовном кодексе ФРГ нет статьи против летучих мышей, пугающих насмотревшихся фильмов ужасов обывателей, зверек был отпущен на волю.

Арбитр, ну, как вам мой нос?

Необычный конкурс, финал которого изображен на фото из испанской газеты «Эль Паис», прошел недавно в Мадриде. Участники состязаний измерялись... носами. Строгие и неподкупные судьи с помощью сложных приборов измеряли длину, ширину, глубину и объем этой воспетой русскими классиком важнейшей детали человеческого организма.

Уверенную и безоговорочную победу в конкурсе одержал 45-летний Хосе де ла Калье (см. фото), объем носа которого составил 143 кубических миллиметра (длина — 72 мм, ширина — 39 мм и глубина — 39 мм).

В качестве главного приза победитель необычного шоу получил упаковку «чорисо» — сильно копчено-перченой колбаски, бутылку отменного испанского вина и красивый хрустальный фужер.

Показатель «серебряного призера» состязаний куда скромнее — всего 130 кубических миллиметров, однако он тоже без награды не остался. Следующий конкурс, «Супернос», пройдет в Испании летом 1995 года и будет уже международным.

Не верь ушам своим...

ИТАР-ТАСС

По распространению слухов можно судить о настроениях людей

Манипуляция сознанием и поведением людей проходит через всю историю человечества. Сегодня у нас — несмотря на обилие средств массовой информации и, казалось бы, свободный доступ к самым разным сведениям — никто ничего толком не знает и не понимает. Таким образом, источники информации не выполняют своих функций, и люди вынуждены прибегать к мнению знакомых, пересудам, слухам и сплетням.

О природе слухов — их источниках и целях — рассказывает кандидат психологических наук, коммерческий директор и руководитель Центра социологических и социально-психологических исследований частной телекомпании «Русская тройка» Владимир СОКОЛЬНИКОВ.

Изучая наш телевизионный рынок, спрос и предложение, мы исследуем на самом деле психологию людей. Ибо наш потребитель — огромные массы телезрителей, с самыми разнообразными вкусами и желаниями. Но народ сейчас

не очень-то доверяет телевидению и другим средствам массовой информации. У людей накопились усталость и апатия, раздражительность и агрессивность. Это — результат социальной напряженности, такого состояния общества, когда обострены все противоречия. Так вот, наш исследовательский центр как раз и занимается изучением психологии людей в условиях социальной напряженности.

Конечно, причины напряженности — политические, экономические. Но проявляется она прежде всего на психологическом уровне. Растет недовольство инфляцией, ростом цен, бедностью потребительского рынка, коррупцией, увеличением преступности... А под влиянием недовольства утрачиваются авторитет власти и власть авторитета, исчезают надежда на лучшее будущее и ощущение личной безопасности... Короче говоря, возникает атмосфера массового психологического беспокойства и эмоционального возбуждения.

Возникло недоверие ко всем институтам общества, включая СМИ. Поэтому в народе растет тяга к другим источникам информации: к астрологам и экстрасенсам, различным мистическим прогнозам и пророчествам, всяким сплетням и слухам.

Своевременный подвоз съестных припасов

Конечно, сплетничали еще первобытные люди. Слухи были важным дополнением к реальной, общедоступной информации. Правда, обрстая домыслами, реальная информация становилась все менее достоверной, но это было и неважно. Ведь обмен слухами создавал между людьми особую доверительность, делил их на «своих» и «чужих».

Для нашего исследовательского центра сама характеристика слуха, границы его распространения, интенсивность его циркуляции — это возможность судить о настроениях и мнениях, преобладающих в той или иной части населения.

Никакие КГБ и ЦРУ, никакие спецслужбы и сатанинские секты, корыстные политики и коммерсанты не могут быть единственной причиной возникновения слуха. Слух циркулирует только там и тогда, где и когда возникает информационный вакуум, неудовлетворенный интерес. Самое нелепое сообщение имеет шанс гулять по свету, если оно этот интерес удовлетворяет. Помню, в середине 80-х годов по СССР гуляла версия смерти Андропова: его, дескать, застрелила жена министра внут-

ренных дел Щелокова.

Дефицит информации о «светской жизни» наших руководителей породил, например, фантастические слухи о любовном «романе» между Горбачевым и Маргарет Тэтчер. В общем, ясно, что слухи появляются, когда официальной информации мало, а источники официальных сведений не вызывают доверия.

Нередко слухи способствуют сохранению различных мифов и предрассудков, и во все времена они являлись частью общественного мнения и, следовательно, механизмом неформального контроля: боязнь слухов и сплетен определяет поведение многих людей. А «разоблачающие» слухи часто снимают покров величия с различных исторических явлений и персонажей.

Питательной средой для возникновения слухов и домыслов может стать обстановка, лишенная значимых событий. Еще Н.Гоголь в «Мертвых душах» говорил, что слухи о Чичикове поползли потому, что город в течение трех предшествующих месяцев был лишен каких-либо вестей или хотя бы сплетен («коммеражей»), которые, по его выражению, «как известно: для города то же, что и своевременный подвоз съестных припасов».

Условием возникновения слухов, как ни странно, является потребность людей в общении. К тому же передача «неофициальных сведений» подчеркивает высокий статус распространителя слухов — его якобы близость к престижному источнику «истинных сведений».

Не ждем ничего хорошего

Мы изучаем три типа слухов: слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух. Первый из них представляет собой попытку выдать желаемое за действительное. Такой слух кажется на первый взгляд безобидным. Однако, когда подходит срок, фигурирующий в его сюжете, а желаемое так и не происходит, общественные настроения падают. Внешне безобидные слухи-желания могут стать причиной неприятных эксцессов: допустим, слух о скором повышении зарплаты если не подтвердится, то может вызвать забастовки. Обманутые ожидания больших групп населения часто ведут к различным формам гражданского неповиновения.

Слух-пугало выражает боязливое ожидание каких-либо неприятных событий. Мотивом для распространения такого слуха чаще всего служит успокоение от того, что твой страх с кем-то разделен. А также тайная надежда, что пугающий сюжет будет опровергнут. Кстати сказать, в не-

ИТАР-ТАСС

которых случаях пугающие слухи могут и снизить эмоциональное напряжение: дескать, всем плохо, не мне одному.

У нас, опираясь на историческую память (две революции в 1917-м, отречение от сталинизма в 1956-м, перестройка 80-х, путч в августе 91-го, мятеж в октябре 93-го), получили в последнее время распространение слухи-пугала о скором государственном перевороте, бунте, гражданской войне... Все время бродят пугающие слухи об очередном обмене денежных купюр, резком повышении курса доллара и понижении рубля...

И третий тип слухов — агрессивный — отражает резко негативное отношение к объекту, фигурирующему в его сюжете. В конце 60-х, после оккупации Чехословакии, распускался слух, будто чехи в отместку за это подкладывают в полые каблуки обуви для СССР таблетки с ядом. Что СПИД разнесли по свету зеленые обезьянки из лаборатории Пентагона. Что Сахаров и Солженицын ненавидят советский народ, потому что они евреи — Цукерман и Солженицер...

Еще помню, как несколько лет назад наши национал-патриоты распускали агрессивный слух, что повальное пьянство инспирировано зловыми жидомасонами. И что же? Теперь, когда «борьба с пьянством и алкоголизмом» потеряла политическую актуальность, редкий патриот демонстративно не выпьет чарку «по старому русскому обычаю».

Известно всем — что стало с «МММ»

Увы, мы живем во времена, когда даже умные, образованные люди, профессионалы не всегда могут дать адекватное объяснение происходящему. Практически все наши лидеры — во всех видах деятельности и всех рангов — не получают соответствующих знаний и часто сами становятся жертвой слухов, дезинформации, манипулирования.

Вот у меня в руках программа повышения квалификации руководи-

телей и специалистов крупнейших фирм и корпораций США. Смотрим. Три первых места занимают следующие дисциплины: первая — межличностные отношения, вторая — деловое общение, третья — управление коллективом и отдельным работником. А теперь вспомним, чему учат наших будущих и нынешних руководителей. Такое впечатление, что им предстоит иметь дело с бумагами, цифрами, машинами, но никогда не придется работать с людьми.

Сейчас всякому понятно, что телевидение обладает огромной возможностью воздействовать на общественное сознание и поведение людей. С помощью телевидения, например, делаются попытки управлять социальными процессами — как в благих целях, так и неблагоприятных. Телезрителя часто хотят заставить покупать такой-то товар, хранить деньги в таком-то банке, читать такие-то книги, голосовать за такого-то политического деятеля. Кто только не мечтает манипулировать общественным сознанием и поведением! Политики, идеологические секты, коммерческие структуры... Для этой цели запускаются слухи, дезинформация, распространяется реклама...

У всех, что называется, «на слуху» история, которая приключилась с АО «МММ» и его акционерами. Сначала, с помощью тотальной телерекламы, был создан ажиотаж — легенда о стремительном и бесконечном обогащении пресловутого Лени Голубкова. А затем был запущен (скорее всего, конкурентами «МММ») слух, что правительство намеревается запретить скупку-продажу акций. Люди бросились сдавать акции толпами, резко упала цена... В результате чуть было не возник в стране политический кризис...

На этом примере хорошо видно, как манипулировали человеком с улицы: первый раз — когда подбивали его купить акции, второй раз — когда подталкивали немедленно их продать. Но манипулировать поведением людей можно только в том случае, если сами объекты манипуляции этого желают или не догадываются об этом. Я бы посоветовал людям сегодня поменьше увлекаться новыми идеями, а больше опираться в своей жизни на традиционные ценности: мораль, семью, честный труд, любовь к отечеству и т.п. Жизнь наша трудна и сложна. Но ведь не зря у человека есть свобода воли, свобода выбора. Главное — правильно распорядиться этим богатством.

Ищите и обрящете

Частный сыск в России — всего лишь
буфер между органами и народом

Максим ГРАЙНОВ

«**Ч**астные детективы. Неординарные ситуации. Ваши проблемы — наши проблемы... Услуги в сборе информации и проверка благонадежности партнера... Информация о конкурентах... Поиск пропавших должников, граждан и фирм» — на такие и им подобные объявления можно натолкнуться сегодня в любой газете. Или еще: «Расследование краж, сыск... Найдем украденный автотранспорт и потерявших связь близких. Дорого, конфиденциально, качественно». Что стоит за этими строками, обещающими помощь людям, попавшим в «черную полосу» жизни?

В России частный сыск появился, а вернее, возродился весной 1992 года. Именно тогда был принят закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации». Что разрешает этот закон в «целях сыска»? Прежде всего, «сбор сведений по гражданским делам». Это может означать как поиск должников, так и слежку за одним из супругов. «Изучение рынка, сбор информации для деловых переговоров» — здесь закон разрешает элементарный экономический шпионаж. «Выявление биографических и других характеризующих личность данных об отдельных гражданах» — это, в общепринятом понимании, компромат. Но здесь закон оговаривает, что его можно производить только «с письменного согласия» граждан. Но кто же разрешит собирать компрометирующие его материалы?

Далее. «Поиск без вести пропавших или утраченного имущества» — это вопросов не вызывает. А вот «сбор сведений по уголовным делам на договорной основе с участниками процесса» выглядит уже не столь определенно. На «частников» не распространяется статус работников правоохранительных органов. Не вправе они и осуществлять оперативно-разыскные действия, относящиеся

к компетенции органов дознания. Строжайше запрещено совмещение частного сыска с любой официальной должностью.

Здесь и начинается самое интересное. Может ли человек, что называется, «с улицы», в нашей запутанной стране грамотно вести розыскные мероприятия? Естественно, нет — это с трудом удается и правоохранительным органам. А если человек увольняется из милиции или еще откуда-нибудь, чтобы заняться частным сыском (ведь совмещать по закону нельзя)? Сохраняет ли он старые «завязки»? Конечно. Но его бывшие коллеги знают, что он получает за свою работу неплохую сдельную оплату.

«Милиция у нас уже давно работает на коммерческой основе. Не от хорошей жизни, конечно, — комментирует ситуацию знакомый следователь одного из райотделов. — Угнали машину? Бывшие владельцы постоянно звонят, предлагая все новые и новые вознаграждения. Из офиса фирмы вынесли компьютеры и оргтехнику? За половину стоимости, пожалуй, органы побегают. Опергруппа районного отделения милиции для хороших знакомых, да еще за деньги, под предлогом поиска убийцы или наркотиков вломится куда надо, в полной выкладке и с автоматами, произведет обыск, опишет «вещдоки». Если нужно — посадят на несколько часов в камеру ближайшего отделения (стоимость «аренды» не слишком велика), допросят в служебном кабинете, «расколят». Создадут полное впечатление нормальной оперативной работы. Кто узнает, что ведется она частным порядком и нигде не учитывается? Но можем и дело завести — было бы к чему подкопаться».

Чаще всего свои услуги в качестве сыщиков предлагают «бывшие муровцы», как с лицензией, так и без оной. В их руках связи с МУРом, ГУЭПом и другими действующими подразделениями МВД. Имеется оружие и набор внушительных удо-

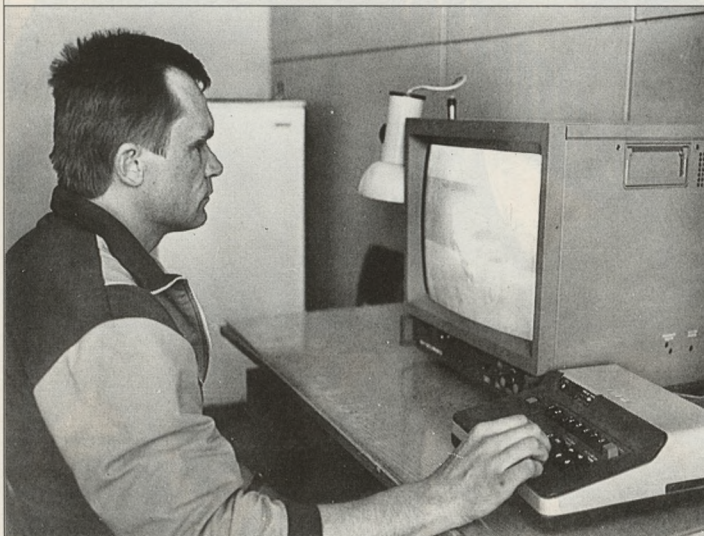
стоверений. Расценки — 300—400 тысяч в день, предоплата 50% (можно с распиской на клочке бумаги), и каждый день — подробный письменный отчет о проделанной работе. В любой день клиент волен прекратить сотрудничество, если видит, что предоставленной информации ему вполне достаточно для самостоятельных действий. Если дело касается розыска должника, оговаривается так называемый «бонус» — на случай, если зажатый в угол «кидала» решит вернуть деньги. Обычно это 10% суммы долга. Как правило, уже через 2—3 дня бойкие «муровцы» знают паспортные данные, место прописки, сведения о родителях должника, юридический адрес его фирмы, номер машины и т.д. Все «связи», на которые выходят «сыщики», скрупулезно излагаются в отчете. Профессионализм! По мнению специалистов, сыские конторы — это всего лишь «буфер» между клиентами и правоохранительными органами. Несколько человек увольняются — чтобы не «светить» — из милиции, оформляют лицензию и сидят дома на телефонах. Поступает заказ — и включаются механизмы обычного государственного сыска, но на взаимовыгодной основе. И без дальнейшего суда. Розыском похищенного имущества в основном занимаются «фирмы», которые возникли под крылом МВД. Всем понемножку занимаются службы безопасности при крупных коммерческих структурах. Именно они добывают информацию о конкурентах и будущих партнерах, следят за собственными сотрудниками. Сыщики-индивидуалы спросом не пользуются, но все же существуют, практикуя в основном в области взаимоотношений полов.

Основная проблема частных сыщиков со времен Шерлока Холмса — взаимоотношения с представителями официальной власти. Платными услугами частных детективов состоятельные люди пользуются для того, чтобы избежать ненужной огласки. И профессиональный промах, в Штатах например, не только грозит сыщику лишением лицензии, но и, в случае если затронуты честь и достоинство частного лица, колоссальным иском или даже тюремным заключением. Иное дело в современной России. Здесь «частный сыск» работает только в том случае, если у него за спиной — органы.

Так, например, по рассказам одного из вышеозначенных «сыщиков» из числа бывших сотрудников МУРа, угнанную в Москве машину — если только на нее не позарились заезжие «гастролеры» — они возвращают, если к ним обратиться не позднее чем через сутки после угона. «В Москве ра-

ИТАР-ТАСС

А частные детективы Эстонии чувствовали себя вполне уверенно ещё в 90-е годы

ботаю несколько бригад, занимающихся исключительно угонами. Телефоны на их базы в ближнем Подмоскowie нам известны. На этих базах машину можно отловить в течение трех дней — дальше она либо уходит на Кавказ или в Среднюю Азию, либо разбирается на запчасти и продается постоянным оптовым клиентам. Настоящий конвейер. Так вот, если мы звоним, называем номер машины и говорим, что «не на того наехали», — машину возвращают. С милицией эти люди предпочитают не ссориться и сосуществовать на взаимовыгодной основе», — говорит этот сыщик. Стоит такая услуга обычно 30—40 процентов от рыночной стоимости автомобиля. Но, по его словам, в Москве слишком много «гастролеров», поэтому их «фирма» точно ничего не обещает и предоплаты не берет.

Не избегают возможности «подработать на стороне» и сотрудники ФСК. Почерк работы у них несколько отличается от милицейского. Так, клиент М. по длинной цепочке телефонов вышел на некоего «Дмитрия», который сразу же сказал о своей работе в Федеральной службе контрразведки (правда, не исключено, что в данном конкретном случае сделано это было в целях саморекламы). После встречи в баре «Пассажа»

«контрразведчик» назвал свою цену: «Мы в «конторе» берем за поиск человека 300 долларов». Далее он предложил просто поставить на прослушивание телефонные аппараты всех знакомых «объекта» (М. было необходимо найти исчезнувшего с крупной суммой денег человека). «Дмитрий» сообщил, что «жучки» у них стоят от 35 до 150 долларов, установка каждого — 50 «гринов», а час прослушивания — всего 5 долларов.

А каковы расценки на те или иные сыские услуги в открыто рекламирующих себя известных агентствах? Только за первый визит — «консультацию» там берут не менее 100 долларов. День работы «группы» стоит сегодня 300—500 тысяч. Предоплата обычно — за 5—10 дней. И никаких гарантий. Договор же предлагают оформить так, что претензий в случае «провала операции» предъявить нельзя.

В таком агентстве вам с калькулятором в руках объяснят, что если группе придется работать ночью — то платить надо 100—150 тысяч сверху, а если появится необходимость выезжать за пределы Москвы — коэффициент высчитывается по километражу. И вообще, за сколько-нибудь сложное дело здесь берутся крайне неохотно. Оно и понятно: пока отсутствует механизм защиты

частной собственности, ни о каком законном частном сыске говорить не приходится. Подавляющее большинство структур данного профиля, включая обладателя лицензии № 1 — фирму «Алекс», предпочитают заниматься лишь охранной деятельностью. Другие «сыщики» специализируются на продаже телефонов с антиопределителями номеров, подслушивающих устройств и приборов, чтобы такие же устройства разыскивать на собственной жилплощади. А еще, звоня по сыским объявлениям, можно нарваться на разные интересные предложения. Так, в одной «фирме» клиенту, все тому же М., его заказ оценили в 1000 долларов и неделю работы. А на вопрос о заключении договора и гарантиях ответили, что «мафия договоров не заключает, но дело свое делает и порядок везде наводит».

Такова в целом ситуация с частным сыском сегодня. Да, что касается огнестрельного оружия — по закону частные детективы, как и работники милиции, имеют право его применять лишь в особых случаях. Отследить же случаи его применения и составить хоть какую-то статистику за последние два года не представляется возможным. Пистолеты им разрешено только арендовать у органов внутренних дел. Жесткий контроль? Да, наверное. Но главное — монополизм МВД. За аренду надо платить, по словам одного из практикующих детективов, полтора миллиона в год, и качества «Макарова» или ТТ устраивают далеко не всех. В случае с получением оружия «зеленый свет» также получают фирмы, действующие под крылом, с ведома и с помощью МВД. Да иначе, наверное, и нельзя — разве может «человек с улицы» в нашей запутанной стране грамотно вести разыскные мероприятия?

Пусть даже и за деньги...

P.S. Частным детективам запрещено законом: скрывать ставшие им известными факты преступлений; выдавать себя за сотрудников правоохранительных органов; собирать сведения, связанные с личной жизнью, политическими и религиозными убеждениями; производить запись, видео- и фотосъемку без письменного согласия; посягать на права и свободы граждан, ставить под угрозу их жизнь, здоровье, честь, достоинство и имущество; разглашать собранную информацию или использовать ее в дальнейшем. Сыские действия, нарушающие тайну переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, а также неприкосновенность личности или жилища, влекут за собой установленную законом ответственность.

Среди СВОИХ

Чай с печеньем,
стихи и гитара

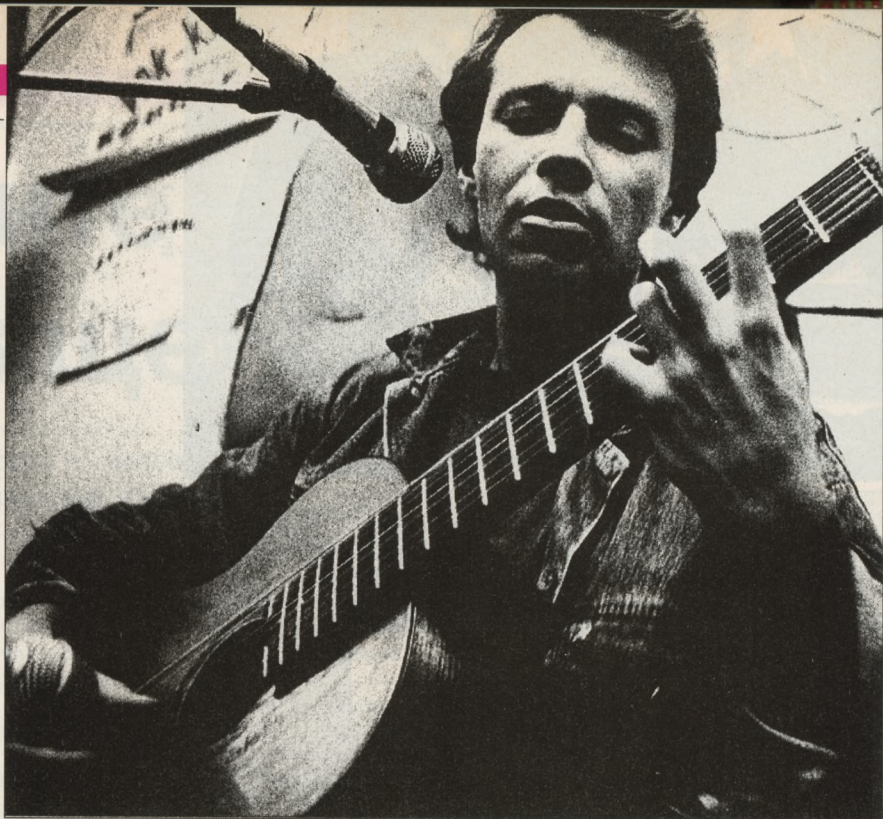
Владимир ГРИБАНОВ

Как ни посмеивались плешивые и волосатые «мальчики восьмидесятых» над песенкой Булата Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья!», а жизнь показывает — братья за руки необходимо, чтобы действительно «не пропасть поодиночке». Окуджава вспомнился не случайно: его имя тоже фигурирует среди исполнителей, выступавших на сцене литературного рок-кабаре «Кардиограмма». Как и другие имена старшего и среднего поколения — Аркадий Арканов, Лев Новоженков, Григорий Остер, Юрий Рыженцев...

Впрочем, понятие «сцена» в этом необычном кабаре — довольно условно. Основали «Кардиограмму» еще в 1981 году — в самый пик застоя, когда казалось, что все вокруг мертво, все погибло, — несколько отчаянных человек: физик, руководитель известной в те времена группы «Искусственные Дети» Владимир Алексеев, поэт Алексей Дидуров, музыкальный критик Артем Троицкий и еще несколько их товарищей по «андерграунду».

В те годы, как и сейчас, было немало талантливой молодежи — литераторов, музыкантов, художников, которые по тем или иным причинам не могли печататься, выступать, выставляться. Кабаре «Кардиограмма» стало местом, где они не просто встречались с публикой, но и сами этой публикой были. «Внутренние эмигранты» в унылом и враждебном «совке», они нашли друг друга, как земляки на чужбине. Получили возможность творить и общаться... И этого было достаточно — хотя бы для того, чтобы выжить. И духовно, и физически. Ведь многих тогда посещала мысль о безысходности жизни.

Встречи происходили так. Отсыскивался сребролюбивый участковый

Бард Сергей Калугин

милиционер, в которых недостатка, как и сейчас, не было. Ребята скидывались и давали ему «на лапу» 50 рублей — сумму по тем временам неплохую. За это представитель закона «продавал» одну из выселенных коммуналок в центре Москвы на подведомственной ему территории. На уик-энд. С вечера пятницы до вечера воскресенья.

Художники развешивали свои картины, музыканты приносили инструменты и аппаратуру, писатели — рукописи... Закупались продукты (в кабаре действовал строгий и абсолютный «сухой закон»), и на двое суток возникал свой, отдельный от строительства коммунизма, мир. Более всего находила себя в кабаре, гонимая тогда как жанр, рок-музыка. Достаточно сказать, что первый концерт в Москве ленинградского пэтушника Виктора Цоя состоялся в ночь с 1981-го на 1982-й год именно в «Кардиограмме». Затем через эту «подпольную страну» прошли Юрий Шевчук и Александр Башлачев, Майк Науменко и Андрей Панов — основатель русского панк-рока. В кабаре проявил себя и создатель «куртуазного маньеризма», ныне руководитель популярного «Бахыт компота» Вадим Степанцов.

Из поэтов можно назвать Владимира Вишневецкого, Игоря Иртеньева, Илью Кормильцева (автора текстов «Наутилуса Помпилиуса»)... Из художников — родоначальника андерграунда Вадима Беляева и Юрия Непухарева... Участвовал в работе «Кардиограммы» Евгений Харитонов, музыканты из группы «Последний Шанс» — Сергей Рыженко и Александр Самойлов... Приезжали та-

ланты со всех концов СССР...

В воскресенье вечером ребята за собой все убрали, будто ничего и не было. Но «заметанье следов» не убергло от КГБ — кабаре попало «под колпак». Замелькали «серые пиджаки». Начались репрессии — таскали, водили, пугали, производили обыски, конфисковывали... Правда, с началом «перестройки» преследовать перестали, но и официального статуса не давали.

Признание «Кардиограммы», как это у нас часто водится, пришло из-за рубежа. О кабаре появились статьи в газетах и журналах США и Европы, передачи на японском телевидении... Стали приезжать для выступлений американские поэты. Переводить русских коллег, печатать у себя.

Итак, в первые годы существования кабаре «Кардиограмма» было не местом выступления, а местом общения. Цель была не эстетическая, а социальная. Возник круг единомышленников не только в искусстве, но и в жизни. Разумеется, одни люди уходили, другие приходили...

Выйдя на поверхность в середине 80-х, кабаре стало искать новые формы встреч. Теперь это был уже не подпольный пикник, а, скажем так, дружеская вечеринка. Комнатки, маленькие залы в домах культуры — столики, чайкофе, пироги, бутерброды. В любом случае отрицалась, как они говорили, «имперская форма» концерта, когда со сцены одни (мессии) вещают, а другие (быдло, толпа) внимают вещателям.

Тем временем произошли четыре события, которые помогли полностью

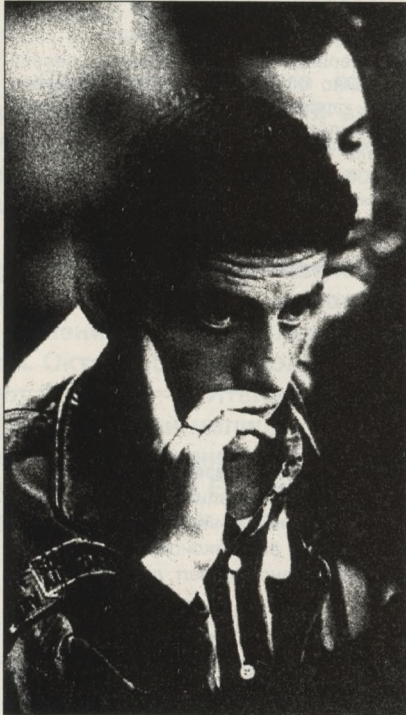
Неприятнь к «Кардиограмме» эти «новые русские» испытывали почти такую же, как и «старые советские» (впрочем, часто это одни и те же люди). Короче говоря, помещение кабаре захватил ресторан. Плохой, ныне пустующий.

В Культурном центре на Петровских линиях «Кардиограмму» сгубила местная шпана — хулиганили, требовали танцев, занимались вандализмом... Дирекция не выдержала. И кабаре приютила Тамара Сергеевна Герасенкова — замдиректора по культуре Измайловского парка. Выделила беседку, где когда-то читались знаменитые лекции: «Есть ли жизнь на Марсе?», «Рели-

мебели красного дерева, в окружении старинных зеркал, картин и предметов домарксистского обихода. Музейные старушки-смотрительницы вздыхали так грустно, что пришлось искать новое место для встреч...

Отныне по пятницам, в помещении Союза литераторов России, что в Георгиевском переулке, снова будут собираться актеры и поэты, барды и рок-музыканты, художники и прозаики. Чтобы за чашкой чая или кофе, с печеньем или бутербродами, показать свое искусство друг другу и людям, близким по духу.

Сейчас у «Кардиограммы» примерно

Лариса Пияшева и Анатолий Стреляный заглянули в кабаре

легализовать «Кардиограмму»: передача на радиостанции «Юность» известной журналистки Натальи Бехтиной, большой репортаж Киры Григорьевой в телепрограмме «Время», статья «Голубая кровь» Анатолия Стреляного в «Литгазете» и документальная картина «Сезон молчания» студии Центра научфильм.

И все же коммунисты из разных районов еще долго гоняли «Кардиограмму» — то из Дома культуры типографии «Красный пролетарий», то из Дворца культуры имени Горького... Падение тоталитарной власти и идеологии застало кабаре в Доме культуры энергетиков. Казалось (всем нам казалось), тут-то и расцветут искусства без присмотра квартальных надзирателей!... Но, как стало теперь ясно, на смену розовощеким, круглолицым коммунистам в костюмах при галстуках пришли круглолицые, розовощекие бизнесмены в спортивных шароварах и красных пиджаках.

гия — опиум для народа... Но беседку сожгли недовольные шашлычники.

Тогда сердобольная Тамара Сергеевна пустила «Кардиограмму» в бывший коммунистический храм — зал партийных собраний. И денег за аренду не брала. Но у кабаре появился коммерческий директор — и он решил в духе времени, что надо делать прибыль. А поскольку все выступления и участие публики в «Кардиограмме» всегда были бесплатными, то к чаю с печеньем стал прилагаться алкоголь. На который как мухи на мед слетелись определенного рода клиенты: «Девушка, разреши пригласить вас на танец!» Кабаре начало превращаться в притон.

В прошлом сезоне «Кардиограмма» выступала в Доме-музее Ермоловой на Тверском бульваре. Да вот беда, контингент постоянных посетителей кабаре — молодежь. Не привыкшая вести себя адекватно на паркете и посреди

полсотни постоянных участников и двести—триста поклонников. В основном это совсем молодые люди — старшеклассники, учащиеся ПТУ, студенты, рабочие, гуманитарная и научная интеллигенция. Бывают иностранцы, заглядывают и наши, российские, — политики, ученые, журналисты.

В зале всего сорок мест, но если принести стулья из соседних комнат, то будет пятьдесят. Выступление. Перерыв, буфет. Снова выступление. Перерыв. Горячее обсуждение увиденного и услышанного...

На открытии сезона представлял свою новую книгу стихов «Послание к юноше» Дмитрий Быков (кстати сказать, соавтор «Столицы»), была презентация вышедшего в Бельгии компакт-диска и выступление популярного российского барда Сергея Калугина.

Экономические Новости

РОССИИ и СОДРУЖЕСТВА

ДОКУМЕНТЫ

Самостоятельное издание
газеты
«Экономические новости
и Таможенный вестник»
издается в РФ

Таможенный Вестник

Приложение к газете
«Экономические новости»

Ежемесячный 300—400-страничный том «Документы» включает в себя все вышедшие за месяц нормативные акты, регулирующие практику хозяйственной деятельности в России.

Основные разделы сборника:

1. Правовое обеспечение экономических реформ
2. Собственность, приватизация
3. Предприятия. Предпринимательство
4. Финансы. Налоги. Цены
5. Внешнеэкономическая деятельность
6. Труд. Зарплата. Социальная защита

Подписной индекс — 32045

Справки по телефону: 152-22-68

**Постоянно на страницах газеты
«Экономические новости»**

- событийная хроника из стран СНГ
- комментарии и новые нормативные документы
- дайджест деловой прессы
- информация
- школа практического бизнеса
- гороскоп делового человека

Подписные индексы газеты в каталоге

**Роспечати: для частных лиц — 32041,
для предприятий и организаций
(безналичный расчет) — 32226**

**Ежемесячное приложение к газете
«Экономические новости»**

«Таможенный вестник» издается совместно с Государственным таможенным комитетом РФ. Это ведущее в России периодическое издание, целенаправленно освещающее вопросы, связанные с тарифным регулированием экспорта и импорта товаров, оформлением перевозки грузов через границу, квотированием и лицензированием экспорта, валютным регулированием в России.

Подписной индекс газеты

«Таможенный вестник» — 32043

Что говорят читатели

Сергей ЗВЕРЕВ, заместитель генерального директора группы «МОСТ»: «В каждом разделе этой газеты находишь материал о том, что тебя остро интересует. Это говорит о точном, безошибочном отборе информации».

Иван ЛАПТЕВ, президент Ассоциации главных редакторов и издателей: «Эта газета обладает удивительным качеством — силой простых рассуждений, которые еще и сопровождаются нередко документом, делать понятными сложные экономические проблемы».

Ольга ЗАХАРОВА, коммерческий директор АО «Салют»: «Мы выписываем чуть ли не всю литературу с нормативными актами, но сборник «Документы» — лучший из всех. Теперь уже не мыслим, как можно без него работать».

С.МОРОЗОВ (г.Калининград): «С «Таможенным вестником» в руках нам не раз удавалось решать разногласия с таможней в нашу пользу».

Юрий ЯКУТИН, главный редактор газеты «Экономика и жизнь»: «Из всего разнообразия информации газета «Экономические новости» умело выбирает «изюминки». Прочитав один номер, получаешь представление о всей экономической прессы России и стран Содружества, словно прочел добрый десяток газет».

Академик Александр ГРАНБЕРГ: «Если бы мне пришлось лететь в космос, я бы взял с собой одну общеполитическую газету и «Экономические новости».

Вера РАДИНА, заместитель председателя правления банка «Российский кредит»: «Ценю эту газету за компактность и точность необходимой для нас информации».

Юрий ЛЕМБЕРГ, директор торгового дома «Олби»: «С интересом читаю «Экономические новости», потому что так не подаст информацию ни одна другая газета».

Список фирм, опубликовавших свою рекламу в этом номере:

ГЕРМЕС-ФИНАНС

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ГОРОДСКОЙ БАНК

ИНТЕКС

КГК

САНАТОРИЙ «ДРУЖБА»

STB CARD

ПЕРВАЯ ФИНАНСОВО-
СТРОИТЕЛЬНАЯ КОМПАНИЯ

АО «ЭЛЕМАШ»

ТОО «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НОВОСТИ»

Между нами, Дерибасами...

«Решение Одесского городского Совета народных депутатов от 18 августа 1994 года. Рассмотрев предложения граждан и рекомендации комиссии по наименованию улиц... исполком решил переименовать:

ул. Воровского — в Малую Арнаутскую
ул. Клары Цеткин — в Лютеранский переулок
ул. Ленина — в Ришельевскую
пл. Октябрьской революции — в Куликово поле
ул. Томаса — в Итальянский бульвар
ул. Советской милиции — в Дегтярную
спуск Ласточкина — в Ланжероновский спуск
ул. Бебеля — в Еврейскую
ул. Чкалова — в Большую Арнаутскую...»

Алла БОССАРТ

К двухсотлетию Одессе возвращен ее топонимический образ. Это немало, поскольку одесский атлас звучит музыкой, а жестяной язык революции вываливался из этих барочных губ, как прикушенный удавленником. В дни празднования двухвекового юбилея у многих возникло ощущение, что там и сям по организму любимого города забилась легкая ренессансная пульсация, завихрилась алмазная пыль порто-франко. Легкая галльская шпага Одессы всегда торчала в соломе малороссийской кровли, отливая черноморской голубиной, дерзко, вызывающе и чужеродно. Ласковая домашняя власть Нехамы, в одинаковой любви растившей налетчиков и поэтов, с тихим упрямством отшучивалась от крутого державного гнева Тараса Бульбы с его ущербным презрением к женщинам и инородцам. Одессу не подмяли — ни гетманы, ни секретари, ни президенты. Не растворили ни турки, ни украинцы, ни русские, ни немцы — она сама вобрала их в свое чрево, перемеша-

ла и впитала. И только французу отдалась — органично и по любви. Это благословенный брак, и сегодня, наконец, вновь нестареющая двухсотлетняя возлюбленная обрела своего законного дюка. А до того десятилетиями Ришельевская носила имя Ленина, и даже три недели — Гитлера.

Три недели глумились фашисты над Одессой, сгоняли со всей округи — вплоть до Бессарабии — евреев на площадь Хворостина и гнали Дорогой Смерти на расстрел. Двести тысяч уничтожено за три недели оккупации — здесь, в одесском Бабьем Яру. Геноцид, о котором не вспоминали полвека.

Первого сентября на юбилейные торжества в праздную Одессу приехал израильский адвокат Ян Маниович. Одессит Яшка, чудом спасшийся в сорок первом из колонны смертников. Пятьдесят три года, из них двадцать три — в эмиграции, — он жил со страшной памятью о трагедии своей семьи и своего народа, все это время помогая прятавшим его тогда людям. Пятого сентября толпа земляков, в которой старики в е-

МАРК ШТЕЙНБОК

молках и старухи с фотографиями в руках узнавали друг друга, собралась в сквере Хворостина услышать накануне Нового года — Йом Кипур — скорбный кадиш на открытии мемориала, в котором Яков Маниович воплотил и оплатил их общую память.

Сегодня Одесса — единственный город в бывшей империи, где КГБ стоит на улице Еврейской. А испанец

каждом шагу — белые столики на тротуарах, где чистые парижанки, качая своей парижской ногой, пьют французское шампанское, невзирая на общий экономический кризис и даже тупик, в котором сосет Украина свою незалежную лапу.

Двадцать лет назад на юмюрине московский режиссер, снимающий в Одессе кино из иностранной жизни, уговаривал меня сняться в эпизоде-

Ты прекрасно выглядишь! — Это я еще плохо себя чувствую!» (рассказывает Карцев). Дивные одесские Софы, Норы и Флоры, к пятидесяти все как одна расцветающие в тетю Соно, королеву Молдаванки! Скажем, великолепная Дора Шварцберг, профессор Венской музыкальной академии, член одесского Всемирного клуба одесситов, каждый год маленьким белым снарядом в пене

Торг здесь уместен!

Хосе де Рибас известен как Осип Михалыч.

Французские моряки в бескозырках с пестрыми помпонами метут неширокими клешами Дерibasовскую, освещенную зеленой бронзой двухсотого сентября. Морячки приятно удивлены. Они вертят своими аккуратными головами, думая, что все устроено в этом порту в их честь: французские названия, и французские фасады, и распластанная по их лепнине узловая лоза, и парижские бистро на

ческой роли — французская делегация осматривает город. Я недоумевала: в Одессе столько своих красавиц, чего он ко мне-то привязался, к моей унылой асфальтовой плоти? «Вы что! — закричал тогда на меня кинодеятель. — Посмотрите на этих цветущих женщин! На эти зубы, ноги и глаза! И волосы! И бюсты! Это же не жизнь, а конкурс красоты какой-то! Разве можно снимать их в кино? Кто же мне поверит?!»

Если в Одессе что и не изменилось совершенно — это женщины. «Софа!

концертных кружев влетающая в Одессу со своей скрипкой и своим мужем, Иваном Романовым, австрийским бизнесменом, с юности любимым и известным в одесских деловых кругах как Ванечка. Маленькая, круглая и стремительная Дора Шварцберг похожа на роскошный букет хризантем (не меньше чем в миллион карбованцев), летящий к ее собственным ногам на сцену раззолоченной Одесской оперы, где в русло юбилейных торжеств вливался Международный музыкальный фе-

стиваль памяти Д.Ойстраха — разумеется, одессита, кто спорит!

Одесса обожает своих знаменитостей. Что поделатъ, рано или поздно все они покидают ее — правда, регулярно нанося визиты. Как сателлиты вокруг небесного тела, они вращаются вокруг родного города, то удаляясь, то приближаясь, но не выходя из поля его притяжения.

ярных людей в городе, — о нем и о его стройке в свое время — отдельный рассказ. Кирилл Великанов, профессор, доктор медицинских наук, знаменитый одесский врач. Игорь Авербах, управляющий одесской фирмой «Стройпрессмаш». Он-то и построил вместе со скульптором Александром Князиком памятник своему коллеге — первостроителю и первому градоначальнику Одессы

ким, но уже тоже Дерибасом.

«Между нами, Дерибасами, а неплохой я заложил городишко?» — с отеческой улыбкой переглядывается Хосе де с праправнуками. Штурмовые брызги достигают ботфотов, треуголка и камзол — как влитые. Колумбу, в конце концов, просто повезло. Да и ребята его перешлепали на радостях кучу мирного коренного народу. Дерибас же возвел свою Америку сам, к лопате привычный не менее, чем к шпаге. А убивал только на войне.

Там они и встретились, при штурме Измаила, — вся компания — четыре мушкетера, которым суждено было породниться с Одессой, чертить планы ее фортификаций, прокладывать ее улицы, украшать своими гербами ее здания, управлять ею и отдать ей свои имена, двести лет осеняемые славой, вросшие в ее серый камень, ноздреватый песчаник и голубой итальянский плитняк: Ришелье, Дерибас, Ланжерон, Де Волан.

Двести лет спустя, как бы отмечая непрерывную и практически семейственную связь времен, первого отца города в церемониальных речах настойчиво именовали Иосифом, отчего всем начинало казаться, что нынешний городской голова Эдуард Иосифович Гурвиц протягивает свою феноменально длинную руку непосредственно туда, к Османской твердыне для сыновнего рукопожатия. Приветственная речь мэра завершилась вручением ему же памятного подарка общественности: именных часов. С намеком, как отметила остроумная общественность, что одесское время теперь — в руках мэра. Часы показывали ровно два века и украшены были недвусмысленной гравировкой: «Эдуарду Гурвицу — меру незалежної Одеси».

К этому идет давно. Театр «Ришелье» поставил к празднику капустник, написанный Георгием Голубенко по мотивам его же «Королевы Молдаванки», пьесы о том, как в Одессе объявил о независимости... двор, выбрав в королевы мамашу-одесситку. Вместо мамыши тут фигурировала, конечно, сама двухсотлетняя Мама — Одесса. И как посмотреть с холодным вниманием вокруг всколыхнувшегося портофранко, — все наше сочувствие — исключительно на его стороне. И даже — при тотальной нелюбви ко всякой власти — на стороне Гурвица. Все же он, хоть и популист порядочный, а славный парень. Отменил плату за проезд в трамвае и троллейбусе: все равно никто не платит, а контролеров целая орда. Кормил все праздничные дни детей бесплатным

...И больше не взойдут по палубе на ют 14 французских моряков!

Третьего сентября «в ознаменование юбилея» президент Всемирного клуба одесситов Михаил Жванецкий вручил диплом «Почетный одессит» Доре Шварцберг, а также троим их общим землякам, в порядке исключения так и не отлепившимся от маминой юбки, шитой в этот день обильным золотом по белой парусной холстине. Борис Литвак, директор одесской детско-юношеской спортивной школы № 2, Борис-строитель, ребе Литвак, депутат горсовета, один из самых попу-

адмиралу Хосе де Рибасу, любовно перекрещенному одесским народом в Осипа Михайловича.

Как ни странно, в Одессе с ее главной во все времена Дерибасовской памятника Дерибасу не было. Второго сентября, в утро двухсотлетия, молоденький бронзовый адмирал среднего европейского роста высоко над морем, в изюжии Дерибасовской, явился, опираясь на лопату, потомкам, среди которых скромно гордились прямые — Олег Дерибас с сыном Кириллом — таким малень-

мороженым. Ввел благотворительные обеды для малоимущих. Ну и все такое. Может, при поддержке капитала, в том числе международного, еще и строить чего-нибудь начнет... А, судя по размаху приема, который закатил мэр для гостей юбилея в филармонии, — кое-какая поддержка у него имеется.

Тем более, что как символ неких внутренних геологических процессов, способных, возможно, изменить губернский профиль Одессы, историческая мушкетерская встреча произошла здесь и сегодня, в мирное, но не менее драматичное для России, Украины и всей черноморской акватории время. Впрочем, не французских фехтовальщиков, а трех богатырей (еврейский богатырь — исконный одесский тип) вызывал в памяти монументальный триумфалит, посетивший капустник о двухсотлетию Одессы. Словно райкинский добрый зритель, примостились они в девятом ряду: мэр Гурвиц —

более, что новый мэр со своей новой командой принял вконец разваленное хозяйство. Было бы по меньшей мере бестактно просить у Кобзона отчета об источнике денег, на которые он купил чартерный рейс, снарядил бригаду московских звезд освещать своим блеском юбилейные торжества, а на сдачу — зафрахтовал судно черноморского пароходства, на котором звезды жили в свободное от блеска время. Так что — почему бы и не пойти вместе в театр? Президент Кучма-то и карбованца не дал к празднику: фирма «Черное море» из пяти человек выкручивалась, как Иисус Иосифович Христос, на свои семь спонсорских хлебов оформляя город.

Зато сильно порадовал одесситов премьер Масол. Рюмки водки на серебряном блюде он народу тоже, правда, не выставил, но припас к торжественной Ассамблее в Опере кое-что получше. А именно — слуху собравшегося бомонда открылось,

стынным мостовым шаткие восьмерки на велосипеде и братались с редкими прохожими, — в эту ночь на борт небольшого швейцарского судна в одесском порту поднялась пестрая темпераментная ватага. Буба Кикабидзе, в каждой руке по баулу, кофр с концертным костюмом — через плечо, Маша Распутина — по-домашнему, ругаясь на чужой свет, прочие звезды, костюмеры, рабочие сцены... Звезды немедленно стали требовать каюты-люкс, а рабочие без лишних слов принялись разливать, настойчиво приглашая двух хрустящих швейцарских старушек не ломать компанию.

Отечественной посудине, где разместил Кобзон свою ораву, вдруг срочно потребовалось отплыть по торговому делу, и артистов без лишней волокиты переправили просто на ближайшую палубу. Обескураженный швейцарец, для которого Маша Распутина вряд ли значила больше, чем какой-нибудь неведомый ночной купальщик, незваных, нежданных и неуравновешенных гостей на ночлег принял, накормил и обогрел.

А чем мы хуже? — подумали мы с товарищами и завалились в ту же полночь к незнакомой одесситке, в дом, куда нас так же не звали, где нас не ждали и были, в отличие от швейцарца, нам безумно рады на том основании, что в этом доме один из нас двадцать лет назад объяснился в любви.

Что мы и повторили двадцать лет спустя в адрес этого дома, его хозяйки и всей Одессы, которая ровно двести лет свято чтит свои интернациональные традиции, с легкостью перекладывая трап с палубы на палубу и от сердца к сердцу. Метафора банальна, но оправдана жизненной реальностью.

Поэтому нет никакой натяжки в том, что меня в ряду еще парятройки моих земляков-москвичей приняли во Всемирный клуб одесситов — за верную дружбу и многолетнюю преданность Одессе. Наша двадцатилетняя любовная связь кратна двум векам, четырем ветрам, двенадцати языкам и тысяче волн, разбиившихся о Дерibasов причал.

Перед лицом всех памятников, кораблей и бульваров, всех платанов, собак и старушек, всех дворов, шаланд и перекрестков, всех бесплатных трамваев и бесценных ступеней Потемкинской лестницы клянусь: оправдать высокое доверие Президента всех одесситов Миши Жванецкого, сказавшего: «Хорошо, что о нас напишет Боссарт, а не какая-нибудь сволочь».

Лэхаим!

Лестница в море

всегда и весь в белом; могучий Иосиф Кобзон в корректной тройке; и некто в коже, с золотой цепью, загадочный и романтичный, известный в кругах теневого влияния (удачный эвфемизм, разве нет?) как Карабас.

Наличие кругов теневого влияния в развитом обществе неизбежно. Это один из немногих признаков развитого общества, уже нам присущих. Борьбаться с ним бессмысленно, потому что капитала не существует без криминала, а без капитала не существует развитого общества. Тем

среди прочего, что в Одессе наряду с Пушкиным, Ильфом и Петровым творила некая Исабель. При ближайшем рассмотрении премьер-министром текста через очки «Исабель» оказалась Исааком Бабелем. Бомонд пополз под кресла и простил дорогому киевскому гостю все наперед.

...**В** последнюю ночь, когда мы с друзьями и товарищами по борьбе за независимость и самостоятельность всех и каждого — по очереди выписывали по пу-

Семейный парк

Пригласите старушку на вальс

Алексей МИТРОФАНОВ

Обойдусь без комплиментов. Парк «Сокольники» — безлик. Безлик своей архитектурой. Каждое время весьма незначительно тут наследило, оставив маленький намек на свою бывшость.

В первую очередь — в истории.

Парк разнится от прочих копошением людским. В отличие от остальных, он — парк семейный. Сюда ходили (да и ходят) не флиртовать, не изменять, а, напротив, выполнять свой супружеский долг. В самом чистом смысле слова.

За оградой парка чередовались формации, архитектурные стили. А тут все преломлялось косвенно, образуя с принципом семейности свой особый контрапункт.

Готика

Возникновение Сокольнического парка — явление из области преданий. Поначалу тут селились иностранцы (их называли — немцы). Занимались всякими ремеслами, первого же мая справляли тут родной праздник весны. Петру Великому понравилось подобное гулянье, он собственноручно заложил первую просеку будущего парка — до сих пор известную как Майский просек.

Московиты хотя и противились сомнительным начинаниям «царя-чертушки», «оборотня», однако против лишней узаконенной попойки возражать не стали.

И сделалось 1 мая — родною российской гулянкой. Московские семейства сначала присоединились к иностранным, а затем и вытеснили основателей празднества.

Классицизм

Поначалу Сокольниками не брезговали самые высокие аристократы, даже государи. При Елизавете Петровне было здесь особенно роскошно. А Александр Первый три дня от-

мечал в парке собственное восхождение на престол. Жареные быки с позолоченными рогами, с деревьев свисала закуска скромнее — гуси, утки и индейки. А вино и пиво било из фонтанов, что весьма негигиенично, но вполне роскошно.

Все это в момент пожирали, разве алкогольные фонтаны действовали дольше. Пили из них шляпами, а кто и просто так.

Скабресники-кукольники удивляли народ вертящимися марионетками. Государь же развезжал среди обжор да пьяниц и приговаривал:

— Кушайте, будьте довольны.

В те времена подобное безобразие считалось хлебосольным праздником.

Ампир

После войны с французами парк стал еще более простонародным. Знать оставила его своим вниманием; мещане же, купцы и прочий незамысловатый люд почувствовали себя в Сокольниках комфортнее.

«Тут же множество столиков для невзыскательных любителей чаепития на открытом воздухе», — возвещал путеводитель прошлого столетия.

Чай и впрямь был предназначен для любителей не слишком-то взыскательных. «Был бы только самовар, вода непокупная, чаю для троих довольно на двадцать копеек, на десять — леденцу; и вот наш мужичок примется пить не торопясь, с прохладою... Оно и дешево и безвредно», — сентиментальничал М.Н.Загоскин по поводу сокольничьих чаепитий.

Впрочем, не только «безвредный» напиток хлестали в Сокольниках. Ударяли и по водочке. Чехов целый рассказ этому посвятил. В конце того рассказа некая дама, недовольная своим наклюкавшимся спутником, «робко поднимает глаза на публику, в ожидании увидеть на лицах насмешливые улыбки. Но видит она одни

Москва - Moscow
Сокольники - Sokolniki

На открытке из собрания автора —
Сокольники до революции

только пьяные лица. Все качаются и клюют носами. Ей становится легче».

Однако отношение к тому застолью на природе было самое серьезное, больше того — почтительное. И многие считали чуть ли не своим гражданским долгом съездить туда в «первый день весны».

Но не одни «простые» посещали этот парк. Тут, к примеру, Пьер Безухов ранил на дуэли Долохова. Гоголю же приходилось выслушивать оскорбления своего случайного соперника, некоего сенатора:

— Посмотрите на этого гуся, как важничает, как за ним ухаживают!.. Ведь это революционер, я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома.

Эклектика

Хотя на рубеже веков Сокольники все так же посещались добропорядочными обывателями, здесь появился некий диссонанс. Почему-то революционеры выбрали тот безобидный парк своею загородной резиденцией. Здесь проводились митинги и сходки. Да что там сходки — перед революцией 1905 года тут, за поленицами дров организовали целое стрельбище. Бунтари приезжали сюда на широкую ногу — в трамвае с вывеской «служебный» и часами упражнялись в меткости. Затем замазывали следы пуль грязью и снегом и на том же трамвае возвращались домой.

Властям пришлось даже кустарники повырубать, чтоб наблюдать за тайными деяниями.

Обыватели, конечно, возмущались

ВЛАДИМИР ШИШОВ

Сокольники сегодня

смутами. На лозунг «Нам нужна свобода, как во Франции» ответствовали:

— Здесь не Франция, а Сокольники, мы хотим гулять, и вы нас не смущайте.

Демонстрации заканчивались пьяными драками.

Несмотря на все на это, Сокольники умели вдохновлять талантливых людей того периода. К примеру, Левитан писал картину «Осенний день в Сокольниках» — единственную свою работу, где кроме природы изображен человек.

А Пастернак, бродя среди сокольничьих деревьев, глядел на облака и фантазировал:

— Смотрите... Кит заплыл на закат и отяжелел на мели сосен... Кит дышит, умирая на верхушках сосен.

Конструктивизм

Смутьяны победили обывателей. И сами стали отдыхать в Сокольническом парке. Главный из смутьянов, Ленин, сделался его завсегдатаем. Хотя до революции ни разу не заглядывал (во всяком случае, такими фактами автор не располагает).

Как-то раз, 7 июля 1918 года его арестовал тут «пост рабочей молодежи». Ленин показал свой документ, но «пост» бумаге не поверил и доставил подозрительного гражданина с его сестрою в бывший полицейский участок, а в то время — 4-й Мещанский комиссариат милиции.

«С вооруженными милиционерами на подножках автомобиля подкатили мы к милиции, — вспоминала Мария Ильинична, — нас высадили, провели в отделение... Задержавшие Влади-

мира Ильича товарищи были немало смущены этим случаем, но Владимир Ильич просто и ласково успокоил их».

Этот конфуз случился с Ильичем между двумя выступлениями в Сокольническом парке. Первое — о борьбе с голодом и контрреволюцией, второе же, более грозное, — о мировой войне.

В память о героике минувшего в 1922 году первые московские пионеры запалили тут первый в Москве пионерский костер. В то время новая роль Сокольников в жизни пролетарских семей была уже ясна.

*И уж Сокольники не те,
Какими были в оны годы:
Нет хулиганской старой моды
И окултурены часы
Разумно-праздничной свободы, —
констатировал Д.Бедный.*

Граждане были свободны:

— посещать выставку «Якутия в прошлом и настоящем» с показом юрт;

— расслабляться в «Однодневном доме отдыха» (в программе — физкультурзарядка, литературный поддник, катание на лодках, душ, лекция о международном положении, пение и даже «час тишины и покоя»);

— брать напрокат домино, патефон с пластинками и, в память о самоварах далекого прошлого, — электрический чайник;

— получать консультации на темы: «3-я Сталинская пятилетка», «Религия — опиум для народа» и т.п.;

— участвовать в оборонных праздниках «День призывника» и «Проводы бойцов РККА в лагерь»;

— заниматься в «Школе бытового танца».

Остальное — менее существенно.

Однако новый тип — обыватель от пролетариев — предпочитал всему этому «Лабиринт» из густых аллей. «Чертов мост» из древесных кореньев, «Красный пролетарский балаган «Руслан» и прочие не слишком идеологизированные аттракционы.

Хотя и в это время хаживали в парк эстеты. Николай Глазков писал:

*А мы всю ночь в Сокольниках...
Зачеты нам за чертом!*

И Валентин Катаев чуть было не сблизился в Сокольниках с Еленой Афанасьевной, сестрою М.Булгакова. «Я подсунил руку под ее нежную шею. Она полукоткрыла жаркие губы, как бы прося напиток... И я не знаю, как бы сложилась в дальнейшем наша жизнь, если бы вдруг мимо нас... под звуки барабана не прошел маленький отряд пионеров в белых рубашках и красных галстуках. Мы отпрянули друг от друга», — вспоминал автор «Сына полка».

Хрущобы

Почему-то именно во времена пресловутой «оттепели» — ренессанса свободы — Сокольники стали терять свое лицо. Самым, наверное, ярким событием в жизни старинного парка стало обещание Хрущева показать Америке кузькину мать. При том неисключенный переводчик объяснил это как «мать Кузьмы». Сей исторический акт произошел именно здесь, на национальной выставке США в 1959 году.

Но в остальном господствовала серость. Даже лекции из вызывающе пролетарских превратились в нестерпимо пресные: «Развитие советской науки и техники», «Из истории отечественной культуры» и прочая белиберда.

Лишь изредка тишь нарушалась странными мероприятиями, да и то — устремленными в прошлое. То пустят экскурсионные микровавтобусы по ленинским местам Сокольников, то вдруг бросятся обучать молодежь танцам народной демократии, а то какой-нибудь активист прокричит в газете «Правда»: «Елка в Сокольниках... Вечер, проведенный Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной с ребятами у новогодней елки, стал почти легендой... Я хочу найти в жизни героев той новогодней истории, которая произошла ровно пятьдесят лет назад».

Нынешний день

Сегодня Сокольники — рядовой обывательский парк. Жужжат аттракционы, посещаемые в основном детьми, молодыми семейными парами, а также теми, кто скоро поженился, проживет долго и счастливо и умрет в один день со своей половиной.

В любое время дня и ночи здесь нет и намека на порок. Даже дискотеки тут устраивают для пенсионеров. Выставки же — для семейного просмотра.

Здесьшний воздух — полезен. Дух — успокоителен. Время — чуть приостановлено. О Ленине никто не вспоминает. Равно как и о Пастернаке, Александре Первом и Петре Великом. Господствуют неброские проблемы маленьких домашних очагов.

Говорят, у нас нет «мидл класса». Это чужь — лишь зайдите в Сокольники. Оглянитесь. Купите мороженое. Пригласите старушку на вальс.

Это отнюдь не остатки недавнего блеклого прошлого. Это день сегодняшний, по-своему яркий и прекрасный своей обывательщиной.

Я верю: посетители Сокольников спасут нашу страну.

Весна нашей осени

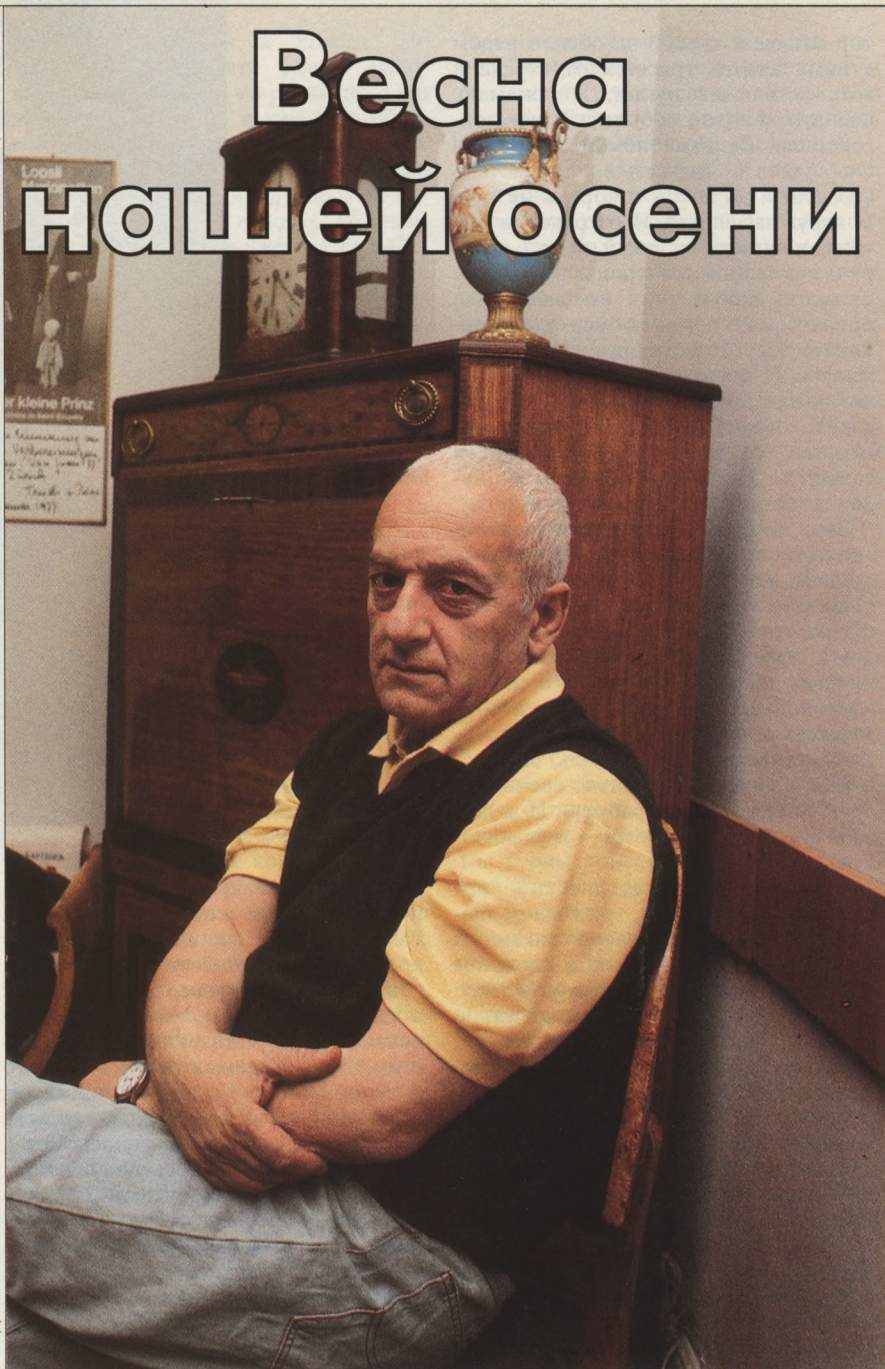
«Вас беспокоит, как одеть куклу в парчу — ведь кукла маленькая, человек большой, а парча одна и та же, плотная, тяжелая, да? Допустим, где-то надрезы делаются — это один фокус. Допустим, здесь, на плече, начали вы парчу — здесь, у локтя, прервали ее, пусть дальше дерево работает, какая разница! Главное — свобода. Это трудно, потому что свобода трудна и даже опасна. Труднее водить «Ягуар», чем «Запорожец»: «Ягуар» тонкая вещь, он моментально реагирует, на ваш пульс даже. «Запорожец» — управляем. С трудом, но управляем... Свобода! Ничего, пусть это вас не беспокоит, один-два дня — и все встанет на место...»

Театр Образцова. Резо Габриадзе, принявший этим летом руководство театром («Кто меня пригласил? Сам Сергей Владимирович, искавший наследника, — он, разговаривая со мной, употребил именно это слово. Тогда я был не готов. Теперь — когда и мне и театру надо куда-то дальше идти — я здесь...»).

«Только, пожалуйста, давайте, Миша, — мягко, но властно просит Резо, когда мы остаемся вдвоем, — не будем говорить о театре... Я еще ничего не сделал здесь, а о том, что делал в Грузии и на Западе, говорить бессмысленно... В моем Тбилисском театре, вы помните, была в стене, по соседству с дверью для актеров, еще маленькая дверь для кукол. Я был сейчас в Тбилиси и смотрел на нее с грустью: она тоже потерпела от войны. Как все двери в старом городе, она тоже пошатнулась... Но театр Тбилисский продолжает существовать, там остались мои спектакли, мои куклы — что им здесь делать? И нужна ли такая маленькая дверь в Москве, в театре Образцова? Здесь — совсем другое пространство. Оно другое, но не чужое мне, я себя всегда чувствовал здесь нормально.»

«Поговорим о Москве, ладно?... Предлагаю читателю фрагменты нашего разговора — точнее, монолога Резо Габриадзе о Москве, — я надеюсь, что в нем совсем нетрудно будет найти ответы на вопросы, рвущиеся с языка у всех поклонников Маэстро: почему сегодня он в театре Образцова? почему в Москве? почему в России?»

Михаил ПОЗДНЯЕВ,
обозреватель «Столицы»

Резо ГАБРИАДЗЕ

Я не сказал бы, что театр кукол был сейчас в мире очень бодр и весел. Как и у нас. Но у них другое. Кукла — это игра. А они там все время играют. Их детство — прекрасная игра. Их праздники — самозабвенная игра. Игра растворена и в их буднях, рассыпана по жизни. На каждой площадке — или диксиленд, или фокусник, или маленькая театральная труппа. Уличное кафе — как балаганчик, продавец мороженого — как петрушечник, можно час стоять и смотреть и слушать, как он общается с детьми... Ручки дверей кафе, вит-

рины магазинов — тоже игра. А зайти внутрь — милые барышни будто только тебя ждали, чтобы начать представление. Они покажут тебе все, что пожелаешь, и не обидятся, если ты уйдешь, ничего не купив: ты с ними поиграл, остался доволен, значит — опять придешь...

К моей радости, сегодня и у нас, где всегда игра была или в театре или у детей дома, а больше нигде, тоже что-то уже начинается. Ходишь по Москве — на каждом шагу играют. Значит, время борьбы, время жестокости уходит.

Огородник сажает лук, слесарь гайку делает, кукольник играет, рестора-

тор зазывает к себе на обед, а рядом с ними кто-то трясется от страха и всех остальных пугает. Я понимаю, что это великое событие: Россия заговорила! Великий немой заговорил! Он был глазастый, ушастый, страстный — но он говорить не мог. И вдруг заговорил. И от радости или удивления этот великий немой потерял над собой контроль. А ведь у каждого народа есть замечательная привычка: не поминать черта, не накликать беду. И Бога всеу тоже не поминать. И когда ты включаешь телевизор или покупаешь газету, тебе сегодня хочется не распаковывать чемоданы и бежать все дальше и дальше, в Патагонию. Но кто же будет сажать лук и играть в куклы?

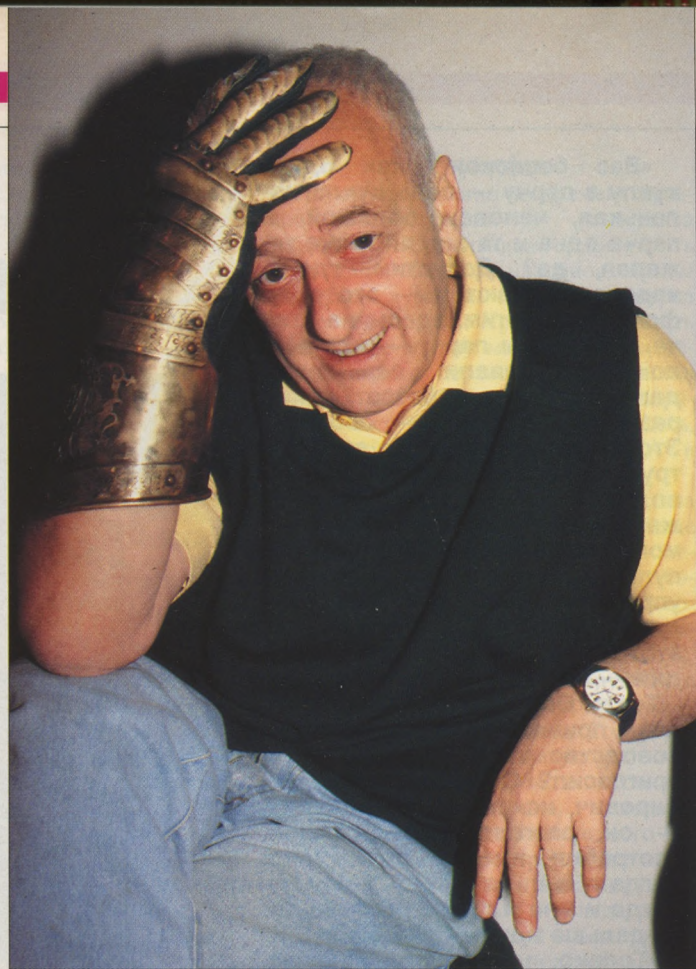
Вот, например, все возмущаются, сколько кругом нищих. И всерьез думают, как бы их с улиц прогнать. Но никто не замечает, как москвичи щедро этим нищим подают. И что рядом с ними какая-то милая барышня продает шоколад. А рядом с ней — книгоноша. А еще дальше — играет музыка: три молодых человека, видимо, студенты. Виолончель, скрипка и альт. Сыграли, аккуратно сосчитали деньги — и снова за работу... И рядом стоят люди, слушают их — и улыбаются.

В Москве появились улыбки — это сразу видно человеку, три года не бывавшему в Москве. Невероятно много улыбок для Москвы, мне в прошлом случилось жить целую зиму в Москве — и за всю зиму я встречал на улице полторы улыбки. И сомнительный, горький смешок за спиной. Или на эскалаторе, бесконечно длинном, только в Москве такие, вдруг улыбнется человек — и сразу его унесет прочь. А сейчас — сидит человек на улице, в кафе, под тентом, пьет пиво и улыбается. Не это ли величайшее достижение последних лет жизни России? Жизнь уже состоит из этих улыбок, и эскалаторы и остановки в метро кажутся короче...

Ничто так не отражает время, как архитектура. Архитектура Москвы последних пятидесяти лет — это нечеловеческое, не людское пространство. Особенно плохо человеку было от первых этажей советской архитектуры. Если это жилое здание — для москвича нет ничего хуже, чем жить в первом этаже. Если первый этаж занят магазином, кафе, всем тем, что должно служить человеку, — то это пространство раза в три-четыре превосходит рост человека. Сдвинуты масштабы вашего бытия, вы превращены в пигмея, никому не нужно — ни городу, ни жене, ни детям, никому.

Отчего так мила провинция? Оттого что она преимущественно

*Я живу сегодня
в Москве,
у которой такие
перспективы,
каких нет
ни у одного
города мира*

двух-трехэтажная, и первый этаж — главный, самый живой. И Москва, и Петербург, и Нижний Новгород, все крупные города России до революции тоже жили активнее всего первым этажом. Трактиры, маленькие лавочки, ателье, магазинчики, где, допустим, пуговицы продаются, — какой это был праздник! У Чехова, кажется, или у Бунина — как стыдно, я сейчас не могу вспомнить, — описывается юная швея, ранним утром покупающая ленточки, и в этом описании поражает, какой у нее выбор. А улица Рубинштейна в Петербурге — мне рассказывала мама моего друга Ольга Алексеевна, — это ведь была улица дамских шляпок! Проходя по ней, можно было видеть, как шляпки делались и выставлялись напоказ. И специально отбирались девушки для торговли этими шляпками. Все они были курносые. Когда я спросил, услышав это: «Ольга Алексеевна, а почему курносые?», она мне ответила: «Курносые девушки — воздушные». Боже мой, какая у русских девушек в этом смысле колоссальная перспектива! Представляете, если такое — вернется! И это нетрудно, потому что раз навсегда заложено в архитектуре. Как если женщина здорова — дело за макияжем, чтобы всем явилась красота или хотя бы миловидность...

Кювье из одной косточки реконструировал мамонта и доказал, что мамонт щипал траву, любил поспать

и был весел. А у нас же не одна косточка осталась! Вот я вчера заглянул на Петровке в магазин мужской одежды — сразу видно, что он так был задуман в начале века, чтобы сегодня там устроился этот «Вадим». И приказчики в нем и в других подобных магазинчиках — это, конечно, «новые русские», но менталитет — тот же самый, что и сто лет назад. И какое чудо — чайная лавка рядом со старым МХАТом, в Камергерском: и чая такого, и таких красивых продавщиц в Москве с тринадцатого года не было...

В Москве за три года появилось то, что для нее всегда являлось главным: цветастость, яркость, голосистость. Москву называли красной — и этот румянец уже проступает на ее щеках. Не тот грязно-красный цвет знамен, с помойным оттенком, всегда наводивший на мысль, что красильщики просто не успевают мыть свои чаны, — а настоящий праздничный красный, пасхальный цвет! И сочный желтый, и небесно-голубой! Вспомните, какой была Москва в дождливые дни еще в 91-м году. Серые комочки, снующие на фоне серых стен в серой пелене дождя и серых клубах автомобильного дыма. И агрессивные звуки: резкие крики, грохот люков под колесами, визг тормозов... Не все ушло, но что-то двинулось. Разве не сладко думать, что вот начинается осень, пой-

дут серые дни, те же, что и в Швеции, в Финляндии, и нам заменят летнее тепло и свет витрины первых этажей и киоски, похожие и на аквариум и на елку, — киоски, которые в Москве на каждом шагу. А эти фрукты на улицах, эти лотки зеленщиков — как можно их не замечать! О том, что где-то собрались старые люди под советскими флагами, напишут все газеты, а о том, что сотни тысяч детей ходят по Москве с бананом в руке, или с кистью винограда, или с апельсином, и покупают эти фрукты на ходу, не стоя в очереди, — молчание, будто так было всегда! Так было в Москве, это правда, но такого не было слишком давно, чтобы этого не замечать.

Не хлебом единым жив человек, правильно. И русская культура (как, впрочем, и всякая другая культура) больше всего интересовалась жизнью духа. Но я испытываю изумление оттого, что в Москве все еще говорят о еде, при том, что покушать — просто не проблема. Москва снова становится хлебосольной. Прочтите не таких великих, как Чехов, а, например, Боборыкина или Гиляровского — везде у них присутствует еда, ее цвета и запахи. Москва первого этажа была ведь еще и трактирной — под трактиром я понимаю и кафе, и ресторанчик. В московских трактирах ты мог встретиться с приятелем, там играл музыкальный ящик, там были подшивки газет. Я видел лубок: биллиард в московском трактире под красивым классическим биллиардным четырехугольным зеленым абажуром. И этот лубок напомнил мне о Ван Гоге — хотя между ним и картиной Ван Гога так же мало общего, как между московским трактиром и парижским кафе. Но культура едина, человек повсюду один и тот же, и хочется ему везде одного и того же.

Тоска моих сверстников по «московским кухням» 60-х мне не очень близка, но понятна. Ведь что такое те «московские кухни»? Это восполнение утраченных первых этажей. За неимением трактиров собирались дома, на кухне. Там была как раз та милая теснота, какая должна быть в кафе, мягкое освещение, тишина, близость глаз... Чуть-чуть флирта, а может, и много флирта. Добрый смех. И... доступность цен: квашеная капуста, ржаной хлеб, водка — чего еще надо для счастья? В такой обстановке приятно и о политике поговорить — а где же еще, на площади? Московские кухни уходят, но они не исчезнут. Потому что русский человек из залы бежит на кухню. И кухня — величайшая часть культуры. Так что не смейтесь над нуворишами и над тем, как они проводят время в своих поч-

ных рестораниках и клубах. Не смейтесь, эти ребята умеют работать, они живые, энергичные. Они только начинают — и уже есть области, где мы с вами будем выглядеть рядом с ними смешными и жалкими — будем к ним великодушны, не будем путаться у них в ногах. И будем помнить, что их дети уже учатся в Оксфорде, вместе с людьми абсолютно культурными, изысканными, рафинированными, аристократичными, которые привьют нашим мальчикам все то, что мы утратили, — и это все таким странным и нормальным путем вернется в Россию. И в Грузию — я это прибавляю потому, что я грузин, и мне хочется проводить параллели там, где это уместно...

Когда «новых русских» упрекают, что среди них еще нет ни Морозовых, ни Третьяковых, я с этим не спешу согласиться. Не похожи ли мы в таких упреках на персонажа, который утром на мерзлоте посадил картошку, а вечером ее выкопал, потому что «кушать хочетца»? Возьмите Бальзака, у него ведь очень все похоже на то, что видим мы с вами: вот гуляет Людовик по Версалью — и вот уже идет по Парижу Растиньяк! Это же какой-то монстр, и общество, конечно, как-то должно следить за его маршрутом. Растиньяк должен чувствовать, что общество его контролирует, но лезть к Растиньяку за спонсорством — это, согласитесь, просто неперспективно. Третьяковы и Морозовы — тоже вопрос нескольких лет. Третьяковскую галерею ведь открывают, не без участия «новых русских», после того как она целую вечность была заперта. И не без их участия впервые в Москве — все фильмы Феллини. Я-то на них не пойду, я их насмотрелся. Но какой это подарок Москве! И она получает его в тот момент, когда ее так шатает, когда она вылезает из-под чудовищных завалов — что же будет завтра! Россия вернется в свой Серебряный век, в свой баснословный 1913 год, с его фантастическим ростом производства (пять процентов!), с его взлетом культуры и просвещения. Она уже туда идет, в порванной одежде и в синяках. А всякий человек в синяках умер до ужаса. Побитый всегда умнее того, кто его побил. Победитель забывает про все на свете, напивается и становится дураком. А побитый, сосчитав свои синяки, способен такое сотворить! В Тбилиси я сегодня знаю очень много людей (а в Москве их легионы), которые могут вам из металлолома собрать антенну для спутника. Представляете, какая для них несложная интеллектуальная задача — сделать миксер?

Хватит плакать. Отплакались уже.

Посмотрите на молодежь — это последняя крепость новой России, и уж ее сдать ни в коем случае нельзя. Мы должны открыть им дверь в мир праздничный, улыбочивый, уверенный в своих начинаниях... Если дверь эта будет вся в щелях, а ветер будет крутить и крутить мусор на улице перед этой дверью, дети, конечно, все равно войдут внутрь, но там будет гулять сквозняк, там будет летать по воздуху мусор с улицы, и у них будет ко всему совсем другое отношение.

Люди моего возраста привыкли каждое решение в жизни принимать и воспринимать через бумагу. Нужна мне для театра дощечка липовая — я пишу бумагу. На всякий случай. У меня был друг в Ленинграде — король помоек. Настоящий король, в самом прямом смысле. Я видел в мире несколько живых королей, Швеции например, — и мой ленинградский друг рядом с ними не потерялся бы. Он доставал мне драгоценные ткани прошлого века — бог знает, где он их отыскивал. Какие царственные одежды куклам мы шили из этих лоскутков! Однажды он приехал на велосипеде на светский раут в «Асторию», где я остановился, и мне стоило большого труда объяснить милиции, куда мы с ним попали, что я режиссер, а мой друг — король.

У молодых таких проблем нет. Нужна дощечка — бери, безо всяких бумажек. Наверное, мы, старшие, конечные в этом смысле люди. У нас и лица совсем другие, чем у двадцатилетних. Они — как те петербургские шляпницы — курносые, воздушные. Они делают легко и быстро то, на что у нас ушла вся жизнь. И если мы еще что-то можем им дать — так это оптимизм. Я прошу, положи руку на сердце, журналистов и политиков не паниковать, не пугать молодых, не умножать силы дьявола. А всех прочих людей моего возраста я прошу бросить курить и заниматься физкультурой и спортом. Паника уместна только ввиду прекрасной перспективы не успеть надыхаться в свое удовольствие.

Я живу сегодня в Москве, у которой такие перспективы, каких нет ни у одного города мира. Живу в том же ритме, что и всегда: встаю в семь, до восьми — домашние дела, а потом бегу на работу, чтобы там уже сидеть за столом в половине девятого. Больше всего дел — ближе к полуночи. У меня такой ритм, и я охотно поменялся бы им с теми, кто спит до часу. Но мне это счастье не дано. У меня такой ритм. Я — жаворонок, они — совы. Я жаворонок, который обязан жить в ритме совы.

Все их знают, уважают, битлами зовут

«Битлз» forever»,
«Beatles» навсегда»
Пластинка фирмы
«Мелодия»

Недавно умерший Вячеслав Птицын перевел, грамотные ярославские ребята четко и похоже сыграли, а Валерий Панков напел по-русски — один за всех и изменяя голос — пластинку битловских песен, выбрав сплошь шедевры. Вещица получилась странная, неопределенного вкуса. Удачно копируя интонации, Панков не старается (хотя умеет) подделывать тембры. Судя по этому, диск задуман не как тривиальный ремейк, а как памятник отечественным битломанам. Песни звучат так, как мечтал спеть любой из мальчиков, выносивший гитару в подворотню, и это в их честь, а не в честь Пола Маккартни Панков выводит: «Лишь вчера мне казалось, что любовь — игра, но прозрения пришла пора...» Бедный словарь, с трудом подогнанный к ритму, неуклюже изогнутые фразы с торчащими высокопарностями — вряд ли это отражение, скорее корявое, но честное признание в любви. Битлы таки не обрусели, но породили своих мистических двойников, специально для нас — only for russians. Улица не зря присваивала им клички вождей и вожатых: Джон Ленин, Ринго Сталин, Поль Макаренко. В шутку, конечно, но и высшая логика здесь сказала — та самая, по которой Андре Шенье навсегда остался в российской словесности Андреем. Инстинкт родства: это — наше, а значит, должно быть сказано по-русски.

В переводах Птицына, точных по смыслу и количеству ударений, сохраняется трепетная неловкость самопалов. Увы, на фоне выверенного и довольно чистого звука каждая спотычка согласных, каждый вывих синтаксиса беспокоит слух. Свободны от явных огрехов всего две-три песни: «Желтая подводная лодка», «Снова в СССР», «Элинон Ригби». Вряд ли могло быть иначе: песни слишком просты для перевода, во многих из них нет ничего, кроме голой сути языка, и, наверное, «She loves you» никогда не встретится в общем речевом пространстве с абсолютно ясным и безукоризненным: «Я вас любил, любовь еще быть может...». Впрочем, дадим слово специалисту. «...пришел к некоторым общим заключениям по поводу взаимной переводимости двух изумительных языков. Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, все нежно-человеческое (как ни странно!), а также все мужицкое, грубое, сочно-похабное выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски; но столь свойственные английскому тонкие недоговоренности, поэзия мысли, мгновенная переключка между отвлеченнейшими понятиями, роение односложных эпитетов — все это, а также все относящееся к технике, модам, спорту, естественным наукам и противоестественным страстям становится по-русски топорным, многословным и часто отвратительным в смысле стиля и ритма». Это написано в ноябре 1965-го — в тот самый год и даже в то

самое время, когда The Beatles заканчивали работать над лучшим своим ранним диском — «Rubber Soul». Владимир Набоков, «Постскриптум к русскому изданию «Лолиты». Рекомендую отпечатать и раздавать на презентации новой пластинки.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

экстраверт. Желудочно-кишечный тракт естественным образом самим создателем открыт во Вселенную. Остается добавить, что грандиозный художественно-анатомический проект Тишкова в будущем все расставит в человеческом теле на свои места.

И.Л.

Врача вызывали?

Леонид Тишков «Стомаки»
L-галерея, Фонд Даблус

Где-то прочитала: концептуализм остается принципом культуры, но не искусства — и в очередной раз порадовалась тому, как непринужденно кто-то умеет расчленять. Что это — признак непроходимого душевного здоровья или наоборот — вопрос для судмедэкспертов. Однако, следуя этому принципу Чикатило, то, чем занимается Ляня Тишков — создание частного, локального мифа, — возможно, не впишется даже в культуру. Скорее, просто в быт: где быт — там еда, где еда — там пищеварение, где оно — там желудок, где еда в желудке — там... Стоп. Если желудок Стомак становится центром космогонии, тогда все в него втекающее и вытекающее закономерно превращается в прану или символ рождения и смерти, но никак не ассоциируется, например, с ароматной прозой Владимира Сорокина. Поэтому стерильное пространство галереи не запятнали четырехметровые бархатные стомаки и черно-белая графика, портретирующая все того же славного героя. Стомак Тишкова полон дум и рефлексий как истый интеллигент, он некрасив, но обаятелен, как Бельмондо, и, в конце концов, он пикантно бисексуален, поскольку является одновременно и отцом зарождающим и матерью порождающей. Почему именно желудок, а не сердце, которое мы привыкли обожествлять, следуя гуманистическим идеалам? Потому что любой врач подтвердит, что нет никакой принципиальной разницы между этими двумя мышечными сумками, которые, сокращаясь, продвигают по телу жизненно важную материю. Кроме одной: сердце — интроверт, а желудок —

«Виват» не виноват

Фестиваль
«Виват, кино России!»

Второй год подряд Санкт-Петербург бодрым голосом, на диво не сорвавшимся на митингах, прокричал «виват» и на неделю широком жестом открыл для российского кино двери 33 городских и пригородных кинотеатров, опять же на диво не перекалфицировавшихся в казино и китайские рестораны. Российское кино ответило на приветствие нестройным хором из шести с половиной десятков фильмов — игровых и документальных, детских и не совсем, новых и не так чтобы очень. Игровые картины выпуска последнего года составили треть всей программы, и собственно они в первую очередь могли рассматривать на внимание публики. Именно этот ингредиент фестивального блюда определял съедобность и вкусовые качества «Вивата». (При всем уважении к памяти Ильи Авербаха, 60-летию которого фестиваль посвятил достойную ретроспективу, его фильмы все же последнее время не обделены вниманием телевидения. Преклоняясь перед мужеством наших документалистов и научно-популяристов, позволим себе заметить, что косная публика никогда не проявляла особого рвения приобщиться к их высокому и строгому искусству. Поэтому не следует впадать в экстаз от величия цифр.) «Виват» едва ли виноват в качестве предложенной продукции: чем российское кино богато, тем оно и радо. Судя по программе прошлого года фестиваля, оснований для радости у него было больше. Итак, чем мы богаты? Самый российский режиссер современности Никита Михалков своими «Утомленными солнцем» поделился только с утомленными солнцем фестивалями — сумрачный Петербург, несмотря на

хорошую погоду, его не привлек. А может, у небогатого (материально) оргкомитета не хватило пяти тысяч долларов, которые надо заплатить за показ фильма до начала широкого мирового проката. А может, у богатого (духовно) Никиты Сергеевича были просто другие планы. В результате такого вычитания фестиваль открылся фильмом не младшего, а старшего брата — «Курочкой Рябой» Андрона Кончаловского, которой Ия Саввина отказала во взаимности по причине русофобии сценарной основы. Такой вот сюжет для небольшого рассказа о судьбах российского кино в одной отдельно взятой семье. По сути, фильм Кончаловского, как к нему ни относиться, стал единственным фестивальным событием для питерской публики, если учесть, что «Подмосковные вечера» Тодоровского она уже успела посмотреть. Разве что еще можно добавить «Воздушный поцелуй» Абая Карпыкова, если рассматривать российское кино в границах Российской Империи. Об остальном лучше умолчать: О псевдорелигиозной похабщине «Бездны» Владимира Басова-младшего, о плесневелом «Зефире в шоколаде» Александра Павловского, о доморощенном глубокомыслии дитища Юрия Борисова «Мне скучно, бес» etc. Спасибо, Станислав Говорухин развлек невменяемые народные массы «Криминальной революцией», о которой так много говорили большевики на страницах газеты «Завтрашний день». Как говорится в одном из мультфильмов: маловато будет. Однако о завтрашнем дне говорить обязательно надо: какое кино заслужит «вивата» в следующем году и какой «виват» нужен российскому кино. Затяга эта

вовне здравая, несмотря ни на что. У нас есть фестивали-форумы, фестивали-тусовки, фестивали-призраки, пусть будет и фестиваль-акция. Даже если он не обладает абсолютной ликвидностью, о самоликвидации речи быть не должно.

**Дмитрий САВЕЛЬЕВ,
Кирилл КОПЫЛКОВ**

Отправляйтесь в комнату смеха — вот где потеха

**«Комната смеха»
Театр им. А.С.Пушкина,
реж. Ю.Еремин**

Новый театральный сезон на Тверском бульваре, 23, открылся «Комнатой смеха». Вот и вам, ценители веселого словца, возможность встречи с Аркадием Аверченко — к сожалению, нечастым гостем нашей сцены. Это его повесть «Подходцев и двое других» материализовалась на данных подмоствах при помощи пьесы, созданной Натальей Бородиной и Денисом Филимоновым. «Комната смеха» — это «молодое лицо» пушкинского театра, его самое свежее поколение. Оно впервые показало себя на этой сцене два года назад в «Одном из последних вечеров карнавала», выпускном спектакле курса, руководимого главным режиссером театра Юрием Ереминым. И «Комната смеха», заведомо осуществляемая как «молодежный спектакль», также несет в себе все черты означенного жанра: хаотическая вольность режиссерского вымысла, общий этюдный стиль, легковесная

необязательность трактовок. Впрочем, этот легкомысленный дивертимент (в котором, признаюсь, с немалым трудом можно узнать саму повесть Аверченко) и не претендует на звание фаворита сезона. Его цель — сделать «смешно и занятно» тому среднестатистическому, массовому покупателю театрального билета, ради которого, в общем-то, и существует театр, а не горстке вьедливых театральных знатоков. Эта незатейливость, эта доступность, эта утешительная массовость (рифма, конечно же, — кассовость), начиная с названия пьесы, во всем — в типе юмора, в тоне повествования, в театральном приеме. Грубоватые преувеличения, неопасные заострения, нагромождение неотразимой чепухи и милых недоразумений. Впрочем, сделать сегодня «смешной спектакль для всех» не так-то просто. И если он все же существует, то это вовсе не плохо и кому-нибудь надо.

Ольга ИГНАТЮК

Виртуозная легкость бытия

**«Петербургские сезоны.
Спиваков в Петербурге»
Санкт-Петербургское ТВ**

Это «датская» передача — к первой серьезной круглой дате Владимира Спивакова. Это очень грамотная передача: используя две темы — мотив путешествия героя по городу юности и фрагменты концертов, авторы создали композиционно осмысленное зрелище из простого чередования того и другого. Это очень бесхитростная передача: никаких подтекстов, сложных ракурсов, контрастных монтажных стыков, новых технологий, только фронтальные планы — Спиваков говорит, дирижирует, играет. Очень традиционно, монотонно и даже на грани вежливой скуки. Однако, в случае с данным конкретным человеком, использование любых «примочек», которые довольно часто на телеэкране делают прекрасными и лицо, и мысли, и поступки абсолютных ничтожеств, только бы испортило картину. Спиваков уже сделан без их помощи — природой, породой и работой.

И любая попытка сделать что-то из него иное натолкнется на цельность и сопротивление материала. Маэстро, как все обладатели суперпаблисити, непроницаем и псевдодоступен: иллюзия импровизации, которой отмечено любое его действие — от подмигивания первой скрипке оркестра до демонстрации запонки концертной рубашки, — это результат полного слияния искусства и жизни, когда артистизм перерастает границы профессии. Он артист во всех смыслах этого слова и во всех проявлениях: достаточно посмотреть, как он держит сигарету, чтобы понять, что это рука музыканта; достаточно послушать, как он рассказывает анекдот из своего детства, чтобы убедиться, откуда весь блеск, шик и легкость концертов «Виртуозов». Он артист, и надо видеть, как он отмахивается от прозы жизни — и смычком, и дирижерской палочкой, и стихами, и улыбкой, и томными взорами, и дорогим роелем для мальчика из Севастополя, и той же сигаретой. Это невозможно оценивать, можно только восхищаться. Ему всего 50 лет. Его оркестру — уже 15. Срок его испанского контракта истек. Всем языкам мира он предпочитает русский. Оркестр называется «Виртуозы Москвы». А с днем рождения его поздравил Петербург. На вопрос, вернется ли он в Россию, Спиваков отвечает: я не уезжал.

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Сцена из спектакля «Комната смеха»

Дневник У.

Ворчалки, вопилки, манилки и прочие двигатели прогресса

Жанровая система Винни-Пука
как метод исследования телерекламы

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

Эгоцентричное и слабovolьное «искусство для искусства» перестает интересовать даже присяжных эстетов. Хочется, да и пора бы, увидеть свет в конце туннеля и лес за деревьями: душа просит не обязательно гениальных, но хоть как-то на нее (душу) действующих фильмов, спектаклей, песен (с книгами полегче). Пусть развлекают, отвлекают, поучают, волнуют — неважно что, пусть хоть что-нибудь делают! Привычная ситуация — художник весь выложился, а зритель даже не почесался — невыносима и карается мировым законом сохранения энергии. Надо искать выход.

Существует лишь один вид искусства, которому бездейственность не свойственна по определению. Можно нарочно рассказать несмешной анекдот, как Козьма Прутков или Хармс. Можно написать душераздирающую комедию, как Чехов, оптимистическую трагедию, как Вишневский, или сентиментальный марш, как Окуджава, — эффективность искусства можно толковать по-разному. Она спорна и неоднозначна везде, кроме рекламы.

Никто не пытается нарочно сделать инертный рекламный ролик. Уровень таланта в рекламе так же неоспорим и доказателен, как призовое место в спорте. Будь ты хоть десять раз Феллини, но если потребитель не отозвался на твоё произведение шелестом купюр — иди отсюда. Реклама — работающее, добросовестное и строгое искусство: кто гений, кто не гений — можно высчитать на калькуляторе.

Я не буду обсуждать, в какой степени и в каком виде арифметические доказательства гениальности кор-

ректны по отношению к другим искусствам. Может быть, Стивен Спилберг действительно великий режиссер. Может быть, Дима Маликов и Дмитрий Хворостовский поют примерно одинаково. Может быть, Леонид Брежнев вправду был самым героическим человеком Советского Союза. Меня, повторяю еще раз, заинтересовать рекламой заставила не проблема гениальности, а проблема трудоспособности отечественного искусства.

Всем творческим людям будет полезно узнать, как действуют их коллеги, которым предписано достичь конкретного и проверяемого душевного отклика. Поставив вопрос так, я включил телевизор и в течение довольно долгого времени как ненормальный прилипал к экрану во время рекламных пауз, а когда возобновлялась передача, удалялся анализировать свежие данные. Исследование завершено, и я готов поделиться кратким изложением выводов со всеми, кого это касается. Более подробное семитомное издание выйдет в свет позднее.

Методологической основой исследования является переработанная и дополненная жанровая система Винни-Пука. Я сообщаю это исключительно для того, чтобы продемонстрировать научную добросовестность: в принципе, все было объяснено еще в заголовке. Система Пука отличается особой ясностью и исчерпывающей четкостью отглаженных жанровых определений. Нужно, к примеру, долго объяснять, почему трагедию называют «козлиной песней» (если «трагос» действительно «козел», а не «ива», что тоже возможно). Почему пыxelка называется «пыxelкой», без объяснений поймет любой серьезный деятель науки.

§1. Ворчалки, вопилки и считалки

Это самые примитивные жанры. Ворчалки наименее эффективны: ими часто пользуются для самовосхваления промышленные предприятия, выпускающие что-нибудь полезное, но некрасивое (смазочные масла, гранулированные удобрения, металло-режущие станки и пр.). Уговаривать, обещать, доказывать, не теряя спокойствия, — главный принцип ворчалки. Она, как эзотерическое произведение, рассчитана на узкий круг посвященных. Текст типа «Автогидробензолный подогреватель вдове увеличит надежность прерывателя в вашем накопителе» оставит равнодушным большинство, но у человека с капризнозначущим прерывателем глаза должны просиять неземным счастьем.

Ворчалка просто обязана быть неброской, чтобы не раздражать людей, внутренне еще не готовых к ее восприятию. Опыт ворчалок обязаны учесть на будущее художники и критики, продолжающие заниматься элитарным искусством: слишком многое уже загублено избыточным энтузиазмом и широковещательностью.

Нудность и сдержанный оптимизм хорошо сделанной ворчалки создают ощущение добропорядочности и солидности. Ее подтекст: «Мы не претендуем на изыски, как другие. Мы простые люди, занятые своим делом, поэтому нам можно верить».

Благодаря своей эффективной неэффективности ворчалка легко перешагнула из промышленности в торговлю и ростовщичество, где достигла подлинного академизма. Образцовую ворчалку выпустил недавно концерн «Гермес»: в ней стилизованы дикторские интонации эпохи не то зрелого, не то развитого социализма (нечто среднее между Левитаном и Кирилловым). Подсознательно возникает такое чувство, будто акции «Гермеса» обеспечены всем богатством одной шестой части суши.

Считалка по своей сути — та же ворчалка, только с цифрами, гипнотизирующими телезрителя. Она псевдоэлитарна («К сведению акционеров АО «МММ»...») — говорится ведь как раз для тех, кто еще не омавродился) и парадоксальна по своей природе. Цифры появляются на экране именно потому, что запомнить, какой из банков и фондов сулит больше, решительно невозможно. Подсознание реагирует не на количество процентов, а на их наличие — так же, как идеальный зритель соловьевской «Чайки», которому не должно быть никакого дела до смысла пьесы. Поэтому рекламная кампания «Телемаркета», где цифры принципиально не называются («Ты купил всего пять? — Нет, больше! — Какой ты умный!»), отнюдь не издевательство над «теми, кто умеет считать», а логический предел жанра.

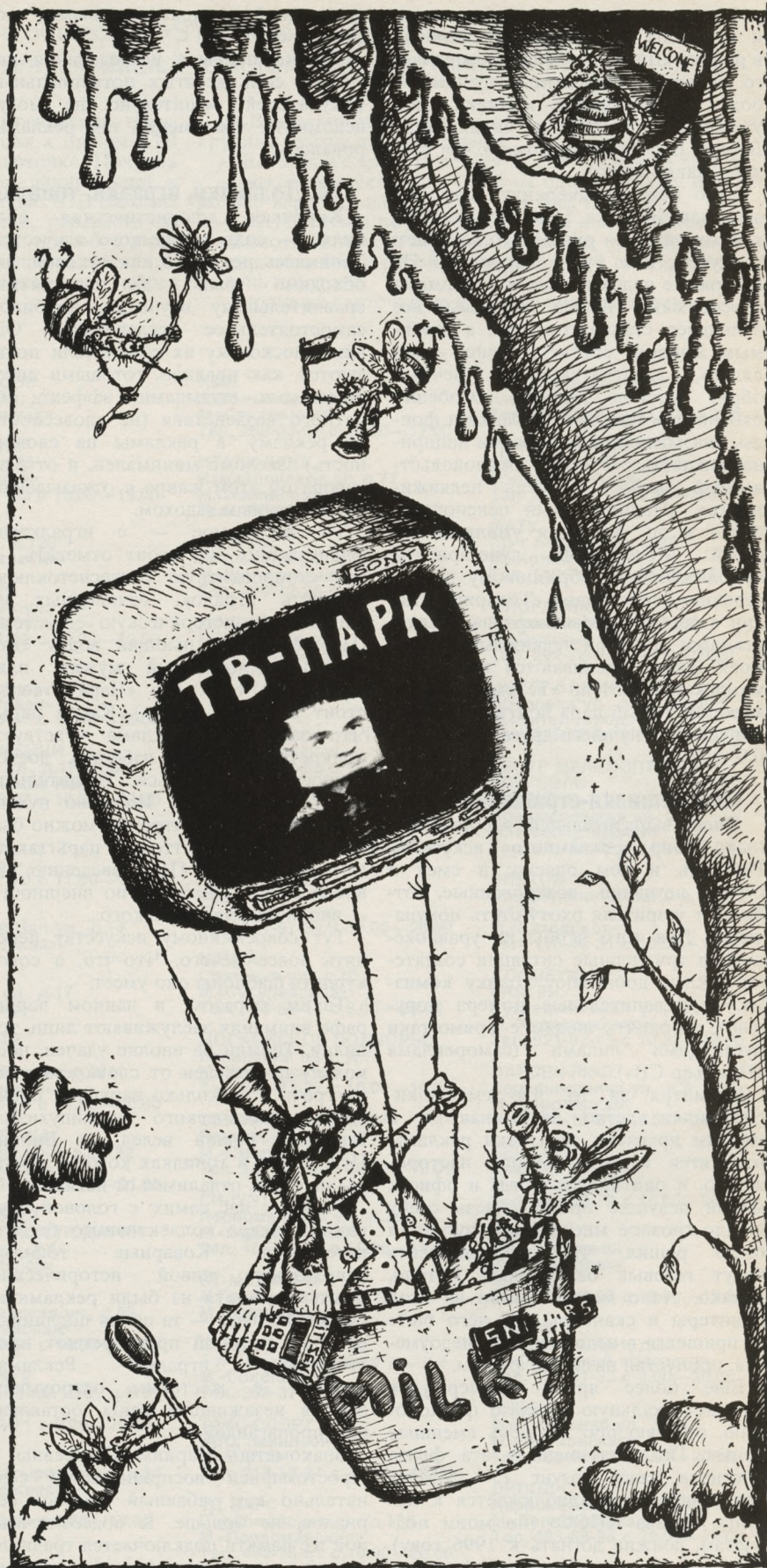
Вопилки, как правило, восхваляют всякую чушь, очень дешевую (Хершикола «Сидоров-3», цветные горошины. «Попробуй, как вкусно», жвачка) или очень дорогую (ночные рестораны, дискотеки, круизы). Анализ вопилок показывает, что сознание «новых русских» и малолетних должно обрабатываться одними и теми же средствами. Термоядерного энтузиазма для них никогда не бывает слишком много, а здравого смысла — слишком мало, главное же — чтобы все было ярким и ритмичным. Вопилки, рекламирующие продукцию развитых капитран, отличаются от отечественных большей соблазнительностью картинок. Некоторые из них поэтому можно отнести к смежному жанру «вопилки-манилок», в России не прижившемуся.

§2. Манилки и умилялки

Оба жанра построены на принципе густой лакировки действительности. Они показывают нам жизнь, в которой исполнились или готовы исполниться все желания, равно свойственные человеку и животному.

Ценность товара, рекламируемого манилкой, не имеет ни малейшего значения. Шоколадка «Баунти» или квартира от Соцжилстроя одинаково вызывают чувство абсолютного счастья у красивых, улыбкающих и хорошо одетых людей на телеэкране. Манилка работает по принципу отождествления и предлагает не конкретную продукцию или акцию, а заманчивый образ жизни. Естественно, русские манилки в целом гораздо неприязнательней западных («Богатства не обещаем, достаток гарантируем» — как выразилось «Росзолото», рекламирующее себя в жанре «долбилки»). Попытки соблазнить потребителя несусветной

АЛЕКСАНДР ЗАЯЦ

роскошью в нашей рекламе единичны и неудачны. Трогательные старички в ролике «Диго» — «дела, проверенного временем» (вероятно, будущим), — более эффективная манилка, чем утопающий в благах цивилизации Леонид Броневой (не помню, чья реклама, давно было).

Надо особо подчеркнуть: там, где западная манилка говорит: «смотри, как хорошо!» — русская уговаривает: «подумай, как будет хорошо...». На настоящее надежд мало, и любимыми персонажами нашей рекламы все очевиднее становятся дети, а любимым жанром, соответственно, «умилялка», эксплуатирующая вечный образ детской радости. Особенно охотно ими пользуются банки и фонды, указывающие в названии на принадлежность: «Русский продовольственный банк», «Русская недвижимость», «Национальный пенсионный банк» и др. Хорошая умилялка по своей агрессивной лучезарности приближается к образцовому произведению соцреализма «Товарищ Сталин с девочкой Мамлакат на руках»: рекламы «Русской недвижимости» по моей шкале оцениваются в 0,7—0,8 мамлакат, а шедевр «Телемаркета», в котором умный папа почти точно копирует позу лучшего друга детей, — в 0,9.

§3. Смешилки-страшилки

Очень выразительный и оригинальный жанр рекламного искусства. Работать в нем опасно: и смех и страх, неудачно дозированные, отбивают у зрителя охоту стать покупателем. Для того чтобы их уравновесить, в триллерные ситуации создатели реклам добавляють толику комизма, а увеселительные номера поручают исполнять людям с прямо-таки пугающими лицами (самореклама «Премьер СВ»).

Несмотря на то, что смешилки-страшилки легко запоминаются и многим нравятся, заказчики рекламы относятся к этому жанру настороженно, и они правы. Когда в офис к милой девушке прямо сквозь стену вошло грозное мистическое пугало, я было решил, что рекламировать будут газовые баллончики. Пугало, однако, стало метать прямо на стол принтеры и сканнеры. «С чего бы?» — пришел я в недоумение и, недоумевая, пропустил название фирмы.

Еще более яркий пример: все помнят нахальную толстую физиономию, орущую про «о-очень смешные цены». По цитат-индексу эта фраза обогнала даже лозунг «У «МММ» нет проблем» и приближается к лозунгу «Слава КПСС» (по моим подсчетам, должна догнать к 1996 году). Это подлинный образец эффективной,

доходчивой и яркой рекламы, по-больше бы таких.

Однако полевые исследования показали: семь десятых потенциальных покупателей решительно не могут вспомнить: **что именно** там рекламировалось?

§4. Долбилки, игралки, топилки

Короткая афористическая долбилка — соль рекламного искусства. Занимаясь рекламой как таковой, необходимо было бы посвятить сравнительному изучению долбилки самостоятельное исследование. Однако, поскольку их сочинители пользуются, как правило, готовыми литературными штампами, эффект обратного воздействия (не словесности на рекламу, а рекламы на словесность) заведомо минимален, и от разговора об этом жанре я отказываюсь с облегченным вздохом.

То же самое — с игралками. Единственно, что стоит отметить, — это стопроцентную развесистоклюквенность игралок, сочиненных на национально-историческую тему (Царь-батюшка, пьющий водку «Демидов», волосатый мужик, пляшущий от того, что «Чара» твердо стоит на ногах, и пр.). Какой царь? Что за танец? Реклама чувствует: конкретности надо избегать, достоверности — опасаться. Убедительны лишь общие места. Историю нужно стереть в жвачку, чтоб ею можно было пользоваться, оттого и царь такой: ну-вообще-царь. По поведению — вроде Ивана Грозного, по внешности — вроде Василия Шуйского...

Тут современному искусству пережить вовсе нечего. Что-то, а совоклять шаблоны оно умеет.

Таким образом, в данном параграфе внимания заслуживают лишь топилки. Термин не вполне удачен, поскольку произведен от слова «топика» (др.греч.) и несколько нарушает принципы классического виннипухизма. Впрочем, решив вслед за Винни-Пухом, что в топилках кого-то топят, мы не очень отдалимся от истины.

Топят — нас самих: с головой окунают в недра коллективного бессознательного. Коварные топилки используют живой исторический опыт, формируя из былой рекламную сказку. Их база — та самая подлинная история, которой пренебрегают простодушные игралки. Реклама-топилка с жестоким остроумием бьет в незажившие раны, оставленные пропагандой.

Знакомство Марины Сергеевны с Простомарией воспринимается сознательно как забавный симбиоз сериалов, не больше. К подсознательной же памяти подключается традиционный пропагандистский канон:

«Визит партийного вождя в дом простого советского человека». Это бьет навзлет, причем совершенно незаметно.

Более грубый ход — письма в «МММ», публикуемые «Курантами», «Известиями» и, наверное, не ими одними. Здесь сходство с газетными письмами по адресу Пастернака, Солженицына и много еще кого слишком уж бросается в глаза: слава Богу, что над полосой честно стоит слово «реклама».

После такой кампании народные массы не могли не отреагировать на арест Мавроди в лучших советских традициях: демонстрации под лозунгом «Пролетевшие всех стран, соединяйтесь!», с детства памятное «Руки прочь от...» и все прочее — формы протеста, подсказанные подсознанием. При этом никто, кажется, не спрашивает, совершил он что-либо противозаконное или нет. Но это, видимо, уже сознание подсказало: не надо задавать лишних вопросов.

Мы рассмотрели основные жанры рекламного искусства. Я, правда, собирался добавить к девяти имеющимся десятый: иррационалки. Привести в пример можно было бы рекламы «Империала» с анекдотами из всемирной истории. Что означает притча об Александре Македонском? Что банк собирается уничтожить все накопленное, дабы потом завоевать полмира? А звезда Суворова — что всем нам придется постыдиться, пока председателю «Империала» не вручат какой-нибудь орден? Вообще, что-нибудь означает что-нибудь или нет?

Должно быть, рекламщики-империалисты рассуждали так: обещаниям люди не верят, посулами не соблазняются, поэтому будем действовать по принципу «В огороде бузина, а в России — business». Дескать, вот красивый факт. А вот красивый банк. Ну?

А что — ну? Что умом Россию не пронять — это с 1866 года известно.

Собственно, на этом основании я и жертвую круглой цифрой, а изготовители рекламы — человеческой логикой. Нет жанра рекламы, которому иррациональность не была бы присуща, и, таким образом, главный практический вывод моего исследования, который нужно усвоить всем творцам прекрасного, прост, краток и всем известен без меня: хотите действовать — перестаньте умничать.

Разумеется, после этой фразы мне остается только поставить точку.

Уважаемые дамы и господа!

Акционерное общество «STB Card» поздравляет Вас с приобретением нашей пластиковой карточки!

Мы публикуем адреса и телефоны московских предприятий торговли и сервиса, принимающих к оплате STB Card. Но для начала немного о самой карточке. Получив STB Card, Вы автоматически открываете личный счет в банке, который выдал карточку. С помощью STB Card вы сможете, не затрачивая серьезных усилий, перевести со своего счета деньги за покупку в магазине, или обед в ресторане, или турпоездку... И снять необходимую сумму наличными в отделениях (филиалах) банков или через круглосуточно работающие банкоматы.

STB Card лучше, чем деньги. Чем?

— Владельцу карточки не обязательно иметь при себе крупные суммы наличных денег;

— Вы можете хранить деньги на счете в любой валюте;

— открыть несколько счетов на одну карточку или несколько карточек на один счет, как Вам удобней;

— расплатиться по STB Card можно как в рублевых, так и в валютных точках торговли и сервиса, причем при оплате в валюте Ваши рубли конвертируются по курсу ММВБ на день покупки;

— пропaja карточки не является потерей денег.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ:

АГАТ
Б.Сухаревская пл., д. 16/18
М.«Сухаревская»
Тел. 208-04-72 с 10.00—19.00

АКВАМАРИН
Авиамоторная ул., д.5
М.«Авиамоторная»
Тел. 361-38-42 с 10.00—19.00

АЛМАЗ
Столешников пер., д.14
М.«Кузнецкий мост»

АМЕТИСТ
Ташкентская ул., д.18-1
М.«Выхино»
Тел. 376-67-70 с 10.00—19.00

БЕРЕЗКА № 2
Краснохолмская наб., д.5/9
М.«Таганская»
Тел. 271-92-71 с 9.00—20.00

БЕРЕЗКА № 47
Тверская ул., д.12
М.«Тверская»
Тел. 229-97-85 с 10.00—19.00

БИРЮЗА
Садово-Спасская ул., д.21
М.«Красные Ворота»
Тел. 924-36-89 с 10.00—19.00

ДИАДЕМА
Б.Полянка ул., д.55
М.«Полянка»
Тел. 238-43-11 с 11.00—19.00

МАЛАХИТОВАЯ ШКАТУЛКА
Новый Арбат ул., д.6
М.«Арбатская»

МАСКА
Арбат ул., д.35
М.«Арбатская» с
10.00—20.00

МИРОФОРДИС
Кутузовский пр-т., д.18
М.«Киевская»
Тел. 243-45-41 с 9.00—20.00

МОНОМАХ
Покровка ул., д.28/2, корп.3
М.«Китай-город»
Тел. 297-68-25 с 10.00—19.00

ОЛБИ ДИПЛОМАТ
Арбат ул., д.29
М.«Арбатская»
Тел. 241-72-64 с 10.00—20.00

ПОДАРКИ
Тверская ул., д.4
М.«Тверская»

РОСКОШНАЯ ОДЕЖДА
Новослободская ул., д.20
М.«Менделеевская»
Тел. 258-06-41 с 11.00—20.00

РУБИН
Ленинградский пр-т, д.78
М.«Сокол»
Тел. 152-36-94 с 10.00—19.00

САЛОН ЧАСОВ
Петровка ул., д.8
М.«Театральная»

САМОЦВЕТЫ
Арбат ул., д.35
м. «Арбатская»
Тел. 241-07-65 с 10.00—19.00

САПФИР
Мира пр-т, д.120
М.«Алексеевская»

ТД КОРАЛЛ
Делегатская ул., д.3
М.«Цветной бульвар»
Тел. 925-12-62 с 10.00—19.00

ТИК-ТАК
Никольская ул., д.10
М.«Театральная»
Тел. 924-43-47 с 10.00—19.00

ЦВЕТНЫЕ КАМНИ
Берзарина ул., д.17, корп.2
М.«Октябрьское поле»
Тел. 192-89-73 с 10.00—19.00

ЮВЕЛИЯ
Тверская ул., д.17
М.«Тверская»
Тел. 956-77-70 с 11.00—20.00

ЯНТАРЬ
Грузинский Вал ул., д.14
М.«Белорусская»

ЯХОНТ
Пришвина ул., д.17
М.«Бибирево»

БИЖУТЕРИЯ
RULADA
Кутузовский пр-т, д.27/1
М.«Кутузовская»
Тел. 243-48-68 с 11.00—20.00

ВЕНЕЦ ПАРИЖА
Кутузовская пр-т, д.30/32
М.«Кутузовская»
Тел. 249-19-53 с 11.00—21.00

ПАРФЮМЕРИЯ
CHRISTIAN DIOR ПОДАРКИ
Тверская ул., д.4
М.«Театральная»

SANA
Н. Первомайская ул., д.85
М.«Первомайская»
Тел. 464-12-54 с 10.00—20.00

БЕРЕЗКА № 2
Краснохолмская наб., д.5/9
М.«Таганская»
Тел. 271-92-71 с 9.00—20.00

БЭМБИ
Краснобогатырская ул., д.31
М.«Преображенская
площадь»
Тел. 964-06-48 с 9.00—19.00

ВЕНЕЦ
9-я Парковая ул., д.68
М.«Щелковская»
Тел. 164-94-01 с 9.00—20.00

ИМИ
Стромынка ул., д.2
М.«Сокольники»
Тел. 268-63-08 с 10.00—17.00

ИТАЛИ ШОП
Измайловское ш., д.71
М.«Измайловский парк»
Тел. 166-58-63 с 9.00—21.00

КАМИЛА
Уральская ул., д.6, корп.1
М.«Щелковская»
Тел. 466-42-38 с 10.00—18.00

КОНВЕРТЕХ
ВВЦ, павильон
«Центр-Москва»
М.«ВДНХ»
Тел. 974-92-73 с 10.00—19.00

МАНОН
Ленинский пр-т, д.13
М.«Октябрьская»
Тел. 237-31-66 с 10.00—19.00

МАРИО ВАЛЕНТИНО
Варварка ул., д.3
М.«Китай-город»
Тел. 298-35-11 с 10.00—20.00

МЕНДЕ-РОССИ
Арбат ул., д.42
М.«Смоленская»
Тел. 241-97-34 с 11.00—20.00

МЕЧТА
Сретенка ул., д.15
М.«Сухаревская»
Тел. 928-62-14 с 9.00—20.00

МОСКОВСКОЕ ПОДВОРЬЕ
Ленинский пр-т, д.70
М.«Университет»
Тел. 930-73-27 с 10.00—19.00

ОБУВЬ-САЛАМАНДЕР
Ростовская наб., д.5
М.«Смоленская»
Тел. 248-65-26 с 10.00—19.00

СИЛУЭТ
Первомайская ул., д.39
М.«Первомайская»
Тел. 465-26-01 с 10.00—19.00

СТ-МЕДФАРМ
М.Грузинская ул., д.29
М.«Баррикадная»

СУНА
4-я Сокольническая ул., д.2
М.«Сокольники»
Тел. 268-37-20 с 9.30—18.00

ТАИС-СПОРТ
ВВЦ, павильон 2
М.«ВДНХ»
Тел. 216-13-81 с 10.00—18.00

ТД БАРС
Первомайская ул., д.106
М.«Первомайская»
Тел. 465-58-81 с 10.00—20.00

ТД КАПРИЗ
Бухвостова ул., д.12/11

М.«Преображенская
площадь»
Тел. 962-02-11 с 11.00—19.00

ТД ПЕРОВСКИЙ
Свободный пр-т, д.33
М.«Новогиреево»
Тел. 300-60-10 с 9.00—20.00

ФАТК
Пр-т Андропова, д.48
М.«Коломенская»
Тел. 112-75-47 с 11.00—19.00

ФЛОРАННА
Тверская ул., д.4, корп.1
М.«Охотный Ряд»
Тел. 292-76-94 с 9.00—19.00

ЦЕНТР ВАЛЕНТИНА
Покровка ул., д.2/1, корп.1
М.«Китай-город»
Тел. 928-70-84 с 10.00—21.00

**ЦЕНТР МЕЛКООПТОВОЙ
ТОРГОВЛИ**
«РОДИТИ»
Новокузнецкая ул., д.1
М.«Новокузнецкая»
Тел. 231-40-09 с 9.00—19.00

ЭЛЕКОМ
Симферопольский б-р,
д.17а
М.«Каховская»
Тел. 110-49-31 с 10.00—19.00

КОСМЕТИКА
FRATINI
Кузнецкий мост ул., д.14
М.«Кузнецкий мост»
Тел. 921-82-05 с 10.00—19.00

GARDEN RING
Серафимовича ул., д.2
М.«Боровицкая»
Тел. 230-12-61 с 9.00—21.00

RED LINE
Красная пл., д.3
М.«Театральная»
Тел. 926-32-70 с 10.00—20.00

БРИДЖ
ВВЦ, павильон
«Металлургия»
М.«ВДНХ»
Тел. 181-99-56 с 10.00—18.00

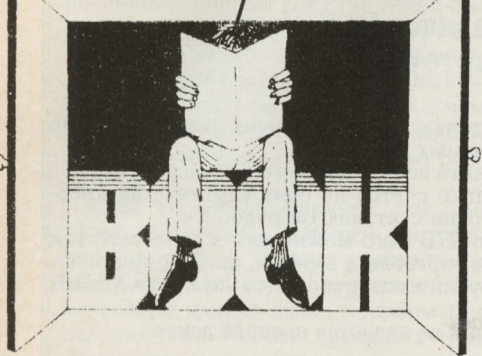
ВАРНА
Ленинский пр-т, д.34
М.«Ленинский проспект»
Тел. 137-61-33 с 9.00—20.00

ВЕНЕЦ
9-я Парковая ул., д.68
М.«Щелковская»
Тел. 164-94-01 с 9.00—20.00

ДИПОЛ-С
Первомайская ул., д.60
М.«Первомайская»
Тел. 463-68-96 с 10.00—19.00

Сиреневый б-р, д.63
М.«Щелковская»
Тел. 463-68-96 с 8.00—19.00

Антресали

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Писать о книгах издательства «Республика» — все равно что анализировать продукцию спичечной фабрики «Гигант». «Гигант» — он и есть гигант. База, кадры, авторитет, былой монополизм, привычная добротность и неизбежность. Ругать «Республику» так же интересно, как поносить советскую власть. Критикам не дает покоя несокрушимость и флегматичность издательства, шлепающего свои книги на одной и той же сероватой бумаге, одним и тем же тиражом, небрежно продающего их оптовикам (надо платить долги, хотя «Республике» задолжали в пять раз больше), короче, о бывшем «Политиздате» всегда есть что сказать. Тем более что за лето издана куча книг, которые успешно продаются в новом магазине «Республики» (прямо в здании издательства на Миусской площади). Мы расскажем о самых интересных.

Book of the month

Силуэты, потеснившие портреты

В последнее время о Юлии Айхенвальде знали прежде всего как о деде Юрия и пассажире «философского парохода» 1922 года. В былые же годы он был известен как великолепный переводчик Шопенгауэра и лучший литературный критик (таковым его считали Зайцев и Франк, Белый же отзывал работы Айхенвальда «повидлом»).

Эту противоречивую славу принесли ему «Силуэты русских писателей», три выпуска которых не раз переиздавались в начале века и только сейчас впервые собраны под одной обложкой присяжным «эмигрантоведом» «Республики» Вадимом Крейдом. С гениями Айхенвальд расправляется куда эффективнее и элегантнее, чем Вайль с Генисом (и уж если что рекомендовать школьникам — то, конечно, первого); при этом современник классиков и классик совре-

менности чурается биографий и занят исключительно произведениями. Стрелы его жестости, но всегда аргументированны; то, что сегодня стало общим местом, тогда пахло скандалом; интересно, что именно те «недостатки» классиков, которые наметил Юлий Исаевич, как раз и стали «общим местом»:

— Бальмонт многословен («превращает свои стихотворения в набор слов»);

— Брюсов — преодоленная посредственность («больше побеждает, чем победил»);

— Соловьев слишком много хихикает («Мистик не должен бы смеяться, ибо в глубине что же смешно?»).

И т.д. (Что касается «т.д.» — в серии «Прошлое и настоящее», открытой Айхенвальдом, планируется том литературоведческих работ Константина Мочульского.)

Book-axu

Простой способ получить нагоняй от газеты «Сегодня»

Запустив два собрания сочинений, «Республика» предусмотрительно отказалась нумеровать тома: нам не дано предугадать, где наше слово оборвется.

Первый том Розанова капитально разнес в «Сегодня» Евгений Барабанов: за несоблюдение авторской воли, за жалкое оформление, за лицемерное предисловие и за

отождествление автора с соавителем. Обидно, конечно: Розанова издано уже много, и ждешь фундаментального ПСС, — а тут почти культпросвет.

Но, с другой стороны, что мне Николюкин? Слава богу, что держишь в руках «Итальянские впечатления» и «По Германии» — блестящие тексты! Пусть, кто может, сделает лучше. Но едва ли кто-нибудь, кроме Николюкина, на это сейчас способен.

Иная ситуация с Белым: академическое собрание сочинений в 20 томах давно уже готовит Александр Лавров в «Северо-Западе». Там будет громадный комментарий: ведь Белый, может, единственный писатель Серебряного века, каждую строчку которого надо объяснить: с кем полемизирует, кого цитирует, на что на-

мекает. «Республика» же всем этим пренебрегла: комментарий В.Пискунова скромнен и куц, предисловие уныло, иллюстраций нет вообще, авторский проект опять-таки не востребован, да, кроме того, ужасает полиграфия: одно стихотворение вполне может быть распечатано на двух страницах совершенно разного качества!

Написав в предисловии, что «сегодня беловедение... не готово к тому, чтобы предложить читателю полное академическое собрание сочинений», Пискунов подтвердил слово делом и выступил — вольно или невольно — могильщиком буржуазии; свой 20-томник «Северо-Запад» откладывает на неопределенный срок...

Бяки и booku

Ну, чем тебе потрафить, мой кузнечик?

Если «Республика» — клиент Модеста Колерова, то «Художественная литература» — вотчина Андерса Немзера. И вовсе не из-за того, что «похоронила» две его книги. А просто потому, что «Худлит» — наше вроде как главное издательство, а Немзер — наш, вне сомнения, главный критик. Писать после него — все равно что нырять в сухой бассейн:

все вычерпано. Немзер — клиент интеллигента: если хвалит — значит, действительно хорошо; если ругает — все равно хорошо, потому что обратил внимание.

Поэтому нам остается только присоединиться к хвалам, возданым издательству за двухтомник «Арзамаса». Вышедший под редакцией В.Ваууро и А.Освата при

поддержке Фонда Сороса, он реализовал идею умершего семь лет назад знаменитого филолога Максима Гиллельсона: здесь вся история легендарного сообщества в мемуарах, переписке, протоколах, речах, посланиях и эпиграммах плюс отличное предисловие и комментарии.

...«Худлиту» последнее время доставалось крепко, но за лето Георгию Анджапаридзе удалось потрафить, кажется, всем. Наконец-то возобновились собрания сочинений: вышел второй том Гофмана (с «Эликсирами дьявола» и

«Ночными этюдами»), третий том Куприна и первый том Ильфа и Петрова. На фоне открытой халтуры издательства «Дрофа», которое без всяких изменений перекадало старый гослитовский пятитомник, «худлитовский» Ильф и Петров смотрится пристойно. Традиционно хорошая бумага, скромные комментарии, мирное предисловие (учинявшая бучу в стане ильфо-петрововедения Людмила Сараскина даже не поминается) плюс восстановленные купюры в «Светлой личности»...

Как много в этом booke!

Бальзам на наши души, и SOS все глуше, глуше

Главный козырь «Худлита» — новая серия мемуаров из коллекции рукописей Бахрушинского музея. Две славные пухлые книжечки в красивых переплетах «старосоветского» вкуса, с кучей иллюстраций, комментариями, именными указателями... Короче, тряхнул старинной «Худлит».

Первая — «Воспоминания» Юрия Бахрушина, сына мецената. Написанные в 1941—1955 годах, они забавно сочетают как трепетный пиетет перед старую Москвой, так и вполне советские настроения («Заранее предвижу, что меня

будут упрекать в идеализации прошлого» — так книга начинается). Идеализации, конечно, далеко до шмелевской, но богатейшая фактура и живые лица москвичей делают книгу бесценным памятником славному роду.

Вторая книга в два раза тоньше: это «Автобиография» Прасковьи Орловой-Савиной. Партнерша Щепкина и Мочалова, она вспоминает аж 500 своих друзей и знакомых, рассказывая о каждом с домашней нежностью и неброским юмором.

Bookварь

Как много ласковых имен

Назовете ли вы хотя бы 48 русских писательниц? А 448? Именно столько насчитали составители великолепного «Словаря русских писательниц» («Dictionary of Russian women writers»), только что вышедшего в издательстве «Greenwood». Его авторы: Марина Ледковская, профессор русской литературы Колумбийского университета, Шарлотта Розенталь, сотрудник университета Юж. Майна, и Марина Зирин, издатель и переводчик из Калифорнии.

Здесь краткие биографии, меткие характеристики творчества плюс библиография. Первой русской писательницей названа Наталья Долгорукова (1714—1771), автор первых в России женских мемуаров, самый юный персонаж словаря — Лена Ловер, 1967 года рождения. А между ними: Башкирцева и Садур, Долина и Алигер, Нарбикова и Чарская, Блаватская и Миркина, Коллонтай и Черубина де Габриак, Улицкая и Гуро, Триоле и Седакова (увы, пос-

ледний толстый сборник Ольги Александровны в «Словарь» не попал).

Одно мелкое неудобство: все это великолепие на английском языке.

Bookлажан

А где же тещи, бабушки, где Арина Родионовна?

...Наблюдается легкий крен «Республики» в сторону изящного. В пику «Радуге», тиснувшей только что очередного Перрюшо («Таможенник Руссо» плюс «Воспоминания торговца картинами» Амбруаза Воллара), «Республика» выпустила знаменитый на Западе роман Пьера Ла Мура «Мулен Руж: трагическая жизнь Тулуз-Лотрека». Написан он полвека назад, на русский переводится впервые, хорошо оформлен, вот только обилие диалогов сеет определенное недоверие...

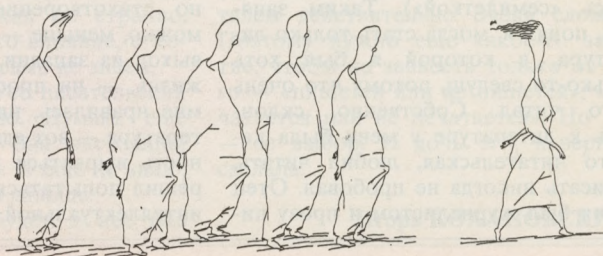
Решила «Республика» перецементировать и другое издательство — «Искусство», выпустившее в прошлом году сборничек изящных эссе шведской писательницы Герд Реймерс «В тени гениев». Книга Н.Дубинского «Женщина в жизни великих и знаменитых людей» издавалась последний раз в 1900 году и олицетворяла вполне патриархальную установку, логично завершающуюся тезисом «все бабы — дуры». Если Дубинский и снисходителен к тем, чье имя «вероломство», то ограничивается скудными биографическими сведениями. Вот, например, статья о личной жизни Баха (приводим ее целиком):

«Бах был дважды женат, и оба раза счастливо. Его первая жена была прекрасной хозяйкой. Он прожил с ней тринадцать лет в полном согласии. Через короткое время после ее смерти он женился

вторично. Вторая жена понимала толк в музыке, переписывала его ноты, с удовольствием слушала его сочинения и часто помогала ему в работе. О домашних концертах забавились дети Баха, которых было двадцать».

Во как повезло композитору! А вот жена Шекспира была «сварлива» (при этом Дубинский сомневается в самом существовании драматурга); подлая Гарриет не хотела стирать носки Шелли; несчастный Катулл влюбился в «порочную» и «безнравственную» Лесбию (о лесбиянстве Дубинский проговаривается глухо: Лесбия изменяла Катуллу «с другими»); Байрон чрезвычайно близок автору тем, что презирал как женщин, так и свою родину («Мы, как и он, не любим своекорыстной Англии...»).

Но больше всего достается современнику Дубинского — Верлену. Пьянице, развратнику, гомику и скотоложцу. «Кем был Верлен? К чему стремился? Каковы были его задушевные мечты?» — восклицает автор, сумевший объединить в своем опусе литературоведение, донос и проповедь. Однако в благочестивой России книга была популярна, чему подтверждением явный плагиат Анны Ахматовой; читаем у Дубинского: «...тем не менее поэзия (Верлена. — *Н.М.*) нашла себе питательную почву и возшла паразитическим цветом, как всходят иногда чудные цветы на мусорных ямах».

АЛЕКСЕЙ ЧЕРВЯКОВ

Владимир ВОЙНОВИЧ: «Никогда не думал, что стану отцом немецкой поэтессы»

История о том, как советская власть выпихнула на Запад Владимира Войновича и его семью, достаточно известна. Но вряд ли известны последствия этой истории, побудившие писателя сказать однажды фразу, вынесенную в заголовок данной беседы. Кстати, фраза эта нуждается в уточнении: вместо слова «поэтесса» следует поставить «прозаик»...

Два года назад в известном Мюнхенском издательстве «Пипер ферлаг» вышла повесть 18-летней выпускницы гимназии Ольги Войнович «А мы бы бросали красные розы из окна...».

Восприятие самим писателем и его женой Ириной Войнович (филологом, выпускницей пединститута им. Н.К.Крупской, преподающей ныне в Мюнхенском университете русский язык и ведущей семинар по литературе) этого события и всего, что с ним связано, — вот вкратце тема беседы, которая, конечно же, не могла закончиться без традиционного вопроса «над чем работаете». Ответом стал публикуемый отрывок из недавно законченного автобиографического романа «Замысел».

— *Вопрос, что называется, «от печки»: с чего — если сравнивать — начинали вы и с чего начинала Оля?*

— Тут у меня с дочерью все абсолютно по-разному. В отличие от нее, прежде чем писать, я прошел, как говорится, большой жизненный путь. Был ремесленником, столяром, работал в колхозе, служил в армии. И перед демобилизацией с ужасом думал о том, чем же я буду заниматься на «гражданке». Свою профессию — столяра — я тогда очень не любил (полюбил только сейчас). И все искал для себя какое-то интеллектуальное занятие, которое бы не требовало формального образования (к тому времени образование мое ограничилось «семилеткой»). Таким занятием, понял я, могла стать только литература, в которой я был хоть сколько-то сведущ, потому что очень много читал. Собственно, склонность к литературе у меня была какая-то читательская, любил читать, но писать никогда не пробовал. Отец у меня был журналистом и прозу пи-

сал. И стихи. А когда я в двадцать с лишним лет начал, как говорится, «пробовать перо», это было что-то ужасное. Если бы мне сейчас показали сочинения подобного рода, я бы посоветовал их автору бросить это занятие, потому что это совершенно не его дело.

Начал я со стихов. Но, конечно, это были не стихи, а что-то, повторяю, ужасное. Я отдавал себе в этом отчет. Но просто решил набить руку на словотворчестве. Когда я поставил перед собой такую задачу, то фанатично впал в это дело. Сначала заставлял себя писать. Решил, что буду сочинять в день по одному стихотворению. Пусть плохому, но не меньше, чем одно стихотворение в день. Больше можно, меньше — нет. В этом я видел выход из западни, куда меня загнала жизнь, — ни профессии, которая бы мне нравилась, ни образования... Литература — вот единственная возможность вырваться из этого тупика. Я решил попытаться найти себя в этой интеллектуальной профессии —

скорее всего, от осознания бесперспективности своего дальнейшего развития. Возможно, что-то в генах было заложено, так как помимо отца еще какие-то предки тоже были литераторами. Короче, естественного побуждения к писательству поначалу у меня не было. Оно пришло постепенно, когда стали получаться стихи, когда потом я перешел на прозу.

А у дочери моей наоборот. Желание что-то сочинить проявилось у нее уже в четыре года, когда она, помню, придумала такие детские стихи:

*Жук жужжит, жужжит пчела
перед носом у осла.
А осел так громко плачет,
словно курица кудачет.*

Конечно, это детская игра. Многие в этом возрасте сочиняют подобное и перевирают слова — «кудачет» вместо «кудачет». Но очень скоро она уже придумала сказку, которую я привожу в своей книге (мой единственный плагиат). Вот эта коротенькая сказка:

«Жил-был слон. Однажды он встретил волка. Волк говорит: «Слон, можно я тебя укушу?» «Нельзя», — сказал слон и пошел целый». В этом уже видно пусть детское, но художественное воображение. Как-то мы ехали в машине — я за рулем, они с женой сзади. Вдруг Оля говорит: «Мама, сначала была земля». Я услышал и думаю, надо же, прямо как в Библии — «В начале было слово...». «А потом, — продолжает дочь, — возникло небо. Потом на небе появились тучи, потом пошел дождь, потекла вода, и люди стали купаться». По-моему, замечательное сочинение. Для нее, конечно, это была игра, которая продолжалась до семи лет. Затем был перерыв, связанный с нашим отъездом в Германию. Оля пережила очень большую ломку. Представляете, ребенок идет первый раз в школу, учительница вводит ее в класс и говорит: «Дети, эта девочка приехала из России, она не знает ни одного немецкого слова».

Сначала ей было очень трудно. Но к девяти годам она уже свободно говорила по-немецки. А заканчивала гимназию лучшей ученицей по немецкому языку.

— **А что она впервые сочинила по-немецки?**

Владимир Войнович: Какое-то стихотворение. Да, она начала тоже со стихов. Я подумал, что это продолжается та же давняя игра «в слова», только на другом языке. Но когда увидел, что это всерьез...

Ирина Войнович: Обычно Оля говорит: «Мама, я написала стихи, послушай». И каждый раз словно застает меня врасплох. Ведь чтобы оценить услышанное, надо очень чувствовать язык. И вот как-то она прочла нам свои новые стихи, и Володя сказал с недоумением: «Вот уж никогда не думал, что стану отцом немецкой поэтессы...» Но сейчас она пишет прозу. Уже вторую книжку, которая пока мне нравится меньше, чем первая...

— **А о чем была первая?**

В.В.: О русской девочке, которая учится в немецкой школе, живя в Америке. Книга очень автобиографична. Родители героини увозят ее из России в Германию. Через полтора года, когда девочка вроде бы попривыкла к новой обстановке и освоила новый язык, родители уезжают с ней на год в Америку, где опять все чужое. У героини, естественно, возникает неприятие такой столь частой для ее возраста перемены мест. Тем более это накладывается на типично юношеский антагонизм переходного возраста. Короче, это история о том, как трудно становиться взрослой. Но, честно говоря, я хотел бы, чтобы у нее была другая профессия. Я в какой-то степени разочарован в писа-

тельстве как таковом. Я всегда был уверен, что литература все переживет, любые катаклизмы ей нипочем. Теперь я сомневаюсь в этом. Потому что, думаю, люди вообще уходят от литературы, их она больше не интересует. Вот есть «ящик», он поглощает все их интересы...

И.В.: Ну, на самом деле это не так. Элитарные читатели, понимающие толк в хорошей литературе, все равно останутся.

В.В.: Да, но их все меньше и меньше...

И.В.: Неправда. Я преподаю в университете и вижу, что для студентов книга, хорошая книга, по-прежнему любима и необходима.

В.В.: Да, но публика эта слишком немногочисленна...

— **Язык для писателя, как известно, — это то, что формирует его внутренний мир. Ощущает ли вы различие менталитета вашего и вашей дочери?**

В.В.: Конечно. У нее мировосприятие абсолютно иное, чем у меня или у Иры. Хотя, может быть, тут все дело в разных поколениях.

И.В.: Нет, думаю, суть именно в совершенно другой ментальности. У нас не было такого сильного отталкивания от родителей и такого яростного протеста против культуры поколения отцов.

— **А чем вызван этот протест?**

И.В.: Тем, что в какой-то момент (в так называемом переходном возрасте — в 13—14 лет) они начинают чувствовать: на них обрушивается жизнь со всей этой огромнейшей информацией, с этим сексом, жестокостью, бесчеловечностью... Я прекрасно помню себя в этом возрасте и могу сравнивать. Так вот, я всегда, так же как и Володя, плавно, с детства, много читала. Оля тоже выросла на книгах. У нас в мюнхенской квартире стены увешаны фотографиями, где мы сидим с книжками. И вот Оля в этом переходном возрасте вдруг абсолютно отталкивает от себя русскую классику и уходит в эту массовую культуру со всеми там журналами, музыкальными группами и так далее. И только сейчас — ей 20 лет — она возвращается к настоящей литературе.

— **Обычно начинающие писатели кому-то подражают...**

В.В.: Я, помню, писал «под Симонова», еще «под кого-то»...

— **А Оля подражает кому-нибудь?**

В.В.: Мне трудно сказать. Не знаю. По-моему, никому, как ни странно. Может, было какое-то влияние, о котором ни мы, ни она сама не знаем.

И.В.: Я смотрю на ее писательский дебют вполне трезво. Думаю, еще нельзя сказать, что она настоящий писатель, как Володя. И еще не знаю, будет ли она писать и дальше.

В.В.: А я думаю, будет. У нее уже

нет выхода. Она пошла по этой дорожке. Я не знаю никого, кто бы отказался от этой профессии.

— **А о чем вторая Олина книга?**

И.В.: Володя еще ее не читал. В нове тоже ее личный опыт.

В.В.: Нет, во второй книге, насколько я понимаю, она больше дистанцирована от каких-то биографических фактов. Там уже больше напридумано.

И.В.: Я бы не сказала. Главная ее писательская проблема в том, что она пишет слишком близко к жизни.

— **Володя, а вы с Олей делитесь своими грустными размышлениями о будущем литературы?**

В.В.: Конечно. Мы с ней вообще говорим обо всем.

— **Значит, она осознает, что избрала для себя очень сложную профессию в столь быстро меняющемся (и в худшую сторону) мире?**

В.В.: Да. Но дело в том, что у нас с ней к этому различный подход. Когда я начинал заниматься литературой, то знал, что это нечто высокое, необъятное, что, занимаясь писательством, ты словно приближаешься к Богу, тоже творишь какой-то свой мир. А у Оли более трезвое, более реалистичное отношение к этому. Она занимается литературой, осознавая то ее значение, какое действительно существует на Западе. Там литература не значит так много и не несет никаких мессианских функций, как это было совсем недавно у нас. Но все равно, эта профессия достойная, хотя там и нет того глубокого почтения к этому делу, как в России.

— **А были рецензии на Олину книгу?**

И.В.: Да, было несколько. В молодежной газете, в гамбургской газете. И все доброжелательные. Но в Германии вообще рецензии отличаются от наших. Там кратко пересказывается содержание и даются краткие оценки типа «написано свежо, темпераментно», «интересно увиден мир», «новый взгляд на знакомые вещи» — это я по памяти цитирую. Рада ли я, что моя дочь выбрала эту профессию? С одной стороны, мне безусловно приятно — она продолжает таким образом наши семейные традиции. Все-таки любовь к литературе, любовь к слову, к сочинительству — это наполняет жизнь. Но я считаю, что в нынешнем мире быть писателем действительно очень сложно. Поэтому нужно еще какое-то занятие, чтобы не зависело только от того — «пишется или не пишется», «печатается или не печатается». Но это — ее выбор. И дочь его, наверное, сделала.

Игорь КОХАНОВСКИЙ

Владимир ВОЙНОВИЧ

Замысел

Отрывок из автобиографического романа

Приезжий в бобочке

3 августа 1956 года на перрон Курского вокзала Москвы сошел молодой человек в стоптанных желтых ботинках, в синих бостоновых брюках, сзади до дыр еще не протертых, но уже пузырящихся на коленях и обтрепанных, в коричневой вельветовой куртке-«бобочке» на молнии с зеленой наплечной частью, которая называлась кокеткой.

Во внутреннем кармане бобочки лежали шестьсот рублей — на первое время, а в руках приезжий держал чемодан желтой кожи и не совсем обычной квадратной конфигурации, купленный во время прохождения воинской службы в польском городе Бжег на Одере. В чемодане были не очень аккуратно уложены общая тетрадь в линейку, бритва, зубная щетка, пара штопанных носков, пара застиранных рубашек, защитного цвета армейский бушлат, которому не исполнилось еще и года, ну и что-то еще из самого нужного на первое время.

Было около шести утра, город просыпался, по привокзальной площади шли одна за другой поливальные машины, давая по две струи: одну скользящую по асфальту и все смывающую, а другую омывающую, восходящую и опадающую петушиным хвостом. Как только на хвост наступали лучи солнца, он тут же расцветал всеми цветами радуги и немедленно блек, попадая в тень. Машины шли косяком или, по военно-морской терминологии, уступом: первая — посередине проезжей части, другая, отстав на корпус и чуть правее, третья — еще на корпус и еще правее и последняя — касаясь бровки тротуара и не щадя редких прохожих, которые в панике отпрыгивали подальше, прижимались к стенам домов, подтягивали штаны и подбирали юбки.

Пока молодой человек сдавал чемодан в камеру хранения (общую тетрадь предварительно вынув), открылось метро. Приезжий неуверенно ступил на эскалатор, но тут же освоился и, подражая аборигенам, побежал вниз по ступенькам, перепрыгивая через одну. На перроне, у какого-то неспавшегося со вчерашнего алкаша спросил, как доехать до Красной площади.

— Тебе на Красную на эту на площадь? — переспросил алкаш. Да я тебе просто, как другу, сейчас покажу. У нас, бля, в Москве, как говорится, насчет того, чего куда, никаких проблемов нету. Садимся в этот вагон, едем одну остановку...

— Всего одну? — приезжий удивился. Доступность центра Вселенной показалась ему слишком легкой, если не сказать легкомысленной.

— А как же ты думал? У нас в Москве все рядом, все доступно. Здесь, если тити-мити имеешь, все будет у тебя рыдышком, до всего тебя доведут прямо за ручку.

— Ну, ладно, ладно, — сказал приезжий, — спасибо, тут я и сам доберусь.

— Ты что — сам? — горячо возразил провожатый. — Куда же сам? Разве можно тут самому, приезжому, одинокому, имея в кармане тугрики? Это ж, бля, Москва, столица нашей родины. Тут народ живет такой, что приезжего человека встренут, обнимут, разунут, разденут и спать под стенкой положат голого.

Поезд тронулся и втянулся в тоннель, который грязными стенами, пучками шлангов и труб после мраморного и хрустального великолепия станции был неприятен для глаза, похожим, может быть, на человеческую требуху. С некоторых пор, дисциплинируя свою наблюдательность, приезжий пытался из увиденного извлечь мысли, достойные занесения на бумагу. Он подумал, что человек, обычно заботясь о внешнем виде своих творений, внутренностям позволяет пребывать в безобразии точно так же, как поступает сама природа. Создавая, например, человека, она улучшает его вид только снаружи, обтягивая кожей, украшая глазами, волосами и т.д. В результате снаружи человек похож на станцию метро, а внутри — на его тоннели.

Праздные мысли не успели еще улетучиться, а поезд уже растворил свои двери на станции «Площадь Революции».

Стоя на идущем вверх эскалаторе, молодой человек слушал вполуха своего провожатого и исподтишка разглядывал поток москвичей, спускавшихся навстречу, отметив сразу большое количество приятных для созерцания женских еще недостаточно проснувшихся лиц. Глядя на них, он тут же придумал такую игру и сразу ею увлекся: с какой из этих блондинок-брюнеток и промежуточных цветов желал бы он вступить в отношения более тесные, чем встречное скольжение на эскалаторе. С этой, конечно. С этой тоже. С этой возможно. С этой безусловно. С этой, в общем-то, нет, но при отсутствии других предложений, пожалуй, сойдет и она. Короче говоря, во всем нисходящем потоке не оказалось ни одной особы женского пола, которой было бы твердо отказано.

— Ну вот, — сообщил, между тем, провожатый, — мы приближаемся к месту нашего назначения. Это улица 25 Октября, бывшая Никольская, это ГУМ, и вот тебе Кремль, Мавзолей, Лобное место и Вася Блажной, собственной, бля, персоной. И вся эта красота приезжему человеку обходится всего-навсего в четвертак.

— Спасибо, — сказал приезжий, улыбаясь и давая понять, что юмор и провинциализм доступен.

— Спасибо берем дополнительно, — заметил алкаш, — а основная плата четвертак, то есть двадцать пять рублей без процентов.

Поняв, что от него требуют гонорар за провожанье, приезжий попробовал отделаться пятеркой.

— Ну, ты, дядя, даешь! — сказал провожатый, занимая боевую позицию. — Я же тебе как друг твой и экскурсовод объяснил, что здесь, бля, столица нашей родины и здесь жадных людей не любят. Я тебе дорогу показал, ты этот труд должен оплатить по прейскуранту. — Тут же он перешел на угрожающий шепот. — Давай, малый, гони чет-

вертак, а то будет нехорошо. Москва город страшный, слезам не верит и шуток не любит.

— Да ты что, серьезно? — спросил приезжий и, глянув туда-сюда, отметил, что на стороне провожатого никаких резервных сил, видимо, нет. Приезжий был застенчив и даже робок, но все же не всегда и не со всеми. Он наступил провожатому на ногу, схватил его за грудки и оттянул **по фене**, то есть сказал несколько слов на языке, изучаемом не в школах, но в учебных заведениях исправительно-трудового характера, чего, слава Богу, удалось избежать, а также в ремесленных училищах и армейских коллективах, где приезжий получил полное и законченное образование.

Услышав речь не мальчика, провожатый осознал, что сумму гонорара он немного завысил, и с благодарностью удовлетворился предложенной сразу пятеркой.

Красную площадь тоже только что вымыли поливалки, и теперь по влажным еще камням, оскальзываясь, гуляли жирные голуби. Их как раз только что, как символов мира, запретили давить машинами и даже знаки повсюду развешали: «Осторожно, голуби». Говорили, что в порядке борьбы за мир шоферу, задавившему голубя, срок будут давать больший, чем за человека. Вот голуби и ходили, упитанные и самодовольные, словно осознав, насколько они ценнее этих существ, что заискивают перед ними и со сладкими приманиваниями — гуля-гуля-гуля — рассыпают по булыжнику раскрошенный хлеб.

Мавзолеей оказался закрытым ввиду слишком раннего времени. Что приезжего удивило. Он-то думал, что те, которые в Мавзолее, доступны в любое удобное для трудящихся время, а не тут-то было.

Приезжий слегка огорчился. Он хотел сразу посмотреть и отделаться. Посмотреть не потому, что он лежавших в Мавзолее так уж любил, вовсе даже и нет. Но все же кинуть взгляд на столь знаменитых покойников было любопытно, тем более что время пустое, деваться некуда.

Несмотря на рань и закрытость, возле Мавзолея грудилась уже небольшая толпа приезжих зевак. В ожидании предстоящей смены караула они подробно разглядывали часовых.

В толпе выделялась колхозного вида группа: трое или четверо мужчин с обветренными лицами и с ними девка лет двадцати пяти, плотная, в темном хлопчатобумажном мужском пиджаке, в синем берете, заломленном на левое ухо.

Мужик в парусиновых туфлях на босу ногу, закуривая папиросу «Прибой», выражал недовольство:

— А говорят, они не моргают.

— Как же не моргать? — сказала девка. — Чай, такие же люди, как мы.

— Но все ж таки у Кремля, — сказал тот же мужик, но не слишком уверенно. — У Кремля таких, как мы, не поставят.

— Господи, у Кремля, у Кремля. Что жа, как у Кремля, так не человек, что ль?

Приезжий в бобочке, между прочим, тоже в своем провинциальном окружении много слышал и даже отчасти поверил, что часовые у Мавзолея не моргают. Теперь увидел, что моргают не хуже других. Моргают и из-под козырьков поглядывают на толпу стыдливо, как деревенские девушки. Ухитряясь сохранять при этом известную истинность.

— Но зато не шевелются, — сказал другой мужик.

— Еще бы им шевелиться, — согласился первый. — Все ж таки у Мавзолея.

— А что, как ему муха сядет на нос, чего он будет делать? — спросила девка.

— А он ее застрелит, — сказал приезжий в бобочке для себя самого неожиданно.

МИХАИЛ ЯШИН

Вся группа, да и другие зеваки повернулись к нему, кто-то хихикнул, а девушка, не оценив шутки, спросила:

— Как же застрелит? А ежели в нос попадет?

Вызвав вопросом своим большое оживление в собственной группе.

Потолкавшись здесь какое-то время, наблюдаемый нами приезжий дождался боя курантов и смены караула, затем спросил кого-то из местных, как пройти к Тверскому бульвару. Ему объяснили бесплатно: пойдешь прямо по улице Горького, дойдешь до памятника Пушкину, через дорогу от него и будет Тверской бульвар.

СТИХИ НЕ НАШИ

Оказалось, что от Мавзолея до площади Пушкина рукой подать. Через двадцать минут неспешной прогулки приезжий стоял уже перед поэтом, который, сложивши на груди руки, смотрел на него, как бы говоря: «И куда же ты, братец, лезешь, не имея московской прописки и хотя бы завалящего лицейского образования?»

Время для института все еще было чересчур раннее. Приезжий решил подкрепиться и у стоявшей неподалеку старухи в белом халате с жирным животом купил на два рубля пятьдесят копеек по одному из всех продаваемых ею четырех сортов жареных пирожков: за рубль — с мясом и по полтиннику — с рисом, с капустой и с повидлом.

Тут же сел на лавочку и, не стесняясь присутствием великого коллеги, заглянул внутрь тетради с целью очередной ревизии сочиненного.

Новое прочтение вырвало вздох из стесненной груди.

Что есть в наличии? «Новогоднее», «Матери», «Отцу», «Тете Ане», «Дяде Косте», «Брату Севе», «Брату Вите», «Сестре Фаине», «Бабушке». И вот это, без названия:

Остывает земля. Тени темные стелятся медленно.

И внизу корабли опускают за борт якоря.

*И вверх самолет тянет по небу нитку последнюю,
и, как угли в костре, догорают и гаснет заря.*

Девушка Света готова была автору за эти стихи отдаться, но автор догадался об этом лишь несколько лет спустя. Так или иначе, но стихотворение Свете понравилось, особенно вторая строфа:

Далеко-далеко тарактит катеришко измызанный.

Загорелся маяк, и выходит, качаясь, луна...

*Тихо падают вниз звезды первые белыми брызгами,
и на мокрый песок их выносит слепая волна...*

— Гениально! — вздыхала Света и, заглядывая стихотворцу в лицо, вопрошала, не тяжело ли ему жить с таким непомерным талантом. На что вопрошаемый интересничал и отвечал, что, конечно же, тяжело, но от своей планеты разве же убежишь.

Сейчас, перечтя содержимое тетрадки, автор пришел в большое уныние. То, что называл он стихами, ему не нравилось, и так стыдно было кому-то это показывать, что быстроросло и созрело желание отказаться от своего намерения и бежать назад, в Керчь.

Но...

Он же не просто из дома вышел в сторону Литинститута, по дороге передумал и повернул обратно, а приперся черт-те откуда, сжег за собой мосты, никакого пути назад не оставив.

Решил немного дело поправить. Один, самый убудочный стишок вырвал, другой, сочиненный тут же, вписал.

— Вы, молодой человек, если я не ошибаюсь, стихи пи-

шете? — услышал он голос, булькающий как из колодца.

Молодой человек, скрывая досаду, покосился на голос. Пожилой, лет сорока пяти (никак не менее), упитанный гражданин, в очках с тонкой оправой, смотрел на него, приветливо улыбаясь.

— Для печати пишете или просто так, для души?

— Для души, — буркнул молодой человек, чтобы отвязаться.

— Взглянуть не позволите?

— А зачем?

— Затем, что я мог бы быть вам, очевидно, полезен.

Чем неожиданный благодетель мог бы быть полезен, наш стихотворец спросить постеснялся, но предположил, что — а вдруг — это редактор, критик или, может быть, даже какой-нибудь знаменитый поэт. Сейчас почитает стихи, прослезится, пожмет руку и на первом томе своего полного собрания сочинений выведет: «Победителю-ученику от побежденного учителя» или что-нибудь вроде этого.

Хотя, конечно... Конечно, вряд ли... Но все-таки...

Стихотворец загнул тетрадь так, чтобы легкодоступным осталось лишь только что испеченное, и протянул ее в любопытные руки.

Память автора не сохранила это сочинение в полном объеме, только последнее четверостишие вспоминается, да и то благодаря тому случайному ценителю, встреченному под башмаками Александра Сергеевича.

Ценитель читал стихотворение, беззвучно шевеля толстыми губами, а запомненное четверостишие прочел вслух, булькая, гнусава и испытывая трудности в произнесении всех шипящих:

— «Мечты, мечты... И я мечтаю робко при свете затающего дня, что, может быть, нехоженная тропка, ешчо осталась где-то для меня». — Он вздохнул, поднял очки на лоб, посмотрел на начинающего автора и сказал:

— Нет, это не то.

Потом подумал и решил свое суждение детализировать:

— То, что вы пишете, молодой человек, есть настоящая чаша и сушная чепуха.

Молодой человек и сам думал примерно так же, но столь прямое суждение его покорило.

— Почему ж это чепуха? — спросил он сердито.

— Потому что чепуха. Потому что все содержание этого вашего, с позволения сказать, стихотворения стоит три копейки, а если сказать точнее, то две с половиной. Кроме того, я вам должен сказать откровенно (тут голос его суровел): это стихи не наши.

— Не ваши? — переспросил молодой человек удивленно.

— Не наши, — повторил тот очень серьезно. — Судите сами. Почему вы пишете о затающем дне, когда можно сказать, что солнце нашего дня находится на пути к зениту? Вы понимаете, что я имею в виду? И почему ваш лирический герой, проявляя несвойственную нашему человеку склонность к индивидуализму, ищет для себя какие-то, понимаете ли, отдельные, побочные тропки? Почему он не хочет идти по широкой магистральной дороге вместе со всем нашим народом? Почему? Вы откуда приехали? Из Крыма? Вот и возвращайтесь к себе в Крым. Может там выращивать виноград или картошку или заниматься чем-то ешчо, но писать стихи... Нет, нет, молодой человек, поверьте мне, это совсем не для вас. Впрочем, давайте разберем, что вы написали ешчо.

Он вознамерился читать дальше, но молодой человек схватился за тетрадь.

— Отдайте!

— Ну почему же? Я же хочу вам помочь разобраться.

— Не надо! — неблагодарный, он вырвал тетрадь, встал и поспешно удалился.

ПТИЦА ТЛЯ

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Однажды кривой пастух муравей Ленька так, по выражению бабки Маланьи, наглохтился, что упустил стадо, прилег к мощному стволу земляники и в результате чуть не утоп в росе, но не проснулся.

Стадо тлей пришло само, муравей деда Миша, однако, не обнаружил тли Зорьки и ходил до ночи по деревне, клича: «Зоря, Зоря!»

Каково же было его удивление, когда тля Зорька вышла из дремучего подорожника посвежавшая и взволнованная, и не одна, а в сопровождении трех диких тлей противоположного пола.

Одичалые самцы шли за тлей Зорькой, готовясь к неравной взаимной борьбе, трубя и крутя извилистыми рогами, роняя на ходу зеленую пену, и потому не заметили, как муравей деда Миша обротал их, запряг и с криком «Пооди, пооди!» помчался на тройке — эх тля, птица тля.

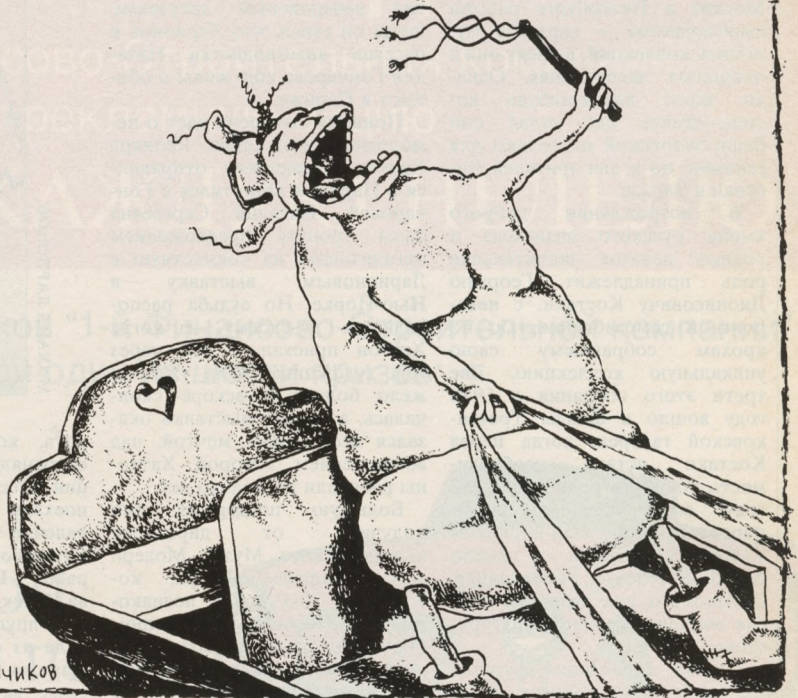
Но помчаться не получилось, на пятой поперечной траншее ихнего шоссе муравей деда Миша потерял управление и выехал на встречную полосу, где следовал жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой за бампер.

Результатом было то, что у тли-коренника снесло фуражку, часть носового оперения и жвало, а жук-солдат Андреич в сцеплении с женой Веркой не вписался в такой поворот и перекинулся.

Однако же тля Зорька послужила еще раз: призывно тряся бюстом, она вытянула самцов из колеи, и они, буквально пожирая глазами тлю Зорьку (вид сзади), прыгнули из трясины.

Что касается жука-солдата Андреича с женой Веркой, то они заснули как были, в перекинутом виде на своем «Мерседесе» — не привыкать.

© А. Лукьянчиков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИГОРЯ ИРТЕНЬЕВА

Прогулка на два оборота

Ю.Арабову

Я не был никогда в Монголии,
Где от кумыса нету спасу,
Где круглый год цветут

магнолии,

Согласно сообщеньям ТАСС-а.

Там что ни житель — то монгол,
А что ни лошадь —
то Пржевальского,
Там все играют в халхинбол,
Но из ключа не пьют
кастальского.

Я не был никогда в Венеции —
Шамбале кинематографии,
Где драматургов нету секции,
Что в переводе значит — мафии.

Там время сжато, как пропан
И вечность кажется минутою,
Там чуть не помер Томас Манн,
А может, Генрих, я их путаю.

Я не бывал в стране Муравии,
Где ям не меньше, чем ухабов,
Я также не бывал в Аравии,
Ну что ж, тем хуже для арабов.

Но я бывал в Голопобоево,
Где жители клянут Арабова,
Раскаты дикой лиры коего
Лишают их рассудка слабого.

Там низок уровень культуры
И редко слышен детский смех.
Ты лучше их не трогай, Юра,
Убогих, Юра, трогать грех.

Русский авангард в Америке

Инесса ЛЕВКОВА-ЛАММ

Теперь уже русский авангард (1900—1920) ни для кого не открытие. На рынке искусства уровень его цен доходит до миллионов долларов. В Москве и Петербурге работы авангардистов — гордость музейных коллекций, и висят они в открытых экспозициях. Однако всего каких-нибудь восемь—десять лет назад они были экзотикой не только для россиян, но и для зрителей Востока и Запада.

В возрождении доброго имени русского авангарда в родных пенатах значительная роль принадлежит Георгию Дионисовичу Костаки, с невероятной самоотдачей по крохам собравшему свою уникальную коллекцию. Две трети этого собрания в 1978 году вошло в фонды Третьяковской галереи, когда перед Костаки встала необходимость покинуть родину. В 1982 году его собрание экспонировалось в нью-йоркском музее Гуггенхайма и имело большой успех у американцев. Однако это уже была не первая выставка русских «футуристов».

Первая экспозиция русских художников на Западе была открыта в 1971 году в галерее Леонарда Хаттона в Нью-Йорке. Для ее осуществления супругам Хаттон (Леонарду и Ингрид, которая была содиректором галереи и теперь, после смерти мужа, является ее директором) потребовалось десять лет кропотливой работы.

Галерея Леонарда Хаттона была открыта в 1957 году на 57-й стрит, одной из главных магистралей Нью-Йорка, где расположены самые известные выставочные залы. В галерее выставлялись работы немецких экспрессионистов и итальянских футуристов. В 1961 году, работая над выставкой немецкой художницы Габриэлы Мюнтер, Л.Хаттон обнаружил неизвестные для себя названия: «Салон Издебского» (его отделения существовали в 1909—1910-м в Одессе, Москве и Петербурге) и «Бубновый валет». Практически ничего не зная о русском искусстве, Хаттон решил, что «Бубновый валет» — это название московского музея или галереи.

Обратившись за консультацией к г-же Мюнтер, он выяснил, что «Бубновый валет» — группа, организованная в 1910—1911 годах выдающимся русским художником Михаилом Ларионовым. Хаттона охватила невероятный энтузиазм, когда он узнал, что Ларионов и русская авангардистка Наталия Гончарова еще живы и обитают в Париже.

Понимая, что речь идет о молодых художниках, Леонард Хаттон немедленно отправился в Париж и встретился с Гончаровой. Наталия Сергеевна была тронута предложением организовать их совместную с Ларионовым выставку в Нью-Йорке. Но судьба распорядилась по-своему, и, когда Хаттон приехал к ней через год, художница была уже тяжело больна и вскоре скончалась, а проект выставки оказался всего лишь мечтой, над воплощением которой Хаттон работал несколько лет.

Большую поддержку они получили от директора нью-йоркского Музея Модерн Арт Альфреда Барра, который в 20-х годах познакомился в России с Александром Родченко, ставшим его кумиром. Он же рассказывал супругам-галеристам о Малевиче. В 1964 году Хаттон на лондонском Сотбис увидел «Ловлю рыбы» (1909) Гончаровой. «Яркий свет и простота линий захватили меня настолько, — буд-дет вспоминать позже он, — что я не заметил, как поднял руку и купил картину». Круг замкнулся — Гончарова была первым художником, с которым познакомился дилер, ее же работа положила начало его «русской коллекции», которая вскоре пополнилась «Солдатским танцем» Ларионова, «Русской зимой» Гончаровой, «Конструкцией» и «Летающими формами» Ивана Пуни, а также «Ранним утром» Любови Поповой. Коллекция расширялась, и уже можно было планировать выставку. Но Ингрид не хотела ее открывать, не имея портрета Владимира Татлина, написанного в 1911 году Ларионовым.

В шестидесятые годы в Париже еще можно было найти представителей русской аристократии, покинувшей Россию после октябрьского перево-

МИХАИЛ ЛАРИОНОВ

рота, которые всеми силами сохраняли в своем кругу традиции русской культуры. Ингрид поехала в Париж и дала объявление в «Русскую мысль». Ее интересовало приобретение работ Гончаровой, Ларионова, Александры Экстер, Татлина и других. «Почти месяц я ездила из одного в другой конец Парижа. Это были незабываемые встречи с необыкновенно приятными и гостеприимными русскими. Чаем из серебряных самоваров и с вишневым вареньем, подаваемым в хрустальных розетках. Но то, что я искала, обнаружить было невозможно».

В течение десяти лет подготовки к первой выставке Хаттоны проявили завидное упорство и терпение. Ингрид внимательно изучала фотографии и архив жены Ларионова (с Гончаровой они разошлись) в Париже, с утра до вечера сидела в библиотеках Нью-Йорка, Лондона и разных городов Германии. Неудивительно, что сейчас она является одним из самых больших специалистов по русскому искусству того времени. После долгих лет работы судьба стала более благосклонна к Хаттонам. Они познакомились с художником Юрием Анненковым, эмигрировавшим в 20-е годы во Францию, с наследниками художников — сыном Боранова-Россине, семьей Алек-

сея Явленского и обладателем портрета Татлина — М.Сеунром, который после долгих переговоров согласился дать картину на время выставки.

В итоге к октябрю 1971 года выставка «Русский авангард: 1908—1922» была готова и открылась. «Звоном бокалов, наполненных «Советским шампанским», — говорит Ингрид Хаттон, — мы отдавали почести русскому искусству».

С тех пор прошло более 20 лет. За это время галеристы познакомили американцев с единомышленниками и друзьями Кандинского — русскими эмигрантами Марианной Веревкиной и Алексеем Явленским. Они были первыми, кто показал ньюйоркцам выдающегося русского художника Михаила Матюшина. Большим событием стала выставка Малевича и его учеников Николая Суетина и Ильи Чашника, а также других выдающихся творцов начала века.

Заканчивая рассказ о галерее Хаттона, мне хотелось бы отметить их постоянный интерес к русскому искусству и большую роль в том, что оно обрело популярность в Америке. В последние годы их внушительная коллекция пополнилась работами современных художников, которых галеристы считают достойными великих предшественников.

Нью-Йорк

Учредитель
“Гермес-Финанс”

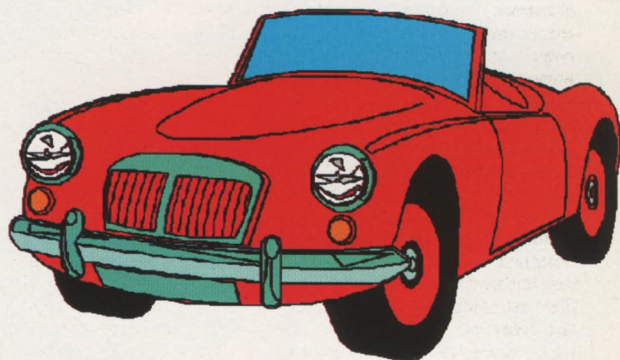
Уважаемые вкладчики!

С 16 мая “1-я Финансово-Строительная компания”
проводит рекламную акцию

“МАШИНА - КАЖДУЮ НЕДЕЛЮ”

Каждый день один из вкладчиков “1-й Финансово-Строительной компании”
унесет домой один из шести призов:

1. МАГНИТОФОН
2. ВИДЕОПЛЕЙЕР
3. ВИДЕОМАГНИТОФОН
4. МИКРОВОЛНОВУЮ ПЕЧЬ
5. ТЕЛЕВИЗОР
6. АВТОМОБИЛЬ !!!

Условия просты:

- в течение рабочего дня из числа вкладчиков компьютер наугад определяет восемь человек (один человек в час);
- в этот же день в 17:30 методом компьютерной жеребьевки из них выбирается один;
- выбранный вкладчик уносит один из шести призов
или же — уезжает на **АВТОМОБИЛЕ !**

АДРЕСА:

Москва, ст. м. “Новослободская”, 1-я Миусская ул., 24/22.
Тел.: 250-2312, 978-3485.

Москва, ст. м. “Кузнецкий мост”, ул. Рождественка, 7/12.
Тел.: 923-2287, 357-5120, 374-8787, 350-2592, 531-1109.

Наличные деньги могут остаться
лишь на полотнах старых мастеров
да в нашей памяти

Ведь теперь у нас есть банковские карточки STB-card

Адрес: Москва, 113095, ул. Пятницкая, 72.
Телефоны: (095) 236-81-80, 236-80-57. Факс: 236-83-20.
Телекс: 411913 SBANK SU. Телетайп: 114250 СМОЛЯК

BANK STOLICHNY